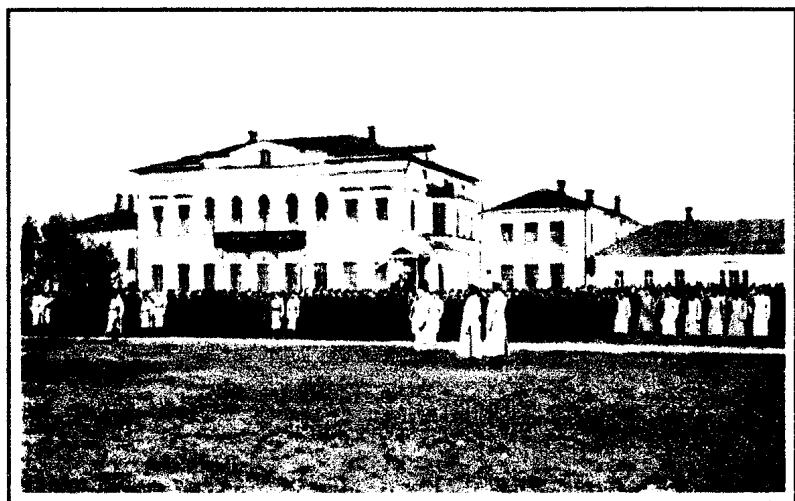

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

в истории России

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

**Народ, политика, власть
в истории России**

Ярославль
2005

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

ББК 63.3(2)

УДК 902

Н 30

Народ, политика, власть в истории России:
Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2/ Под ред.
Г. Н. Кочешкова. –
Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005. 159 с.
ISBN 5-87555-386-3

В сборник вошли статьи, отражающие сложные процессы взаимоотношения властных структур и российского общества на протяжении длительного исторического периода. В авторский коллектив вошли видные ученые Ярославских вузов и других научных организаций, а также аспиранты, специализирующиеся на актуальных проблемах российской истории.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов исторических факультетов.

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора Г. Н. Кочешкова.

ISBN 5-87555-386-3

УДК 902

© Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского, 2005

ISBN 5-87555-386-3

П. Г. Аграфонов
*Ярославский государственный
педагогический университет*

К вопросу об особенностях практики культа героев в античном мире

Герои занимают особое место в сложной иерархической структуре древнегреческого мифологического мира; своеобразием их статуса как объектов поклонения обусловлены те особенности отправления культа, которые прослеживаются на многочисленных примерах в письменных источниках и, в несколько меньшей степени, – в вещественных.

Хотя количество таких примеров нельзя назвать массовым, их все же достаточно для того, чтобы высказать предположение о существовании достаточно явно выраженной специфики культа героев как самостоятельного явления. Специфики, наиболее четко проявившейся именно в его практической стороне. Особенности практики этого культа, отличающие его от культа богов-олимпийцев, отражают восприятие образа героя в представлениях личности и общества, отношение к нему на повседневном, в том числе и бытовом уровне. Систематизация, предварительный анализ такого рода явлений и предположения, которые он позволяет сделать, будут предметом предлагаемой работы.

Наиболее наглядным выражением практики именно героических культов было широко распространенное во всем античном мире явление почитания могил героев – как реально существовавших, так и мифологических персонажей. В «Хозфорах» Эсхила говорится о принесении жертв Агамемнону. Пример поклонения герою – основателю города – известен в «Илиаде». Упомянутый в ней герой Тлиподем, став основоположником нового поселения, впоследствии почитается местными жителями на ежегодном посвященном ему празднике с жертвоприношениями (Ilias, II.653-670). Традиция поклонения тому, кому город или селение были обязаны самим фактом своего существования, была наиболее устойчивой и широко распространенной. Одним из наиболее древних признаков ее формирования стало распространение в период Темных веков обычая поклоняться томбам – захоронениям героев-эпонимов [1].

Этот обычай, примеры которого известны в античном мире почти повсеместно, связан своими корнями с привычными формами почитания рядовых могил. Из них он вырос, некоторые черты культа мертвых сохранил и в дальнейшем. Так, например, в малоазий-

ском городе Колофоне на могилах местных героев во второй половине VIII в. до н. э. отправлялся культ, сходный с погребальным [2]. Иногда частью культовой обрядности, связанной с захоронениями героев-эпонимов, были зафиксированные в нескольких случаях факты ежегодного ритуального оплакивания некоторых местных героев [3]. По свидетельству Гесиода, в честь героя Амфидаманта на его могиле в Халкидоне проводились состязания певцов (Hes. 654-657). Из таких прославляющих и одновременно оплакивающих песнопений сложились тексты «плачей» по героям, использованные в поэтических эпосах [4].

Иногда в объект культа превращалась могила героически погибшего соплеменника, проявившего себя особыми заслугами, обычно военными. Так было с греком Амфитридамом, деяния которого настолько поразили современников, что после смерти он удостоился регулярного воздаяния почестей наравне с героическими предками, память о которых сохранили легенды [5]. Под погребения героев-современников отводились особые, священные участки территории [6].

Таким образом, если место захоронения местного героя было известно, оно автоматически превращалось в объект отправления известных обрядов, сходных, с одной стороны - с практикой культа мертвых, с другой - с торжествами, прославляющими общегреческих героев-полубогов. Это относится к могилам как реально существовавших личностей, так и мифических.

В большинстве случаев захоронение героя как основное его святилище и центр культовой практики сохраняется в течение долгого времени, нередко столетий, что в свою очередь отграничивает формы бытования культа героев от почитания мертвых и ухода за обычными могилами [7]. Томбы были местом проведения совместных сакральных трапез, иногда с явно выраженным военизированным оттенком. Здесь же проводились военные советы и вообще собрания общины по самым различным местным вопросам, что превращало место захоронения в своеобразный общественный центр, куда стекалось население в случае серьезных событий (Polyb. 23.10.17).

Такой «социально-политический», гражданственный аспект героической культовой практики в отношении к томбам свидетельствует о ее общественной значимости. Почитание героя, имя которого было воплощением реальности поселения и уверенности в его завтрашнем дне, стало одной из ранних форм государственно-политической стороны культовой практики. Могильные камни и затем алтари на месте древнейших томбов стали предшественника-

ми будущих грандиозных святилищ Афин и Рима, получивших также значение центров политической жизни.

С другой стороны, томбы притягивали к себе путников и потому иногда становились очагом зарождения новых городов (Ilias, 2.603-604). Возможен, впрочем и обратный вариант, когда при отсутствии поблизости сакральных захоронений или больших алтарей при закладке города новопоселенцы проделывали ритуал «приглашения» пользующихся известностью героев и других божеств в новое место, чтобы те не оставили его своим покровительством. Аналогичный обряд совершается при восстановлении разрушенного города. Так, жители заброшенной Мессены, вернувшись на пепелище, начали свою жизнь заново с того, что громкими криками призывали героев, покинувших обезлюдевший город, возвратиться на прежнее место. Их призывы были обращены к сыновьям Геракла, местной героине-эпониму, своим героическим предкам, а также недавно погибшему военачальнику, который командовал мессенцами во время последней неудачной для них войны [8].

Отсюда следует, что герои-покровители, особенно локальные, воспринимались как со—жители, соседи, живущие рядом, могущественные, но справедливые. Об этом же говорит и роль героев как сотрапезников, с которыми делились средствами к существованию, что отражено в нормах процесса принесения жертв. Отношения с героями, связанными с данной местностью узами давней традиции, требуют только упорядоченности, соблюдения определенных узаконений, освященных неписаными правилами практики культа.

Захоронения, традиционно широко почитаемые в античности, были только одной разновидностью святилищ героев, чаще всего местом поклонения героическим предкам. Для могил бронзового века, сохранившихся в более поздние времена, статус овеянных легендами центров культовой практики был весьма обыкновенным явлением [9]. Но наряду с ними формируется развитая сеть святилищ, не связанных с захоронениями – теменосов, алтарей и священных рощ.

Среди наиболее архаичных видов святилищ следует назвать фависсы – природные расселины в скальной породе, которые в гористых местностях издревле использовались для возлияния кровью жертвенных животных. Здесь особенно очевидна близость героев к хтоническим божествам, особенно часто почитавшихся таким образом. Впоследствии использование фависс постепенно вытесняется более высокоорганизованными процедурами жертвоприношения. Первым шагом к этому были попытки облагородить их

облик – края расселин подтесывались, выравнивались с целью придания им более правильной формы [10].

Со временем этот «варварский», дикий по представлениям цивилизованных сообществ способ принесения жертв постепенно сменяется выделением специально предназначенных для таких целей участками территории. Вначале это были просто небольшие выровненные площадки, внутри городской ограды или за ее пределами. К числу простейших первых святилищ, возникших на этих площадках, относятся зольные алтари, сформировавшиеся из наслоений пепла, остававшегося после сожжения жертвенных животных. В традиционных местах жертвоприношений, обходившихся пока безо всякого реквизита, его роль со временем стали исполнять спрессованные накопления пепла, из которых и формировались подобия алтарей для принесения очередных жертв. Такие зольные холмы-жертвенники были известны именно в качестве жертвенников героям и именовались у античных авторов термином «эсхара», которым иногда обозначается и большой открытый очаг, выполняющий роль алтаря (Paus. II. 10.1; V. 13. 6).

Параллельно с зольными существуют многочисленные домашние святилища. Вначале жертвенником здесь служит обычный домашний очаг. И в зольных холмах, и в остатках домашних очагов обнаружены появляющиеся позднее предметы культового реквизита – посуды, в том числе и посвятительной, терракот, статуэток. Наконец, следующей стадией развития практики культа становится повсеместное строительство святилищ в законченной форме, специально предназначенных для выполнения функций организующего центра поклонения герою, с продуманной планировкой и обстановкой. Ранние формы святилищ при этом долго еще сохраняются [11].

Исходя из особенностей отправляемых здесь обрядов святилища можно подразделить на две категории – домашние и общественные. Домашние святилища, выросшие из обычного очага-жертвенника, представляли собой чаще всего одно из помещений жилого дома, в центре которого размещалась выложенная каменными плитками эсхара. Иногда алтарем служили также предметы посуды крупных размеров – лутерии, огромные каменные или глиняные блюда, использовавшиеся для сжигания туш небольших животных. В слоях, сохранивших остатки таких святилищ, также обнаружены многочисленные находки votивного характера [12].

Для отправления семейного культа таких камерных алтарей было достаточно. Общественные же святилища, собиравшие на своей территории толпы народа, были открытыми или огороженными площадками, которые могли быть также, как уже говорилось, местами общественных собраний. В некоторых случаях письменными

источниками засвидетельствовано, что агора могла включать в себя и теменос [13]. Крытое общественное святилище служит переходной формой на пути к возникновению храмов.

Святилища снабжались стационарным жертвенным инвентарем, в качестве которого использовались обычно жертвенные столы для заклания животных или каменные (мраморные) алтари. Известны также маленькие каменные алтарики со сквозными отверстиями для стекания жидкости. Это не обязательно должна быть кровь животных, потому что жертвоприношения героям не ограничивались только ими. Известно также приношение в качестве жертвы плодов, злаков и особенно возлияния – маслом, медом, вином. Все это изливалось на алтари и через отверстия по желобкам стекало в землю. Ярko выраженный хтонический характер таких приношений не подлежит сомнению [14].

В единичных случаях известны находки на территории святилищ костей рыбы. Письменные источники о рыбе как приношении героям или богам не говорят, но вероятность такого жертвоприношения, особенно ценными морскими породами, исключать нельзя. Особенностью святилищ героев, в частности, Геракла, было обилие необожженных костей домашних животных, что свидетельствует о развитой традиции проведения обрядовых пиров [15].

Здания общественных святилищ имели один или два входа, в стенах часто оформлялись ниши для размещения статуэток, светильников, посуды – кувшинов, кубков для питья, сосудов для возлияний [16]. На керамике встречаются посвятительные надписи. Среди имен героев, упоминаемых граффити, лидирует Геракл. Это относится как к территории аттической Греции, так и к северочерноморскому ареалу распространения героических культов [17]. Наконец, известны статуи героев, причем не только пользующихся общегреческой известностью. Так, например, из текста одного из ольвийских декретов известно об установке здесь статуи местного героя Сосия. Терракотовые и мраморные изображения Геракла в Северном Причерноморье тоже хорошо известны [18].

Наибольшее число свидетельств различия, которое проводилось в системе практики культа между богами и героями, дают описания ритуалов жертвоприношения. Будучи одним из основных, системообразующих элементов античной культовой практики, принесение жертв отличалось большим разнообразием форм [19]. Такая его разновидность, как жертвоприношение героям, обнаруживает в своих нормах, деталях, регламентации черты, проводящие достаточно явственную грань, отделяющую ее от других. Различие просматривается в выборе вида животного, процедуре его умерщвления, так же как в процессе разделки туши, предназначении отдель-

ных ее частей, общем характере и особенностях церемониала.

Так, многие античные авторы утверждают, что в отличие от богов-олимпийцев, обычной жертвой которым был крупный рогатый скот (чаще всего крупные взрослые быки), героям приходилось довольствоваться мелким. В ходе обряда жертвенное животное располагалось всегда головой к жрецам [20]. Стандартная жертва герою – овца / баран (Od. 11. 32) или коза / козел, реже свинья или собака [21]. В то же время богам от массивной туши быка мало что доставалось, потому что сакральному сожжению подлежали только отдельные и далеко не самые внушительные ее части, обычно бедренные кости, в некоторых случаях прикрываемые жиром (видимо, по примеру, поданному Прометеем). Все остальное съедалось участниками ритуальной трапезы, либо жертвовалось святилищу. Тогда как туши овцы, козы или ягненка, жертвуемые героям посредством сожжения, предназначались только объекту поклонения и доставались ему целиком [22].

Эта классическая схема в основном сохранялась вплоть до эллинизма, когда в текстах впервые упоминается бык в качестве жертвы герою [23]. Необходимо отметить, что сходная практика бытовала также в отношении богов подземного мира – жертвуемые им туши (добавим, именно мелкого рогатого скота) тоже сжигались целиком, а не частично [24]. Таким образом, в ритуале жертвоприношения богам-олимпийцам последние делили свою добычу с жертвователями, тогда как герои и хтонические божества имели право на всю тушу. Так, на Фасосе, согласно Павсанию, Геракл принимает в жертву ягнят, предварительно умерщвленных и затем сожженных полностью (Paus. II. 10. 1).

Но это относится только к жертвоприношению через сожжение, в других случаях возможны иные варианты предназначения мяса жертвенных животных. Например, при принесении кровавых жертв, то есть через возлияния кровью животных, туши после завершения этого обряда тоже разделялись между участниками предстоящей сакральной трапезы. Такой тип жертвоприношения практиковался при поклонении героям, что тоже сближает их с хтоническими божествами, для культа которых возлияния кровью были особенно характерны [25].

Этим не исчерпывается сходство практики культа героев и богов подземного мира. В частности, при жертвоприношениях тем и другим явное предпочтение отдавалось животным черной окраски – например, Пелопсу, как рассказывает Павсаний, жертвовали тушу черного барана (Paus. V. 13. 2). Кроме того, по некоторым свидетельствам прослеживается выбор для этих церемоний вечернего или ночного времени суток, характерного также для погребальных об-

рядов. Особенно выразительный пример такого рода присутствует также у Павсания, утверждающего, что на Фасосе на Гераклеийских празднествах жертвоприношения Гераклу-герою производились вечером и представляли собой вторую, отдельную часть ритуала, которая следовала за первой (утренним принесением жертв Гераклу-богу) и дополняла ее (Paus. II. 10. 1).

В этом случае сценарий процесса жертвоприношения состоял из двух взаимосвязанных и, видимо, неотъемлемых друг от друга частей, каждой из которых были отведены свой час и место проведения. Оба ритуала предусмотрительно не совершались на одном и том же алтаре, будучи разведены не только во времени, но и в пространстве. Геракл-олипиец получал положенные ему в качестве бога жертвы утром на агоре Фасоса, а вечером у ворот города получал полагающиеся приношения уже его защитник, воитель, герой и победитель многих сражений. Можно добавить, что во время утреннего церемониала туши режутся на части, а в ходе вечернего - сжигаются целиком [26].

В то же время в Ольвии, одновременно с храмом, посвященным Гераклу, одним из основных защитных сооружений города была башня Геракла – символ и воплощение его героической защитной функции (IOSPE, I², №32, 179, 183). Таким образом, почитание Геракла обнаруживает черты раздвоения, которые прослеживаются также в случае с некоторыми другими героями.

Это явление расслаивает практику культа на вполне автономные, хотя и сходные, составляющие. Причины такого раздвоения коренятся в двойственности образа героя, обусловленного исключительностью его положения в античном пантеоне. Он смертен, но в то же время удостоен почестей и поклонения – это обстоятельство осложняет практику культа и накладывает на нее отпечаток своеобразия. В некоторых случаях такие отдельные особенности и детали сливаются в относительно целостные системы, и тогда в отношении объекта поклонения практикуются уже две развитые и самостоятельные стороны культа – одна позиционирует его как небожителя, другая как героя.

Это справедливо по отношению прежде всего к самым знаменитым общегреческим героям – Тезею, Гераклу, Телефу, Диоскурам, Мелампу, наиболее близко подошедшим в своем положении к статусу богов [27]. Относительно Геракла можно даже говорить о сосуществовании двух его культов, каждого со своей практикой и регламентом. То обстоятельство, что в разных концах античной Ойкумены имелись посвященные ему храмы, не может свидетельствовать ни о чем ином, как о поклонении Гераклу-богу, сравнивавшемуся в своем положении с величайшими из олимпийцев.

Так, храм Геракла на Фасосе ничем не отличался от храма любого из них – с центральным святилищем, опоясанным колоннами, с огромным алтарем и всеми сопутствующими такому месту священнодействиями (торжественными процессиями, грандиозными жертвоприношениями, отработанными в течение столетий ритуалами воздаяния почестей – вероятно, уже богу, а не герою). Празднование Гераклея, также отмеченное Павсанием, тоже говорит о том, что местные жители видели в Геракле бога. Значительная часть празднеств проходила в храме; кроме того праздник отмечен также особыми гераклеяскими собраниями, собиравшими всех обитателей округи. Наконец, на время проведения Гераклея были запрещены судебные преследования и даже объявлялся мораторий на взятие под стражу – все разбирательства откладывались на более позднее время [28].

Но и этим не ограничивались признаки поклонения Гераклу как богу. Хотя Гераклу жертвовался ягненок, а не бык, сожжению подлежала не вся туша, а только бедренные ее части. Все остальное делилось между участниками совместной трапезы, следовавшей за жертвоприношением [29]. Следовательно, соблюдалась схема распределения туши, характерная для приношения ее богам.

С другой стороны, параллельно имеет место бытование обрядов, посвященных Гераклу-герою, отделенных от первых даже во времени – как следует из приведенного выше рассказа Павсания о двух частях процедуры жертвоприношения, разделенных перерывом в несколько часов. На Фасосе храмовые священнодействия в честь Геракла также дополнялись мероприятиями не менее торжественными, но несколько иного толка. В этот же день здесь проводились масштабные по местным меркам военно-спортивные состязания, атлетические игры, тренировки и воинские «парады» – действия, характер которых обусловлен, можно утверждать предположительно, героической природой Геракла [30].

В связи с этим можно упомянуть, что сходными по сути зрелищами (прежде всего теми, смысл которых был в демонстрации физической силы, воинской доблести и просто военной силы жителей данной местности) обставлялись и события совершенно иного рода и размаха. Так, на похоронах Амфитридама, предводителя халкидонцев происходили военные игры и построения, долженствовавшие продемонстрировать их боевой дух и воинскую выучку [31]. Амфитридам – локальный и впоследствии довольно быстро забытый герой, но подобное сопровождение обряда его похорон, повторявшееся в этот день затем не один год, роднит его образ с образом величайшего из героев Греции, и свидетельствует об об-

щих чертах в практике почитания всех героев, вне зависимости от масштаба личности и степени ее известности.

Следует также добавить, что военные игры на Фасосе сопровождались обрядовыми пиршествами; это обстоятельство, также как погребальная окраска состязаний в Халкидоне, вновь напоминает о хтоничности героических культов. Упомянутые данные относятся к длинному перечню сходных свидетельств, говорящих о близком родстве культа героев и культа мертвых. Это предположение особенно ярко иллюстрируется примерами из практики культа героев - реально существовавших личностей, чаще всего ойкистов или эпонимов данной местности. Именно эти разновидности героического культа обретают наиболее развитые формы.

Приведенные выше данные достаточно убедительно характеризуют явление, о котором в отечественной историографии говорилось очень немного – самостоятельность практики героических культов. Сходство почитания героев с поклонением богам-олимпийцам также не подлежит сомнению; тем плодотворнее представляются попытки обозначить черты, различающие их между собой. Проведение более четкой грани между двумя взаимосвязанными сторонами культовой практики позволяет более точно очертить многообразие форм духовной жизни античного общества.

1. E. D. Townsend, A Mycenaean Chamber Tomb under the Temple of Ares // *Hesperia* 24 (1955). P. 187-219.
2. Сисс Д., Детьен М. Повседневная жизнь греческих богов М., 2003. С.208.
3. D. Nock *Essays on Religion and the Ancient World*. Bd II, Oxford, 1972. P. 577.
4. См. Боура С. М. Героическая поэзия. М., 2002.
5. J. N. Coldstream *Hero-cults in the Age of Homer* // *The Journal of Hellenic Studies*, vol. XCVI, 1976. P. 15.
6. Тахо-Голи А. А. Греческая мифология. М., 1989, С.203.
7. J. N. Coldstream *Hero-cults in the Age of Homer* // *The Journal of Hellenic Studies*, vol. XCVI, 1976. P. 14.
8. Сисс Д., Детьен М. Повседневная жизнь греческих богов М., 2003. С. 207.
9. Н. А. Shapiro *Art and Cult under the Tyrants in Athens*. Mainz am Rhein, 1989. P. 142.
10. Молева Н. В. Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 72.
11. Лагышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2, СПб. С. 21-23.
12. Молева Н. В. Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 133.
13. Сисс Д., Детьен М. Повседневная жизнь греческих богов М., 2003. С.189.

14. Молева Н. В. Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 132.
15. Молева Н. В. Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 74.
16. J. N. Coldstream Hero-cults in the Age of Homer // The Journal of Hellenic Studies, vol. XCVI, 1976. P. 9.
17. Аграфонов П. Г. Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н. э. - III в. н. э.) М., 1999.
18. Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI – I вв. до н. э. СПб., 2000. С.28.
19. Буркерт В. Homo Nescans. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе // Жертвоприношение. М., 2000. С. 407.
20. T. H. Price, Hero-Cult and Homer // Historia 22, 1973. P. 136.
21. D. Nock Essays on Religion and the Ancient World. Bd II, Oxford, 1972. P. 576.
22. V. Berquist, Herakles on Thasos. Uppsala, 1973, p.38; см. также : A. D. Nock Essays on Religion and the Ancient World. Bd II, Oxford, 1972. P. 576.
23. T. H. Price, Hero-Cult and Homer // Historia 22, 1973. P. 130.
24. D. Nock Essays on Religion and the Ancient World. Bd II, Oxford, 1972. P. 576.
25. Лагышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2, СПб., с. 21-23; Н. В. Молева Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 170.
26. V. Berquist, Herakles on Thasos. Uppsala, 1973. P.37-38.
27. D. Nock Essays on Religion and the Ancient World. Bd II, Oxford, 1972. P. 578.
28. V. Berquist, Herakles on Thasos. Uppsala, 1973. P.37.
29. V. Berquist, Herakles on Thasos. Uppsala, 1973. P.37.
30. V. Berquist, Herakles on Thasos. Uppsala, 1973. P.37.
31. J. N. Coldstream Hero-cults in the Age of Homer // The Journal of Hellenic Studies, vol. XCVI, 1976. P. 15.

Двоевластие в Хазарии: эволюция государственной традиции у кочевников Восточной Европы

Одной из наиболее важных проблем хазароведения остается дуализм верховной власти, который сохранялся в каганате вплоть до его крушения в 965 г. По данному вопросу в современной российской исторической науке сложились два противоположных друг другу мнения. Согласно первой точке зрения (В.В. Григорьев, В.Я. Петрухин), хазарское двоевластие своими корнями уходит в общетюркские государственные традиции и каноны, а потому не может считаться уникальным явлением в мировой истории. Приверженцы второго подхода (М.И. Артамонов, Л.Н. Гумилев, А.П. Новосельцев) заявляют, что дуализм власти у хазар является продуктом конкретно исторической ситуации и сложился примерно в кон. VII – нач. IX в.в. под воздействием целого ряда трагических поражений хазар в войнах с Арабским халифатом. Переход властных полномочий от кагана (*хазар-кагана*) к хазарским царям (*бекам, шадам, тархан-каганам* и т.д.) обуславливается самыми различными моментами. Так, Л.Н.Гумилев в соответствии со своей концепцией перехода от Тюрко-Хазарии к Хазарии иудеев предполагает насильственный захват власти еврейской общиной в Итиле в нач. IX в., связывая это событие с одновременным признанием иудаизма в качестве государственной религии каганата [1]. Это, по его мнению, мгновенно спровоцировало гражданскую войну в государстве, что и нашло отражение в трактате Константина Багрянородного “Об управлении империей” [2]. Не отрицая признание иудейства государственной религией Хазарии в качестве одной из возможных причин внутреннего вооруженного конфликта, М.И. Артамонов делает главный акцент на смену правящих элит в каганате [3]. Оба автора убеждены в том, что дуализм верховной власти сложился в результате острых социальных и религиозных противоречий внутри страны, что усугублялось вторжениями кочевых племен печенегов и мадьяров, выступавших на стороне полярных друг другу политических сил. Примерно той же позиции придерживается С.А. Плетнева и А. Кестлер [4]. Нейтральную позицию занимают современные российские археологи (например, В.Е. Флерова-Нахапетян), которым пока явно не достает материала для каких-либо категоричных выводов по проблеме. Прежде чем прийти к каким-либо собст-

венным заключениям по интересующему нас вопросу, необходимо рассмотреть комплекс сведений о состоянии верховной власти в каганате по восточным и хазаро-еврейским документам.

Арабо-персидские авторы четко и ясно свидетельствуют о подчиненном положении хазарских каганов по отношению к бекам. Именно последним принадлежала вся совокупность властных полномочий. По свидетельству Ибн Русте, и беки, и каганы исповедовали иудаизм, хотя хазарские цари, вопреки утверждению Л.Н. Гумилева, никогда не производили свой род из еврейской среды, а, напротив, вели свою родословную от собственно хазар, которые, согласно ответному письму царя Иосифа к испанскому чиновнику Хасдаю ибн Шафруту, считались потомками Тогармы, сына Иафета, т.е. не принадлежали к чисто семитским племенам [5]. “У них есть царь, - пишет опиравшийся на работы Ибн Русте Гардизи, - который носит титул ишада; кроме того, есть главный царь, которого называют хазар-хаканом. Хазар-хакану принадлежит только титул: управление находится в руках ишада; выше ишада нет никого...” [6]. О том же заявляет и другой восточный автор – Масуди: “В Хазарском государстве имеется хаган и существует правило, чтобы он находился в руках другого царя и в его дворце. Хаган пребывает внутри замка и не может ни выезжать, ни появляться перед придворными и народом, ни покидать свое жилище... От него не исходят ни приказы, ни запрещения, и он не принимает решений в государственных делах” [7]. Истахри, Ибн Хаукаль и Ибн Фадлан при описании организационного устройства хазарской армии дают ясное указание на то, что хазарские беки являлись верховными главнокомандующими и могли в любой момент выставить войско численностью в 12 тысяч человек [8]. Гардизи говорит о такой важной функции беков как взимание налогов и податей [9]. Наконец, уже упомянутый нами Истахри заявляет о праве царей возводить на престол кагана Хазарии [10]. В связи с этим нельзя не упомянуть об интересной традиции связанной с его интронизацией. Претендента на сан кагана приводили к беку и душили шелком чуть не до смерти, одновременно спрашивая, сколько лет испытываемый желает процарствовать. Цифра, которую в этих условиях называл претендент, считалась обязательной: если каган переживал названное им число лет, его умерщвляли. Персидский перевод Истахри содержит некоторые уточнения: обряд удушения производится, когда кагана уже посадили на царство [11]. Масуди сообщает, что если случалась засуха, или война с каким-либо народом, или другое несчастье, то простой народ и знать имели право требовать от бека убить правящего кагана. Масуди утверждает, что царь иногда передавал кагана в руки народа, иногда сам убивал, но случалось, что и защищал

[12]. От Ибн Фадлана в передаче Иакута идет еще одна версия рассказа о сроке правления кагана [13]. Если его правление превосходит сорок лет, кагана убивают, мотивируя убийство уменьшением разума кагана. Ибн Ийас считает, что наряду с убийством возможно было и простое смещение кагана [14]. Последние версии явно отражают представления коренного населения Хазарии о своем правителе, как некоем посреднике между высшими, потусторонними силами и простыми смертными. Недаром ал-Бекри в своем рассказе об обращении хазар в иудейство заявляет, что до принятия иудейской религии хазарский каган был магом [15]. Неудивительно, что причины всех несчастий, которые обрушивались в то время на Хазарию, коренное население усматривало в неугодности кагана богам и потому требовало его незамедлительной казни или смещения. Свидетельства Истахри, Иакута, Масуди и других арабских авторов полностью подтверждают версию М.И. Артамонова и Л.Н. Гумилева о бегстве представителя тюркютской династии Ашина в Хазарию и принятии им здесь титула хазарского кагана – тюркютские владыки тоже выполняли функции посредников между тем и этим миром и играли роль верховных жрецов при отправлении различных религиозных обрядов. Более того, обычай интронизации тюркютских каганов сильно напоминает таковой у хазар: кандидата на царский престол сажали на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает править. К счастью для тюркютских каганов, ответы на эти вопросы не оказывали никакого влияния на определение срока их пребывания у власти и сохранялись, по-видимому, как рудимент того времени [16]. Те же корни имеет и рассказ Иакута о 40-летнем сроке правления хазарских каганов: цифра “4” была священной и почитаемой для всех тюркютов, равно как ее комбинации с другими цифрами и кратные ей числа [17].

Тюркютский каган пользовался огромным почетом и уважением у своих подданных. Об этом свидетельствует та роскошь, которою был окружен их владыка. Вот что увидели византийские послы, приехавшие в ставку кагана для заключения военного союза против Персии: “Каган находился внутри шатра и сидел на золотом седалище о двух колесах, которое, когда нужно было, тащила одна лошадь... Он (шатер) был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками... На другой день они (послы - *авт.*) были приведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами... Дизавул (каган – *авт.*) сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золо-

тые сосуды и кропильницы, и бочки, также золотые. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатою на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас (византийцев - *авт.*)” [18]. Традиции почитания и беспрекословного подчинения кагану были восприняты хазарами, которые также окружили своего господина необыкновенным пиететом. Даже царь-заместитель, от волеизъявления которого зависел выбор кагана и длительность его пребывания на троне, в присутствии кагана должен был соблюдать самые унижительные церемонии. Источники, составляющие Каспийский свод сведений о Восточной Европе, сохранили нам два варианта рассказа о церемонии посещения кагана. Первый вариант восходит к Ибн Фадлану и реставрирован путем сравнения с текстом Йакута. Согласно последнему, царь-заместитель – *хакан-бек* – ежедневно посещает кагана босой, “держа в руке дрова”, которые зажигает в самом начале аудиенции. Покончив с этой необычной в царском ритуале церемонией, царь-заместитель садится на трон с правой стороны от кагана [19]. Вторым вариантом рассказа представлен текстами Истахри, Ибн Хаукала и их позднего компилятора Димашки. Они единодушно отмечают, что правом посещения кагана пользуется только царь-заместитель, а также те, кто относится к его разряду. В отличие от текста Йакута, посещение кагана царем-заместителем происходит не ежедневно, а в зависимости от необходимости. Войдя в помещение, где находится каган, посещающие должны опуститься на землю, поклониться, затем встать поодаль; только по совершении этого ритуала посетители получают разрешение приблизиться к кагану [20].

К Ибн Фадлану в передаче все того же Йакута восходит одно из старейших описаний выезда кагана: когда каган (“Великий царь”) едет верхом, за ним на расстоянии одной мили движется все войско, при приближении царского кортежа подданные падают ниц и лежат так, не поднимая головы, пока не проследует царский поезд [21]. Другой вариант описания предлагает Закарийя Казвини: хазарский царь выезжает один раз в четыре месяца; когда он едет верхом, между ним и войском сохраняется расстояние в одну милю, встречные обязаны падать ниц и оставаться в таком положении, пока царь не проедет мимо [22]. Четыре месяца, упомянутые Казвини, фигурируют также в Еврейско-хазарской переписке, как указание на протяженность хазарской страны при ее ежегодном объезде царем [23]. Наряду с общим для Еврейско-хазарской переписки и

рассматриваемых источников наблюдением, можно встретить и другое, старейшая версия которого находится у Истахри. По свидетельству последнего, каган выезжает лишь в том случае, если разразится великая война; при этом любые народы, находящиеся у него на пути, обязаны немедленно удалиться, прекратив междоусобицу. О той же традиции упоминает Ибн Хаукал: встречные должны падать ниц при виде царя, воюющие – незамедлительно прекращать конфликт. Димашки повторяет вариант Истахри – Ибн Хаукала с тем, однако, отличием, что причиной выезда кагана называет не войну, а великое несчастье [24]. Свообразным положением кагана в государственно-правовых воззрениях объясняется, очевидно, тот странный ритуал, описание которого сохранилось у Йакута: "...обычай (относительно) наибольшего царя (тот, что) если он умрет, то строится для него большой двор, в котором (имеются) двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под (этим) двором (имеется) река, и (эта) река большая, (быстро) текущая, и они помещают (проводят) эту реку над этой могилой и говорят: "Чтобы не добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые". Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов (находится) его могила. Могила его называется рай, и говорят: "Он вошел в рай" [25]. Основным смыслом этого отрывка ясен: как только очередной хазарский каган "уходил в рай", предпринимались все меры, дабы стереть какой-либо намек на его физическое существование. Скорее всего, это делалось ради того, чтобы уберечь царскую гробницу от разграбления, а труп кагана от поругания со стороны недовольного населения либо возможных претендентов на престол. С оглядкой на современность можно смело утверждать, что цель эта была достигнута – до нас не дошли не только погребения, но даже имена верховных хазарских владык в то время, как перечень представителей династии хазарских беков можно весьма легко восстановить по документам Еврейско-хазарской переписки.

На основании рассмотренных фактов мы приходим к выводу, сделанному в свое время еще П.Б. Голденом: Хазария действительно стала полноправной наследницей и истинной продолжательницей государственных традиций Великого Тюркского каганата. Однако в отличие от последнего, она сформировала намного более сакрализованную и сложную форму двоевластия [26]. По мнению Ц. Степанова, хазары вообще "шли по пути..., который был характерен, прежде всего, для Второго Тюркского и... Уйгурского каганатов" [27]. На протяжении всего IX в. они "все больше и больше

сакрализировывали своего верховного правителя, превращая его в символ государственного единства, но не в реального господствующего сюзерена” [28]. Если принять во внимание, что дуализм верховной власти существовал не только в Хазарии, но также у болгар, мадьяров (о наличии у последних сразу двух правителей с титулами *кенде* и *джыла* говорят Ибн Русте и Гардизи [29]) и самих тюркютов, это наведет нас на мысль, что данный феномен в системе государственного устройства опирается на общетюркскую почву и сам по себе не является следствием каких-то значительных инноваций, реформ, переворотов и уж тем более крупномасштабной иудаизации. Напротив, отмеченная выше тенденция в эволюции хазарского двоевластия говорит о довольно слабом влиянии иудаизма на существовавшую в каганате государственную традицию, по крайней мере, до 2-ой пол. IX в. Традиция эта, очевидно, следовала модели, характерной для многих кочевых и полукочевых империй Евразийской степи. В этой модели “старший” или “наибольший” правитель был лишь церемониальной фигурой, присутствие которого обеспечивало *кут* в пользу государства. *Кут* означал “ниспосланное небесное, божественное счастье”. Обладание *кутом* возвышало верховного владыку над остальными смертными. Благодаря *куту* он имел соприкосновение со сверхъестественными силами, подобно тому, как в Древнем Египте *ка* фараонов давала им возможность общаться с миром богов. По мнению П.Б. Голдена, *кут* соответствовал иранской *хварене*, обозначающей в политическом контексте “царское счастье” [30]. Оно-то и придавало “старшему” правителю устрашающую величественность. *Кут*, как и *хварена* иранцев, иногда проявлялся, особенно в тюркских и монгольских легендах, в виде луча света. Так, согласно старинному монгольскому преданию, Алан Гоа, мать Чингиз-хана, забеременела от лунного света, таинственным образом проникшего к ней в юрту [31]. Антропологи считают, что данная модель дуализма верховной власти происходит из необходимости племенных обществ сохранять правителя, олицетворяющего закон. Такой правитель обязан оставаться спокойным, чистым, не оскверненным кровопролитием. Его физическое присутствие считают необходимым для дальнейшего благосостояния племенной территории. Его противоположностью становится “младший” правитель (*бек*, *шад*), в руках которого концентрируется вся полнота исполнительной власти. Именно он в действительности решает дела государства, командует армией, а потому не обязан сохранять ритуальную чистоту.

В соответствии с рассмотренной схемой хазарский каган являлся обладателем *кута*, его отражением и воплощением. По сути, он был талисманом благополучия для своего государства и на-

рода, символом плодородия и гарантом хорошего урожая. Отсюда необходимость его сакральной изоляции: ставший святым, табуизированный каган редко показывался народу, святость и царственное величие его фигуры были столь велики, что подданные не смели прямо взирать на его особу и падали ниц. Лишь очень ограниченный круг персон допускался к нему после ритуального обряда очищения и уничтожения. Запятнать кровью одежды кагана значило совершить преступление против богов и устанавливаемых ими канонных, поэтому в присутствии верховного правителя хазар всегда прекращались войны и внутренние усобицы. По мнению В.Е. Флеровой, каган и бек в Хазарии являли собой воплощение разделенного между двумя периодами дионисийского культа. Однако разделение это было выражено не в чередовании времени правления, а в разделении сакральных функций между каганом и беком. Бек являлся “олицетворением верхнего, правого мира, светлого, белого начала, летнего периода вегетации растений, сияющего солнечного света, горящего огня, жизненной активности и ее высшей формы - войны”. В то время как каган “символизировал нижний, левый, черный мир, сокрытый от глаз, зиму, ночь и покой”, в общем, то состояние природы, которому в мифологии всегда придавалось решающее значение в процессе плодородия. Отсюда ответственность верховных правителей за плохой урожай и обрушивающиеся на страну стихийные бедствия [32]. Итак, сакрализация верховного правителя и сопряженный с ней дуализм власти – это социальные явления, свойственные многим кочевым обществам и не связанные с принятием каких-либо монотеистических религий, будь то христианство, ислам или, как в Хазарии, иудаизм. Хазарское двоевластие базируется на общетюркской основе, поэтому вряд ли уместно ставить вопрос о его появлении в стране в результате добровольного или насильственного обращения в иудаизм правящей верхушки каганата. Уместно обратиться к двум другим проблемам: 1.) какие факторы способствовали постепенному изживанию двоевластия у хазар и 2.) какие обстоятельства привели к тому, что в качестве действительных правителей каганата оказались иудеи по вероисповеданию. Ответы на эти вопросы можно найти в ранней хазарской истории.

Значительное усиление еврейской общины большинство историков относит к 1-ой пол. VIII в., т.е. к периоду арабо-хазарских войн, которые, надо сказать, были мало успешными для хазар. Так, в 736 г. арабский полководец Мерван вторгся на территорию каганата, дошел до Дона или Волги, разгромил хазарское ополчение и принудил кагана принять ислам. Авторитет кагана резко ослаб, а вместе с ним начала слабнуть и его власть. Как уже го-

ворилось, народ имел право требовать не только смещения, но и казни кагана, в правление которого хазар постигло какое-либо несчастье, будь то поражение на войне, засуха или эпидемия. Автор же Кембриджского документа заявляет следующее: “И не было царя в стране Казар, а того, кто одерживал победы на войне, они ставили над собой военачальником, (и продолжалось это) до того самого дня, как евреи вышли с ними по обыкновению на войну, и один еврей выказал в тот день необычайную силу мечом и обратил в бегство врагов, нападавших на казар. И поставили его люди казарские, согласно исконному своему обычаю, над собою военачальником...” [33]. Данный отрывок наглядно показывает, что сближение между верховной властью каганата и еврейской общиной в Хазарии происходило на фоне жесточайшей борьбы с арабами. Каган, пытавшийся пресечь дальнейшее ослабление своего авторитета, очевидно, искал поддержки у хазарских евреев, поскольку понимал, какую помощь людскими ресурсами, покупным оружием и, наконец, золотом, они могут оказать каганату; евреи же этим пользовались и добивались все новых и новых уступок. Так, в 20-ых годах VIII в. еврейскому вождю Булану, который как раз и прославился “необычайной силой меча”[34], с разрешения хазарского кагана удалось восстановить в общине давно забытые иудейские обычаи. В руках того же Булана, как это следует из отрывка, оказалось и руководство вооруженными силами Хазарии [35]. Возвращение хазарских евреев к истокам иудейской религии способствовало новой волне еврейской эмиграции. Во 2-ой пол. VIII в. в Хазарию начинают приезжать еврей-раввинисты из Византии, число их в последующие годы продолжает увеличиваться. По мнению Алана Брука, к X в. еврейское население Хазарии составляло уже 35 тысяч человек [36]. Каганат становится второй родиной для беженцев из Персии и Константинополя. К нач. IX в. представители еврейской общины в Итиле занимают большинство ведущих постов и должностей в государстве, оттеснив от таковых представителей старой родовой аристократии, что, по-видимому, и становится ключевой причиной гражданской войны, разразившейся в стране в 1-ой половине того же века. Смена политической элиты приводит к утверждению иудаизма в качестве государственной религии Хазарии, теперь ее исповедуют не только беки, но и все более зависимый от них каган.

Иудейская традиция не знает двоевластия, ей также чужда сакрализация верховного правителя. Ставший государственной религией иудаизм теперь занял наиболее высокое место в иерархии практиковавшихся в Хазарии вероисповеданий; он представлял лицо страны за рубежом и должен был покончить со старыми тюрк-

скими обычаями, прежде всего, с обрядом жертвоприношения “священного царя”, которому столь значительное внимание уделяли восточные авторы. Разительные изменения должны были произойти в статусе хазарского кагана. Начинается десакрализация его персоны, отход от представлений о личности кагана как талисмана, залого народного счастья и благоденствия. В.Я. Петрухин предполагает, что утверждение иудейства в качестве официального вероисповедания Хазарии способствовало превращению верховных правителей страны в некое подобие израильских судей, являвшихся гарантами порядка, справедливости и божественного закона [37]. Историк опирается на сообщение Кембриджского анонима об окончании “смутного времени” в Хазарии, связанном с одновременным обращением хазар в иудаизм. Согласно версии анонима, “поставили люди страны одного из мудрецов судьей над собою. И называют они его на казарском языке каганом... А главного князя казарского они переименовали в Савриила и воцарили царем над собою...” [38] В данном сюжете В.Я. Петрухин усматривает знаменитый библейский эпизод о помазании на царство Саула последним израильским судьей пророком Самуилом [39]. Однако в этом-то как раз и заключен весь комплекс интересующих нас противоречий. Дело в том, что Кембриджский аноним по сути дела объясняет не только начальный период иудаизации Хазарии, но и причины утверждения двоевластия в каганате. Он объясняет их именно с опорой на Ветхий Завет. Однако либо сам, будучи прозелитом, плохо знает Танах, либо сознательно умалчивает о дальнейшем развитии ситуации в Хазарии: ведь если следовать библейской истории, то сразу вслед за утверждением монархической власти в Израиле, институт судей уходит в небытие. Помазавший на царство Саула судья Самуил не оставил себе преемников, после его смерти обязанности израильских судей взяли на себя все те же Саул, Давид и их потомки. Иудаизм не знает двоевластия, а параллельное сосуществование “царства” и “судейства” как раз и являлось таковым. Кроме того, реальные полномочия судей Палестины не идут ни в какое сравнение с возможностями хазарских каганов. Во-первых, как это следует из деятельности Самуила, именно палестинские судьи имели право на выбор царя из числа претендентов, в Хазарии же кагана, т.е. *Судью* по предположению В.Я. Петрухина, на престол возводили хазарские беки [40]. Во-вторых, судьи Израиля имели полное право принимать участие в справедливых войнах и разрешении конфликтов, в том числе и вооруженным путем. Возьмем для примера знаменитого Самсона или того же Самуила, собственноручно поразившего амаликитского царя Агага [41]. Запятнать кровью табуизированную персону кагана Хазарии значило совершить преступление перед богами. Верхов-

ный правитель каганата был обречен на изоляцию от своего народа, дабы не запятнать свою святость кровопролитием и мирскими делами. Даже если предположить столь резкую десакрализацию статуса кагана, мы должны были бы встретиться со свидетельствами столь же резкого роста его личного авторитета и значения в решении внутри- и внешнеполитических дел страны, но таких свидетельств мы не обнаруживаем. На самом деле в каганате торжествует другая тенденция, тенденция к единовластию, изживанию института каганства. Десакрализация верховных владык проходит как раз не по “судейскому” варианту в Израиле: каганы не только не принимают на себя каких-то дополнительных функций, но, напротив, утрачивают даже те, которыми когда-то обладали – ведь иудеи более не видели в них посредников между миром людей и миром богов. В письме хазарского царя Иосифа мы вообще больше не встречаем титула *каган*, о торжестве единовластия в Хазарии свидетельствует и процесс исчезновения амулетов, акцентирующих внимание на биполярном движении солнца и отражавших, по мнению В.Е. Флеровой, дуализм властных полномочий бека и кагана [42].

Таким образом, Кембриджский аноним либо действительно плохо знаком с ветхозаветными сюжетами, либо намеренно использует их с большими натяжками дабы доказать легитимность сложившегося в Хазарии государственного строя. Если судить по арабским источникам, реальное положение дел в Хазарии являлось зеркальным отражением ситуации в Палестине: почти все функции израильских судей исполняются в каганате хазарскими беками. Даже право на божественное озарение, а, следовательно, на общение с Богом вообще, узурпируется последними [43]. В данном случае вполне уместным кажется вопрос: не был ли воспринят целый ряд сакральных функций кагана хазарскими царями, а если был, то в какой период – до или после утверждения иудаизма в качестве государственной религии. К сожалению, ответить на него в настоящий момент невозможно. С определенной долей уверенности мы можем утверждать лишь одно: с укреплением царской власти институт каганства развивался тем же путем, что и институт израильских судей – он становился маловажным и ненужным. Повидимому, до 965 г. каганы дожили только из боязни хазарских беков спровоцировать возмущение языческого населения страны, которое по-прежнему расценивало своего верховного правителя в качестве некой сакральной фигуры, осуществлявшей мистическую связь с богами. Так или иначе, вряд ли стоит проводить какие бы то ни было параллели между социально-правовым статусом кагана и израильских судей на основании одного весьма догматичного и субъективного источника.

Итак, дуализм власти у хазар не является результатом смены религий или реформы государственного устройства, а базируется на некой общетюркской основе. С момента образования Хазарского каганата и вплоть до IX в. двоевластие развивалось по наиболее консервативному для тюркских народов пути – в сторону усиления сакрализации и изоляции верховного владыки. Вполне вероятно, что этот процесс продолжался и дальше, если бы не был остановлен приходом к власти иудейской общины с последующим признанием иудаизма в качестве государственной религии каганата. С этого времени в стране торжествует новая тенденция, тенденция к единовластию, сопровождавшаяся постепенной десакрализацией персоны кагана и, очевидно, переходом целого ряда присущих ему мистических функций к хазарским бекам. К сер X в. институт каганства сохранился лишь в крайне редуцированной форме, вполне достаточной для того, чтобы удержать в спокойствии языческое население страны. Беки пользовались полной самостоятельностью и независимостью от верховного правителя. Однако силы каганата были уже подорваны: в 965 г. он пал под ударами русских дружин князя Святослава. Окончательно единовластие в стране так и не утвердилось.

-
1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2001. С. 149-152.
 2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.163
 3. Артамонов М.И. История хазар. Санкт-Петербург, 2001. С. 433-443.
 4. См.: Плетнева С.А. Хазары. М., 1976; Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. Санкт-Петербург, 2001.
 5. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка // Мир Гумилева. Вып. 6. Открытие Хазарии. М., 1996. С. 572, 590.
 6. Цитируется по: Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 220.
 7. Масуди о Кавказе. Мурудж ад-Дзахаб (Глава XVII) // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 195.
 8. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Мир Гумилева. Вып. 6. Открытие Хазарии. М., 1996. С. 407-408.
 9. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 220.
 10. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 403.
 11. Там же.
 12. Масуди о Кавказе... С. 195.
 13. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.Л., 1939. С. 85.
 14. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 404.

15. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. 1. С. 61.
16. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 65.
17. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 403, 407.
18. Менандра Византийца продолжение истории агафиевой // Византийские историки Дексипп, Эвианий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандил, Ноннес, Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб., 1860. С.377-379.
19. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу... С. 84.
20. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 404.
21. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу... С. 85.
22. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 404.
23. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка... С. 576, 594.
24. Заходер Б.Н. Указ. Соч. С. 405.
25. Путешествие Ибн - Фадлана... С.85.
26. Голден П.Б. Указ. Соч. С. 223.
27. Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар в раннем Средневековье // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 91.
28. Там же.
29. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 48-50.
30. Голден П.Б. Указ. Соч. С. 224.
31. Гумилев Л.Н. Древняя Русь... С. 418-419.
32. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим – М., 2001. С. 118.
33. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка... С. 613.
34. Там же.
35. Там же. С. 572-573, 591-592, 613-614.
36. www. khazariga. com; др. точки зрения см.: Артамонов М.И. История хазар...; Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919; Гумилев Л.Н. Древняя Русь...; Плетнева С.А. Хазары...; Кестлер А. Тринадцатое колено...
37. Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 76.
38. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка... С. 614.
39. Петрухин В.Я. Указ. Соч. С. 76.
40. См.: 1-ая Книга Царств, гл. 8, 10, 16.
41. 1-ая Книга Царств 15:33, см. также: Книга Судей, гл. 14, 15, 16.
42. Флерова В.Е. Указ. Соч. С. 120.
43. На это со всей очевидностью указывают обе редакции письма царя Иосифа к Хасдаю Ибн Шафруту. См. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка... С. 572-573, 591-592.

Самозванцы в русском расколе XVII века

Самозванство – уникальное историческое явление. Его уникальность заключается в универсальности проявлений. Самозванство не имеет ни строгой хронологической, ни четкой территориальной локализации. Оно одинаково характерно практически для всех типов цивилизаций и культур. Собственно одним из первых упоминаний о самозванстве является легенда о восхождении на трон Персидского принца Дария [1]. Ему пришлось отстаивать свои права на престол от самозванца, некоего мага Гауматы. Таким образом, как историческое явление самозванство насчитывает не одно тысячелетие.

По характеру направленности самозванство можно разделить на светское и религиозное. Разумеется, подобное деление носит весьма условный характер и применимо только к тем случаям, где оно возможно. Светское самозванство не является целью настоящей работы. Оно в большей степени связано с вне религиозными проявлениями и неоднократно становилось предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей [2]. Религиозное самозванство – явление более спорное и противоречивое. Его не всегда возможно объяснить теми же политическими, социальными и экономическими причинами, что и светское. В то же время, по общности видового происхождения религиозное и светское самозванство может быть спровоцировано и идентичной проблематикой. В этом случае специфика религиозного самозванства – в сознательном или бессознательном стремлении придать сугубо светским причинам религиозную окраску.

В психологическом контексте религиозное самозванство ориентировано на определенный сегмент массовой аудитории. Средневековая, религиозная экзальтация и низкий уровень народного просвещения создают благоприятные условия для развития типа.

В ряде случаев светское и религиозное самозванство может пересекаться и даже совпадать в проявлениях. В качестве примера вполне мо-

* Царь Камбис приказал убить брата Бардию. В марте 522 г. Камбис во время похода в Египет получил известие, что Бардия жив, восстал против его власти и взшел на престол. Под видом Бардии скрывался некий маг Гаумата, который, будучи похож на убитого, выдал себя за Бардию и 11 марта 522 г. стал царем. Любопытно, что в легенде говорится о факте самозванства как о знакомом автору явлении, существовавшем и ранее.

жет выступать один из “классических” случаев Российского самозванства – “явления царевича Димитрия” в начале XVII века [3].

Первые упоминания в христианстве о религиозных самозванцах относятся к периоду так называемого “апостольского служения”. Именно в это время появляются известия о так называемых “лжепророках, пресвитерах и епископах”, которые возглавляют христианские общины. Подобного рода прецеденты были осуждены на вселенских соборах как однозначно еретические [4].

В истории Русской Православной церкви факты религиозного самозванства так же имели место. В XIII веке после монгольского завоевания в русском церковном праве получают известность дела о самоназначении на церковные должности и присвоении церковного имущества людьми, не принадлежащими к церковному руководству.

В XIV веке на Русь зачастили паломники и просители “из святой земли” или Константинополя самозванные или расстриженные** представители различных православных церквей Востока. Обычно они не претендовали на должности в Русской церкви и ограничивались сбором пожертвований. С XVI века самозванные сборщики церковной милостыни всеми возможными способами стараются остаться при дворе Московских владык. Известен комплекс церковной переписки между православными церквями по вопросу их депортации на родину [5].

Каждое из явлений самозванцев, принято называть “персонификацией”***. В зависимости от целей, характера, направленности и специфики возможно выделить ряд типов персонификации.

В русском расколе присутствуют четыре типа персонификации: апокалиптические, мистические, мифические, псевдодинастические. Названия типов даны условно, о их характере и специфике в дальнейшем будут сделаны соответствующие пояснения.

Апокалиптические персонификации заключаются в отождествлении с персонажами Библейской истории, чаще всего с апокалиптическими пророками. Главная задача – призыв к покаянию и предсказание мировой катастрофы. Первые упоминания о данном типе относятся к началу шестидесятых годов XVII века, т. е. к так называемой проповеди “о наступлении последних времен” [6]. В эволюции типа четко фиксируются три максимума. Первый – около 1666 г., второй – в конце восьмидесятых - начале девяностых годов, третий – в конце девяностых годов XVII века. В качестве причин вызвавших амплитудные колебания можно выделить: в первом случае – собственно церковный раскол и мистическое прочтение

** Здесь – лишённые духовного сана.

*** Персонификация – здесь: ложное отождествление себя с иным лицом или объектом.

даты 1666 г. **** Во втором случае, в качестве причины выступает принятие жестких законов против старообрядцев, фактически санкционирующих их смертные казни, в третьем случае – начало деятельности Петра по реформированию страны. Именно в это время в России возникает легенда о самозванстве самого Петра. Согласно легенде, настоящего Петра подменили во время великого посольства 1697 г. и держали в темнице “Стекольного града”, т. е. в Стокгольме, а на Русь вернулся “немчин” [7]. Известны случаи, когда религиозно экзальтированные проповедники пытались организовать поход на Стокгольм с целью освобождения царя.

Апокалиптические персонификации по характеру их проявлений есть реакция консервативной части русского общества на преобразования любого характера. Первый максимум способствует распространению самоубийственных смертей, второй – активизирует бегство старообрядцев в Сибирь и Поморье, третий, во многом, способствует возникновению религиозного сектантства [8]. Самозванцы данного типа выдают себя за пророков Илию, Ездру, Еноха и т.д. Их появления в начале 60-х гг. XVII века фиксируются во Владимирском, Вязниковском, Гороховецком, Коломенском, Московском, Суздальском и Ростовском уездах [9]. Во втором и третьем максимумах это – многочисленные “Христы, богородицы, апостолы и пророки”, которые уже не вполне относятся к расколу, т. к. вызваны к существованию развитием “хлыстовщины” и родственных ей течений, а потому справедливо относятся исследователями к переходному периоду т. н. “раннего сектантства” [10].

По социальному составу самозванцы данного типа персонификации – государственные и частновладельческие крестьяне, беглые монахи, реже представители посада. В качестве наказания большинство из задержанных после допроса были сожжены [11]. В случае покаяния – направлялись в монастырские тюрьмы [12]. Второй тип персонификации – мистический, – заключается в отождествлении самозванца с некогда жившим в России историческим персонажем, например, с Капитоном Даниловским, “Соловецкими старцами”, с патриархом Никоном и т.д. В эволюции типа фиксируются два максимума. Первый – в 60-70 гг., второй – в конце 90 гг. XVII века. Данный тип является переходным между собственно религиозным и светским самозванством. Это его свойство проистекает из причин возникновения и целей персонификации. Так, первый максимум явно вызван не только религиозными причинами (раскол), но и ужесточением крепостного права, ростом феодальной эксплуатации, паде-

**** Дата 1666 г. читалась как “конец света”. В данном случае произошло слияние двух контекстов. Тысячелетие царствования Христа, за которым должно было состояться его пришествие, и “число зверя” из Апокалипсиса Иоанна Богослова.

нием уровня жизни населения. Как результат – появление персонификации в движении С. Т. Разина [13].

Второй максимум вызван отказом ряда радикальных течений раскола от сотрудничества с правительством Петра. Факты самозванства данного типа были зафиксированы в Архангельском, Вологодском, Владимирском, Каргопольском, Костромском, Кинешемском уездах, на Дону и в нижнем Поволжье [14]. Социальный состав данного типа самозванцев проследить сложно, так как в ряде случаев сохранились лишь упоминания о персонификациях, а не следственные дела по их носителям. На Севере это – крестьяне и посадские люди, на юге – возможно казачество. Сведений о наказании задержанных так же не сохранилось, однако можно предположить, что оно тождественно наказанию самозванцев первого типа.

Мифические персонификации, один из наиболее спорных типов, становятся частью раскола, не являясь собственно его порождением. Их суть заключается в отождествлении самозванца с персонажами народного фольклора, колдунами и т. д. [15]. Время возникновения типа с точностью проследить не представляется возможным. Вероятно, в той или иной форме они существовали и до христианизации Руси [16]. В этой связи персонификация может исследоваться как самостоятельная проблематика, выходя за рамки настоящей работы.

В раскол подобного рода дела попадают в результате временного совпадения, и на волне ужесточения гонений на старообрядцев приобретают контекст борьбы с любыми противниками официальной церкви. В эволюции типа максимумы не фиксируются. Дела такого рода принимаются к рассмотрению по мере поступления в местные или центральные органы власти. В качестве формальных причин начала следствия используются доносы о возрождении на местах пережитков язычества (скоморошества, гадания, ведания, травничества, колдовства и т. д.) [17]. В ряде случаев доносы такого рода использовались властями как предлог для преследования инакомыслящих, например, иностранцев. Результаты такого рода розысков минимальны. Пострадали уличенные в колдовстве и тайной помощи старообрядцам. Собственно к самозванству представители данного типа относятся сугубо по видовым признакам. Они выдавали себя за людей наделенных тайной силой, знанием, часто за персонажей народного фольклора: леших, мар, колдунов, русалок и т. д. [18]. Социальный состав задержанных так же не поддается анализу. Однако обращает на себя внимание тот факт, что по сохранившимся делам проходят лица из более обеспеченных социальных слоев, в большинстве случаев женщины-вдовы, для которых занятия разного рода волшебными практиками вполне могли быть источником получения средств к существованию [19]. Дела такого рода фиксировались в Архангельском, Вологодском, Владимирском, Суздальском, Новгородском и Псковском уездах. В качестве меры

пресечения, по сохранившимся делам, использовалось тюремное заключение с покаянием и возвращением в лоно церкви.

Псевдодинастические персонификации, или отождествления самозванцев с отдельными представителями правящей Российской династии более характерны для начала XVII века. Данный тип введен в состав персонификации раскола так же несколько искусственно, так как находится на грани собственно религиозного и светского самозванства [20]. Однако он совпадает с указанным периодом по времени бытования, а так же проходит по аналогичному кругу дел. В качестве персонификации использованы: сын царя Алексея Михайловича – царевич Алексей Алексеевич, не существовавшая дочь царевны Софьи, спасшийся из “Стекольного города” царь Петр Алексеевич.

Регион появления самозванцев подобного типа - нижнее Поволжье, Архангельский, Вологодский уезды. В эволюции типа максимумы не наблюдаются. Все случаи фиксируются во второй половине XVII столетия. Первая персонификация относится к движению С. Т. Разина, поэтому возможно предположить, что она носит явный политический характер [21]. Следующие персонификации – возможно, реакция населения на Петровские реформы. Данные персонификации не были бы включены в состав раскольничьих, если бы не носили старообрядческих лозунгов [22].

В качестве причин их возникновения, вероятно, выступают: усиление крепостного гнета, протест против реформ консервативной части общества и, даже в какой то мере, сепаратизм казачьих окраин, использовавших самозванцев в качестве своеобразного повода для начала военных действий против центра. Социальный состав самозванцев и меры их наказания не установлены. Это был, пожалуй, самый опасный тип самозванства, и в качестве наказания могла быть использована только смертная казнь, однако фактов ее применения, как и ареста подозреваемых, не зафиксировано.

Исходя из вышесказанного, подведем некоторые итоги:

Религиозное самозванство – один из составляющих элементов русского раскола. В качестве причин его возникновения могут выступать как собственно религиозные, так и экономические, политические, социальные причины.

Первые случаи фиксации самозванства в расколе относятся к началу шестидесятых годов XVII века и продолжают в зависимости от развития амплитуды типа до конца столетия. В расколе известны четыре типа персонификации: апокалиптический, мистический, мифический и псевдодинастический. Два первых типа персонификации являются собственно типами религиозного самозванства, два последних относятся к расколу весьма относительно, являясь порождениями более раннего периода.

Апокалиптический и мистический типы имеют максимумы развития. Максимумы типов являются реакцией населения на конкретные

действия правительства, часто нерелигиозного характера. Мифический и псевдодинастический типы максимумов не имеют и относятся к так называемым латентным формам. Два этих типа не являются порождением собственно русского раскола и вошли в него по инерции существовавшего в России делопроизводства.

По сохранившимся источникам фиксируются два региона бытования самозванства. Первый – уезды Северо-востока: (Архангельский, Вологодский, Владимирский, Каргопольский, Костромской, Ростовский, Суздальский и т.д.) с частичным эпизодическим включением Северо-запада: (Псков, Новгород). Второй – юг Российского государства: Дон и нижняя Волга, т. е. регион движения С.Т. Разина.

Социальный состав самозванства определен государственными и частновладельческими крестьянами, посадскими людьми, частично низшим духовенством и казачеством. В ряде случаев ввиду отсутствия документации проследить его не представляется возможным. В качестве наказания, в зависимости от тяжести преступления, использовались: смертная казнь, тюремное заключение, ссылка, покаяние в монастыре и проживание под постоянным надзором.

В целом, несмотря на репрессии самозванство в расколе к концу XVII века уничтожено не было. Персонализации апокалиптического типа, как самые стойкие, периодически фиксируются в расколе в течение всего XVIII столетия, отдельные их проявления наблюдаются и в начале XX века.

1. Более подробно см.: Дандамаев М. А. Мидия и Ахеменидская Персия. // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 122-123.
2. Клибанов А. И.. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. Мьльников А. С.. Искушение чудом. "Русский принц и самозванцы" Л., 1991. Станојевич Г. Шпепан Мали. Београд, 1997.
3. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1989.
4. Каргашев А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
5. Чистович И. А. Очерки истории западнорусской церкви. Спб., 1882.
6. Кончина Мира. М., 1912.
7. Огромную работу по исследованию старообрядческой книжности проделал Н. Ю. Бубнов. Более подробно см.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Спб., 1995.
8. Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. М., 1995.
9. Российский государственный архив древних актов. Разряд 27. Дело № 259. Расспросные речи капитонствующего раскольника старца Вавилы из пустыни на озере Юхра под Вязниками от 8 января 1666 г.
10. Клибанов А.И. История религиозного сектанства в России. М., 1968.

11. РГАДА Р. 27. Д. № 258. Часть 5. Лист 27. Приговор следственной комиссии Тайного приказа.
12. Виденеева А.Е. Содержание старообрядцев в монастырях Ростовской епархии // Старообрядчество: история, культура, современность. № 4., 1995. С. 22-25.
13. Крестьянская война под предводительством С. Разина: Сборник документов. М., 1976.
14. Румянцева В.С. Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986.
15. Антонович В.Б. Колдовство: документы, процессы, исследования. Спб., 1877; Горелкина О.Д. К вопросу о магических представлениях в России XVIII в. // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 289-305.
16. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903.
17. Смилянская Е.Б. Донесение 1754 г. в Синод Суздальского епископа Порфирия "якобы во граде Суждале колдовство и волшебство умножились" // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 254-260.
18. Е. Б. Смилянкой введены в научный оборот материалы 82 дел "о волшебствах и суеверии" содержащихся в фондах РГАДА. Более подробно см.: Смилянская Е.Б. Указ. Соч. С.255.
19. Российский государственный исторический архив Ф. 796. Оп. 10. Д. 342.
20. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
21. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.
22. Там же.

Ю. С. Крюкова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Жизнь масонской ложи
(к истории российского вольного каменщичества
XVIII века).

Масонство в России давно не новость и даже уже не загадка. Кропотливый труд исследователя воссоздал историю общества вольных каменщиков, а стараниями «недоброхотов», падких на сенсации, сфабриковано немало легенд о масонстве, о таинствах, сокрытых под покровом молчания, о злых умыслах и происках адептов лож. Но ставить точку в изучении «масонской проблемы» ещё рано. Остаётся много аспектов, требующих детального рассмотрения. Так, например, отечественные исследователи, в отличие от своих западных коллег, практически не обращались к внутренней жизни ложи. Чаще всего все уставы и катехизисы масонов прочитывались с целью выявить их позиции по отношению к «внешнему миру».

А чем жил их замкнутый мирок - ложа? Что она из себя представляла? Кто мог быть допущен к участию в работах, и какие качества он должен был в себе выработать, чтобы получить право называться вольным каменщиком? Как вели себя братья внутри и вне масонского сообщества? За какие, оговоримся сразу, вполне человеческие слабости, они могли быть подвергнуты наказаниям?

Возможно, ответы на эти вопросы помогут воссоздать портрет масона - рядового члена ложи екатерининских времён и отойти как от «демонизации», так и от идеализации масонского сообщества; взглянуть на братьев не как на адептов Сатаны или непорочных благодетелей, а как на слабых, нелишённых пороков людей, борющихся со своим внутренним естеством и стремящихся при помощи собратьев улучшить себя.

Масонство было привнесено в Россию с Запада. Поэтому и масонская терминология имеет западноевропейские корни. Для некоторых понятий был найден адекватный перевод. Так, «масонство» известно в России как «вольное» или «свободное каменщичество», чего нельзя сказать о термине «ложа». У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: чем масонская ложа отличается, скажем, от ложи театральной, ведь и та и другая ведут свою этимологию от французского «loge»-«беседка». И хотя словосочетание «масонская ложа» является достаточно устоявшимся, следует ска-

зять несколько слов о его смысловой нагрузке. Например, в Германии синонимом слова «ложа» является «Bauhütte» (цех строителей и каменотёсов), а так же «Baubunde» (временка на строительной площадке). Оба эти термина указывают на исторические корни масонства, организованного по принципу средневековых строительных гильдий. Само же слово «ложа» в масонском понимании многозначно. Оно обозначает:

1. объединение ряда масонов одного города или «тесный кружок масонов»;
2. дом или другое помещение, где проходят собрания масонов;
3. мероприятия масонов, которые часто обозначаются как работа в ложе или в храме.

Таким образом, масонская ложа - это организация, работы и место проведения этих работ.

Масонская ложа представляет собой достаточно сложное образование, начиная с названия и заканчивая внутренним порядком. Ни одна масонская ложа не носила случайного названия. Так, в XVIII веке в Москве работали такие ложи, как ложа Астрея, ложа Гармония, ложа Девкалиона, ложа Меча и другие; в Петербурге - ложа Беллоны, ложа Благотворительности, ложа Урания и другие. Из вышеприведённых названий становится очевидно, что ложи носили имена добродетелей и масонских символов. Конечно, были и другие принципы «наименования» лож.

Кроме названия ложа должна была позаботиться о помещении, «недоступном вторжению». В идеале это помещение должно было состоять из нескольких комнат: залы для собраний, комнаты для бесед, а так же библиотеки и архива. Главный зал (или храм), где проводились собрания, а так же храмина, где находился неопит перед посвящением, должны были иметь надлежащее внутреннее убранство. Мы не будем приводить в подробности его описание, которое можно найти в работах Г. Шустера и А.Меллора [1], отметим лишь, что если обратиться к символическому изображению ложи, то можно увидеть, что оно не остаётся неизменным. Убранство лож, соответствующих трём основным масонским степеням: ученика, товарища (подмастерья) и мастера, - различно. Символический ряд усложняется по мере возрастания нравственных задач, которые призваны решать ученик, товарищ и мастер. Это можно видеть на иллюстрациях к работам Е. Линднера и Д. Березняка [2].

Не только внутреннее убранство ложи должно было соответствовать установленным правилам, историю которых ещё предстоит воссоздать, но и вся жизнь «тесного братства» строго регламентировалась. Основным законом, по которому должны были

работать все без исключения ложи, являлась Книга Конституций Андерсона – первый масонский устав, принятый в Англии в 1723 году. Именно в «Древних законах», как иногда называют Книгу Конституций, зафиксированы незыблемые постулаты каменшчества, определена позиция масонов по отношению к «внешнему миру»: к религии, к государству и правительству, и основные принципы их деятельности. Третий отдел устава посвящён масонской ложе. Согласно ему «ложа есть то место, где каменщики собираются и работают, ...и каждый брат должен принадлежать к ней и подчиняться как её собственным законам, так и общим постановлениям... В древние времена ни один мастер или член ложи не мог отлучиться от неё, особенно если ему объявлено было, что он должен явиться в ней, - иначе он подвергался строгому наказанию; нужно было, чтобы мастер или надзиратель ясно видели, что ему помешала действительная необходимость».

Лица, которые допускаются в ложу как члены, должны быть люди добрые и верные, свободные по рождению, зрелого и рассудительного возраста, не крепостные, не женщины, не безнравственные или неприличные люди, но люди с добрым именем» [3].

Именно эти положения легли в основу деятельности европейского масонства XVIII века, придерживались их и русские вольные каменщики. Но, как верно подмечает О.Ф. Соловьёв, «масонство – не религия, а труд Андерсона не Библия, его положения интерпретируются в соответствии с философией конкретной организации» [4]. В отдельных ложах и федерациях лож права масонов определялись очень различно. Нас будет интересовать внутренний распорядок российских лож второй половины XVIII века.

Для того чтобы ответить на заданные в начале статьи вопросы, обратимся к источникам масонского происхождения, предназначенным для внутреннего употребления в ложах: уставам, законам и правилам. Эти источники, на наш взгляд, позволяют выявить основные аспекты, на которые обращалось внимание руководителей лож для сохранения в чистоте устремлений масонского собратства.

Итак, первый вопрос, на который нам предстоит ответить касательно истории российских лож XVIII века – кто мог быть допущен к участию в работах ложи, и какие качества он должен был в себе выработать, чтобы не запятнать имени вольного каменщика?

Прежде чем допустить предполагаемого неопита в ложу, необходимо было проверить его на предмет нравственности. Во «Всеобщих законах» конца XVIII века записано: «Каждый брат, представляющий ищущего, должен всячески стараться, чтобы принимаемый к бесчестию ложи не оказался...» [5]. Нравственность

является следствием воспитания и становления человеческой личности. Возможно, именно поэтому для приёма в масонство устанавливался возрастной ценз. Во «Всеобщих законах» сказано: «Посторонний может быть баллотирован на 24-м году от роду, а каменщик сын на 21-м году. Но мужественное и благородное поведение может доставить баллотирование первым на 21-м году, а последним на 18-м году...» [6]. Налицо существование определённых льгот при отборе кандидатов. Возможно, каменщики предполагали, что сын масона в силу преемственности не может стать случайным лицом в братстве, а мужество и благородство гарантируют, что человек высокоморален. Одно они знали точно, что это не правило, а скорее исключение из правил, так как в документе имеется оговорка, что «такое послабление весьма редко» [7]. В другом масонском уставе «Всеобщие учреждения вольных каменщиков», условия допуска кандидата в ложу прописаны более подробно. Согласно предписанию к принятию в масонство не может быть удостоен «ни один из посторонних, кто сам себе не господин», то есть лично зависимый, а так же «не имеющий непоколебимой преданности к своему закону, власти, Отечеству и добрым нравам, в Орден принят быть не должен» [8]. В этом уставе оговаривается и процедура принятия, согласно которой ищущий принимается в масонство с согласия Мастера и только в том случае, если его кандидатура была объявлена в ложе за месяц.

Таким образом, масонское сообщество всячески старалось оградить себя от случайных элементов, способствующих созданию дурной славы масонской организации в обществе. Но насколько это удавалось? В «Правилах для свободных и принятых каменщиков», помещённых во второй части первого тома «Магазина свободно-каменщикического» имеется очень интересный пункт, в котором говорится следующее: «Пусть ругатель хулит Союз, в которой часто и не достойный вкрадывается! Ежели ты покажешь свету, что есть люди, не упускающие творить добро,... то он во стыд и срам ругателю возопиёт: Зрите! Се благороднейший из человеков! А ты с душевным услаждением прибавить к тому можешь: оне таковы, потому что каменщики» [9]. Здесь очевиден призыв к братьям личным примером создавать славу масонскому сообществу, не взирая на различного рода нападки в адрес масонства. Это становилось возможным лишь при условии воспитания в себе всех необходимых для истинного масона качеств.

В 1723 году масонство было названо «Королевским искусством». Заключалось же это искусство в исполнении трёх основных предписаний: серьёзное самопознание, строгое самовоспитание и гармоничный образ жизни. Эти правила являлись общими для всех

масонов, но в разных странах они уточнялись в соответствии с особенностями местного менталитета и политического строя. Даже в ложах одной страны масонские установки: «познай себя», «владей собой», «облагородь себя», понимались по-разному.

В уставах и правилах российских масонов второй половины XVIII века имеется множество указаний на то, какие качества необходимо было воспитать в себе вольному каменщику. Согласно им истинный масон должен был быть, прежде всего, глубоко верующим человеком. Не случайно, в «Правилах для свободных и принятых каменщиков» высокие наставники призывали братьев «помнить всегда», что они «под оком Бога» [10], так как, «Каменщики чада самого Бога», а «Евангелие есть основание наших обязательств» [11]. В «Уставе благотворных рыцарей «Святого града» записано, что «религия не помрачённая, ясная и миротворная наставницею и помощницею святого жития» [12] для масонов быть долженствует. Вера являлась тем фундаментом, на котором бы вольные каменщики постепенно выстраивали храм нравственного совершенства. Но вера эта не должна была быть слепой и беспредметной. Масоны обязаны строить живые храмы, иначе говоря, направлять свои способности на пользу человеческого рода, всячески заботиться о благе ближнего своего и прощать врагам. Наиболее действенным способом для воплощения этих предписаний в жизнь являлась благотворительность. Именно «деятельное, умное и повсеместное Благотворение» должно было стать основанием поступков братьев вольных каменщиков [13].

Кроме нравственного закона истинному масону надлежало научиться чтить законы государственные и неукоснительно выполнять обязанности гражданина, на что неоднократно указывается в масонских документах. Согласно «Уставу свободных каменщиков» первая клятва масона принадлежит Богу, а вторая государю, «яко образу Его на земле ся» [14]. Об этом говорится и в «Правилах для свободных и принятых каменщиков». В частности, в данном документе обосновывается необходимость неукоснительного исполнения монаршей воли и даже защиты власти правителя от покушений на неё: «Воля Его (*государя*) да будет священнейшим твоим долгом, благосостояние Его – величайшим твоим желанием, а жизнь – высочайшим благом... Исторгни из рук ярящегося изступленника кинжал, на корону изошрённый и потщись утушить пламень раздора, неистовством между сограждан твоих воспалённый...» [15]. Что же касается до закона, то согласно тому же источнику: «Бог и закон, суть те столпы, на коих непоколебимо основано твоё (*масона*) блаженство в нынешней и будущей жизни» [16].

Кроме того, «храбрейшим воином, правосуднейшим судь-

ёю, нежнейшим отцом, постояннойшим мужем, преданнейшим сыном должен быть каменщик» [17]. Он должен расстаться с пороками и развращёнными нравами века; обеты нищеты на себя не воспринимать, но отказываться от излишней любви к богатствам и злоупотребления; жить честно, будь он холост или женат; гнушаться не только прелюбодеяния, но и всяких нечестивых деяний и скверных слов; отказаться от славолубия [18]. Ему так же «запрещается всякое корыстолюбие и привлекающие к нему вожделения того, что есть владение и собственность другого» [19]. Иначе говоря, он должен быть честен, благороден и великодушен в своих поступках, и лишь тогда получит он полное право причислить себя к истинным масонам и не осквернит высокого собратства своими пороками. Именно таким желали видеть истинного масона высокие наставники или, как они чаще всего именуется в документах, «орденские начальники». Насколько желаемое соответствовало действительному, можно судить по тем пунктам масонских уставов, законов и правил, которые регламентируют собственно работу ложи.

Мы будем исходить из того, что масонство как одна из форм общественных организаций было не столь уж отдалено от человеческого общежития, и поэтому борьба с имеющими место в ложах человеческими слабостями и нарушениями велась путём постоянных напоминаний о необходимости их избегать и введением различного рода взысканий. И чем чаще встречался среди братьев тот или иной порок или нарушение, тем больше внимания уделялось борьбе с ним. Исходя из этого, можно заключить, что в рассматриваемых нами документах наиболее часто встречается указание тех пороков, которым в большей степени были подвержены братья вольные каменщики.

Как известно, масоны всячески старались оградить своё учение от профанизации. Третий пункт масонской присяги был посвящён обещанию «высочайшую молчаливость ненарушено сохранять» [20]. Практически во всех масонских уставах имеется указание на необходимость соблюдать молчание (или скромность) в отношении масонского собратства. В нашем распоряжении имеются предписания для «братьев орденских Директоров» 1777 года, переведённые русскими розенкрейцерами с немецкого языка. В них, в частности, говорится, что «юные неиспытанные братья не могут довольно строго наблюдать неограниченной молчаливости», поэтому брат «путеводитель» (или начальник) «должен тщательно стараться открыть источник их болтливости, дабы тем скорее оный заградить» [21]. Указываются в данном документе и сами «источники» или причины, по которым братья могут раскрыть тайну: легкомыслие, самохвальство, любопытство в познании высших степе-

ней и доброе сердце. Достаточно интересно пояснение второй и четвёртой причины, имеющееся в документе: «самохвальство является следствием желания прослыть «важными и много знающими и отменно просвещёнными братьями», а «доброе сердце» рождает желание привлечь как можно большее количество неопитов в Орден, чтобы указать и им истинный путь к счастью.

Особое внимание уделялось масонами также тому, чтобы в их сообществе соблюдались братство и равенство. Ложи должны были служить «прибежищами дружбы, согласия» [22], и каждый из братьев должен был опасаться «делать какую-либо светскую отмену, могущую нарушить равенство», поскольку, как записано в Уставе «уважая законные степени общества, в храмах наших мы не знаем никаких, кроме той, которая находится между добродетелью и пороком» [23].

Итак, вольный каменщик не должен был разглашать внутренней тайны масонства и забывать о необходимости соблюдать равенство в ложах. Кроме того, он не должен был пропускать собрания ложи, что, видимо, нередко случалось, если судить по спискам лож, где отмечены отсутствующие [24]. В «Правилах для свободных и принятых каменщиков» сказано, что «ежели ты (*масон*) охотнее спешешь на собрания непросвещённых, нежели просвещённых; то глаза твои вечно пребудут покрыты мглою» [25]. Это увещание так же указывает на то, что братья порой предпочитали масонским собраниям посещение иных светских мероприятий, что не могло не беспокоить наставников.

Следует отметить, что масонские начальники не ограничивались лишь наставлениями. В уставах содержатся указания на различные взыскания за нарушения, имевшие место в масонских собраниях. Так, во «Всеобщих учреждениях вольных каменщиков» сказано: «Говоривший и писавший против священных догматов, против священной веры, крестовых братьев, исключается навсегда из Ордена, буде оный в полном собрании не проклянёт своего ругательства...» [26]. Одним из наказаний являлось исключение из масонского братства. Но чаще всего масоны практиковали менее жёсткую меру наказания – денежный штраф.

На основе «Всеобщих законов» [27] нами была составлена следующая таблица, дающая более полное представление как о нарушениях, имевших место в масонском братстве, так и о степени тяжести того или иного проступка (по мере взыскания).

Статьи штрафа (наказания).

№	Проступок (нарушение)	Мера взыскания
1	За помыслы о разрушении союза братьев и храма	Исключение 1 раз - на 3 месяца 2 раз - на 6 месяцев 3 раз - «извержен из ложи»
2	За пьянство в ложе или посещение её в пьяном виде	<i>За 1 раз - 5 рублей</i> За 2 раз - 10 рублей За 3 раз - <u>исключение</u>
3	За привод в ложу неистинного или непросвещённого брата	<u>Исключение</u> из ложи на 3 месяца
4	<i>За проступок противу начальства</i>	<u>Исключение</u> из ложи на 3 месяца
5	<i>За разглашение таинств и обрядов</i>	10 рублей на бедных
6	<i>За разговор о распрях веры и государственных несогласиях</i>	5 рублей на бедных
7	Если кто скажет неистинному каменщику и непросвещённому о том, что происходило в ложе	5 рублей
8	За привод постороннего без предупреждения за 8 дней	1 рубль
9	За дерзость, вспыльчивость, неприязнь в речах	1 рубль на бедных
10	За проклинание, борьбу, поношение и ругательство, за название (другого брата) злым неприятелем	1 рубль на бедных
11	Если брат не извинился за посещение ложи	50 копеек
12	За поведение, не приличествующее для храма	50 копеек на бедных
13	За несоблюдение тишины после того, как мастер ударил молотком, то есть открыл заседание/собрание ложи.	50 копеек
14	За разговор противу Благодичиния (за грубые шутки, насмешки, хо-	50 копеек

	хот и пересмежание страждущего или постороннего)	
15	За шум во время столовой ложи	50 копеек
16	За разговор о каменщицестве в публичных собраниях, на улице	50 копеек на бедных
17	За нарушение траурной одежды по смерти брата	50 копеек на бедных
18	За шум и оставление своего места во время голосования	25 копеек
19	Если брат прервёт речь другого брата	20 копеек
20	За проступок, нарушающий процветание ложи	10 копеек на бедных
21	Если мастер не снимает шляпу как положено	10 копеек
22	За шептание во время работы ложи	10 копеек
23	За ношение братьями своего знака на кафтанной петле	10 копеек
24	Если брат забыл повестительный билет на собрание ложи	10 копеек
25	За всякий проступок (упущение) в одежде: (если одет не должным образом)	5 копеек
26	За выход из ложи во время работы	5 копеек
27	За наименование другого брата «ты» или «господин»	5 копеек
28	За проступок в одежде (если не соблюдено отличие в степенях)	5 копеек на бедных

Таким образом, исходя из данной таблицы, все нарушения можно разделить на 10 групп в зависимости от предусмотренного за них наказания. Наиболее тяжкими из них являлись проступки против самого масонства, которые карались исключением из братства и самым высоким штрафом – 10 рублей. Штрафные санкции налагались так же и за разговоры «о распрях веры и государственных несогласиях». Очевидно, что масоны старались всячески пресечь могущие возникнуть в ложах разногласия по наиболее принципиальным вопросам, что могло нарушить братское общение между ними. Как видим, одним из серьёзных проступков являлось оскорбление собрата (штраф – 1 рубль), хотя менее строго, но наказывалось так же обращение к брату на «ты» и именование его господином – ма-

сон не должен был забывать, что в ложах все равны, и что все заслуживают одинакового к себе внимания и уважения. Как явствует из таблицы, в основном масоны подвергались взысканию за нарушение внутреннего распорядка ложи и упущения в одежде. Ничто человеческое было не чуждо братьям Вольным Каменщикам, и наличие всяческих предписаний и наказаний ещё одно тому подтверждение. Не так то легко было «обтесать» свою нравственность и удалиться от пороков, характерных для современного им общества.

Итак, в своих ложах масоны стремились воссоздать идеальный тип человеческого общежития, основанный на равенстве и братской любви, живущий в гармонии с верой и властями. Его целью являлось нравственное совершенство и всеобщее благополучие. Задача, как видим, не из лёгких, но тем она почётней. В масонских правилах сказано, начни работу с себя, так как лишь познав и улучшив себя, ты сможешь приступить к строительству земного Эдема. Но, видимо, до этого было ещё далеко, поскольку борьба с собственными пороками и «случайными элементами» в собратстве всё - таки превалировала над общественными задачами. Всё ещё велось строительство внутренней храмины. Всё ещё обрабатывался «дикий камень» собственного естества. Всё ещё оставались необходимыми «сильные увещания» и жёсткая регламентация для того, чтобы продолжал своё существование «тесный кружок масонов».

-
1. Шустер Г. История тайных союзов: В 2 т. – М., 1997; Mellor A. Logen. Rituale. Hochgrade //Handbuch der Maurerei. Graz. Wien. Köln, 1967.
 2. Lindner E. Die königliche Kunst im Bild. Graz/Austria, 1976; Beresniak D. Symbole der Freimaurer. Augsburg, 1997.
 3. Цитата по: Binder A. D. Die diskrete Gesellschaft. Geschichte und Symbolik der Freimaurer. Graz. Wien. Köln, 1995. S. 118.
 4. Соловьёв О.Ф. Масонство. Словарь – справочник. М., 2001. С.26.
 5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее НИОР РГБ) Ф.14. Ед.хр.2. Л.26.
 6. Там же. Л. 28.
 7. Там же.
 8. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства (далее РГАЛИ) Ф.442. Оп.2. Ед.хр.5.Л.1.
 9. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 450. ЛЛ.100-101.
 10. Там же. Л.91.
 11. Устав или правило свободных каменщиков//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.1.Л.4.
 12. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.3. Л.3.
 13. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 1. Л.2 об.
 14. Там же.
 15. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 450. Л.94.

16. Там же. Л.92.
17. Устав или правило свободных каменщиков//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 1. Л.5.
18. Устав благотворных рыцарей//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 3. Л. 3 об.
19. Законы райские, данные от самой премудрости//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 36. Л.16.
20. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.24. Л.1.
21. Сильное увещание, извлечённое из истинных писаний высокосвященного Ордена Злато -розового креста...//НИОР РГБ. Ф.147. Ед.хр.179/М.2054/. Л.66 об., 67.
22. Устав благотворных рыцарей//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр. 3. Л.7.
23. Устав или правила свободных каменщиков//НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.1. Л.3.
24. См. список ложи Астрея//НИОР РГБ. Ф.147. Ед.хр.6/М.1883/. Л.76.
25. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.450. Л.99.
26. РГАЛИ. Ф.442. Оп.2. Ед.хр.5. Л.1.
27. НИОР РГБ. Ф.14. Ед.хр.2.

С.Л. Воронцов
*Ярославский военный
финансово-экономический институт*

Военное управление на территории Российской империи в XVIII – начале XX веков

История создания и развития системы административного управления Российским государством, объединившим на своих просторах представителей разных наций и народностей, является неотъемлемой составной частью отечественной истории. В ее анналах можно найти пути решения многих проблем, с которыми сталкивается современная российская государственность.

Одной из первых попыток создать стройную систему управления обширной территорией империи через упорядочение ее административного деления была предпринята Петром I. в 1708 году по его указу территория государства была разделена на 8 больших губерний (в 1719 году их количество увеличилось до 11), которые, в свою очередь, подразделялись на доли, а с 1719 года – на провинции. Во главе губерний были поставлены губернаторы (по размеру подвластных территорий и правам их можно приравнять к институту генерал-губернаторов[1], который был введен в России позднее), а во главе провинций – воеводы[2] (в 1801 году список чиновников, осуществлявших гражданскую и военную власть на подчиненной территории, дополнили военные губернаторы[3]). Все они состояли на действительной военной службе. Генерал-губернаторы назначались лично императором и обладали обширными полномочиями. В списке первых губернаторов (фактически генерал-губернаторов) можно найти фамилии ближайших сподвижников царя-реформатора – генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, генералиссимуса А.Д. Меншикова.

Создание губерний объяснялось, в первую очередь, чисто военными целями. Страна вела тяжелую затяжную войну с Швецией, и непосильные военные расходы к тому времени сильно опустошили государственную казну. Поэтому было принято соломоново решение: с целью облегчения для центрального бюджета бремени расходов на военные нужды значительную долю последних переложить на плечи местного управления. Все полки, являвшиеся основной организационно-штатной единицей русской армии, были расписаны по губерниям, население которых было обязано обеспечивать “свои” воинские части всем необходимым для ведения военных действий, в том числе и обученным пополнением.

С другой стороны подобная “модернизация” сохраняла традиционную для России систему жесткой абсолютной власти иерархического типа, сходную по своей структуре с военной организацией. На это указывал историк М. Александров в работе “Бюрократическая организация – сколок с организации военной”[4].

Следующий шаг в развитии системы управления был сделан Екатериной II, которая продолжила реформы на началах административной децентрализации при сохранении сильной центральной власти и бюрократической организации управления государством. Огромные размеры петровских губерний не позволяли эффективно использовать все преимущества местного самоуправления. Необходимость укрепления центральной власти на местах вызывалась и последствиями недавно завершившейся крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева (1773-1775 годы), которая почти полтора года сотрясала устои империи. В 1775 году обнаружится новое губернское деление. Число губерний увеличивается с 20 до 40. Каждая губерния “была поручена” главнокомандующему, который впоследствии стал именоваться наместником или генерал-губернатором. Наместники и губернаторы были подведомственны Сенату и прокурорскому надзору. Ему подчинялось губернское правление, состоящее из гражданского губернатора (правителя) и двух советников. Как отмечалось исследователями, “в руках наместников сосредоточивается не только внешний надзор, но и действительное управление”[5]. Под их началом иногда объединялось несколько губерний (так, во времена Екатерины II на 40 губерний было учреждено всего 18 наместничеств). С учреждением в 1860-1870 годах военных округов генерал-губернатор в ряде случаев совмещал должность командующего одноименным военным округом.

Генерал-губернаторства могли создаваться на постоянной или временной основе. Постоянные первоначально учреждались в стратегически важных районах империи, игравших ключевую роль в политическом и военном отношении. Впоследствии подобное значение сохранилось лишь за генерал-губернаторствами, созданными на окраинах империи и во вновь присоединенных территориях. Генерал-губернаторства в центральной России, в основном, оставались как место “трудоустройства” членов все увеличивающейся императорской фамилии, многие из которых стали своего рода “свадебными генералами” местного управления. Временные генерал-губернаторства создавались вследствие неспокойной обстановки в той или иной местности. Например, в 1896 году существовали: Московское, Северо-Западное или Виленское, Юго-Западное или Киевское, Варшавское, Степное (включавшее Семипалатинскую, Акмолинскую, Семиреченскую области), Туркестанское, Приамур-

ское, Финляндское генерал-губернаторства[6]. К началу первой мировой войны список генерал-губернаторств изменяется. В него вошли: Московское, Варшавское, Киевское, Подольское, Волынское, Туркестанское, Степное, Иркутское, Приамурское генерал-губернаторства. Должность генерал-губернатора сохранилась также и в Великом княжестве Финляндском[7]. 50 губерний и 3 области не вошли в состав генерал-губернаторств. Вышеизложенное дает возможность сделать вывод, что институт высших военных чиновников, облеченных значительной военной и гражданской властью, позволявшей им оперативно реагировать на возникающие угрозы государственным интересам в важных регионах, нашел достаточно широкое применение в организации управления Россией в XVIII – начале XX веков.

Наиболее полное развитие система военного управления в России получила в виде военно-областного[8] и военно-народного[9] управлений на территориях в той или иной форме подчинявшихся Военному министерству.

Административное устройство областей подразделялось на 3 группы: 1)Административное устройство областей с казачьим населением; 2)Административное устройство областей, в которых введено военно-народное управление; 3)Военное управление в узком смысле (образец – до 1908 года – Тургайская, Семипалатинская области и остров Сахалин, а также управление областями, занятыми по праву войны. Впервые подобная форма управления возникла в Русском государстве в XVI веке, когда в силу различных обстоятельств некоторые территории передавались в управление воеводам).

В начале XIX века военно-областное управление было введено в 5 пограничных губерниях: Киевской, Польской, Литовской, Малороссийской, Белорусской, в 1831 году в бывшем Царстве Польском, в 1858 году – в Семипалатинской, а в 1859 году – в Тургайской областях[10]. В 1860 году при покорении Дагестана и присоединении Амурского края в них было введено военное управление, в 1868 году подобное управление вводится в Туркестане, в 1869 году – в Закаспийской области, затем в Степных областях, в 1878 г. – в Кутаисской губернии, в Батумском и Арагвинском округах и в Карсской области. В начале XX века военно-областное управление, в узком смысле слова, сохранилось только на острове Сахалин и рассматривалось как способ управления территориями, занятыми в ходе военных действий. Во главе военно-областного управления стоял военный министр, действовавший напрямую через начальников областей, обычно именовавшихся “военными губернаторами”. В областях, занятых по праву войны и разделенных

на уезды, военная и гражданская власть сосредоточивалась в руках уездных начальников, в подчинении которых находились: 1) размещенные на данной территории войска “в отношении боевого и служебного их употребления”[11]; 2) коменданты и воинские начальники со всем составом управлений. Для поддержания мира и спокойствия, уездные начальники могли задействовать все военные силы, дислоцировавшиеся на территории уезда. Уездные начальники подчинялись непосредственно военным губернаторам.

Военно-народное управление, как разновидность военно-областного управления использовалось в отдельных районах Кавказа и Средней Азии -- территориях, последними вошедших в состав Российской империи, где в силу специфики исторического уклада жизни местного населения, а также в силу особого стратегического положения данных территорий требовалось сочетание военного и традиционного (местного) разновидностей управления. В XIX веке военно-народное управление использовалось в Закаспийской области Туркестана (положение об управлении было принято 6 февраля 1890 года), Дагестанской и Карсской областях, Закатальском, Черноморском, Арагвинском, Сухумском округах Кутаисской губернии на Кавказе[12]. Сущность военно-народного управления заключалась в том, что все гражданское управление, губернское и уездное было сосредоточено в руках русских военных чиновников, часто назначаемых из числа строевых офицеров. Непосредственное управление местным населением осуществлялось волостными управителями и аульными старшинами из числа местной знати (“влиятельными туземцами”), лояльно относившимися к новой власти, которые назначались русской администрацией.

Впервые военно-народное управление было введено на Кавказе. При покорении Дагестана в 1859 году наместник, князь Барятинский разделил все земли Кавказа на 3 части, причем в административном отношении одна из них была приписана к левому крылу Кавказской линии, другая – к Прикаспийскому краю и третья – к Лезгинской кордонной линии. Однако опыт первого же года подобного управления показал необходимость изыскания для Дагестана иных форм управления, которые обеспечили бы с одной стороны спокойствие в присоединенных областях, с другой – способствовали бы “культурному развитию туземцев”. Для выработки нового положения об управлении данной территорией была создана особая комиссия. Выработанное комиссией положение о военно-народном управлении было высочайше утверждено 18 июля 1860 года. Интересно, что в процессе работы члены комиссии широко изучали иностранный опыт. В конце концов, наиболее приемлемыми для Кавказа были признаны основные принципы управления

Алжиром, используемые Францией с 1848 года, где все управление территорией было подчинено военному начальству.

По указанию Барятинского было изменено разделение края: Кубинский уезд Дербентской губернии был отделен от Прикаспийского края и присоединен к Бакинской губернии. В г. Дербенте с Улусским магалом было учреждено градоначальство. Из оставшихся частей Дербентской губернии, Прикаспийского края и Дагестана была образована Дагестанская область, а из Джаро-Белоканского округа – Закатальский округ, с подчинением двух последних военному управлению. Дагестанская область была разделена на 4 отдела, состоящие из округов и ханств, с подразделением их на наибства. Во главе управления областью, отделами и округами были поставлены строевые офицеры, получившие должности начальников области, отделов и округов, при чем права и обязанности их не были определены законом. Свою работу они строили на основе отдельных указаний наместника. Сельское управление осуществлялось представителями местного населения. Выбранные лица утверждались начальниками отделов, которые контролировали их работу и в случае необходимости имели право сместить неугодного “туземца” с занимаемой должности.

Наиболее всестороннее развитие военно-народное управление получило в Закаспийской области, где первым управляющим был талантливый русский военачальник, генерал М.Д. Скобелев. Основными направлениями работы Скобелева-администратора в Закаспийской области стали:

- восстановление мира и спокойствия в регионе;
- установление и укрепление российской власти на вновь завоеванной территории;
- повышение авторитета России среди соседних государств;
- проведение государственной границы между вновь приобретенными территориями империи и соседними государствами;
- расквартирование войск, остающихся в Закаспии после завершения экспедиции, и организация эвакуации лишних частей.

С особым вниманием военачальник отнесся к налаживанию мирной жизни в крае. Одними из наиболее действенных средств, применение которых позволит в короткие сроки восстановить мир и спокойствие в регионе, вернуть жителей к мирному труду генерал считал экономические меры. Свое кредо он сформулировал следующим образом: “Наступает время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы”.

Возвращение семей бывшим неприятельским воинам генерал Скобелев рассматривал, как одно из важнейших средств “умиротворения края”. Узнав от текинских парламентаров, что уцелевшие после штурма крепости Геок-тепе текинцы находятся в песках и ждут своей участи, генерал направил “прокламацию к народу Ахала”, в которой сообщал, что “жизнь, семейства и имущество изъявивших покорность будут в полной безопасности”. Признаком покорности должна была стать сдача оружия[13].

Высокую оценку деятельности русских офицеров, которые умело и тонко проводили государственную политику на территориях, управлявшихся военно-народным управлением, дал известный российский военный историк, профессор В.А. Золотарев. В своей монографии “Военная безопасность государства Российского” он отмечает: “Русская администрация проводила свою политику с учетом местных традиций, не отнимала власть у богатых и у духовенства и в то же время улучшала положение крестьян. Рабство и работорговля были ликвидированы. На Среднюю Азию распространялось новое российское законодательство. Прекратились междоусобные войны. Наличие свободных земель вызвало приток переселенцев из России и других соседних стран. Ежегодно сюда прибывало около 50 тыс. человек. Строительство железных дорог способствовало включению Средней Азии в товарные отношения с другими регионами...

На Кавказе на обезлюдившие земли переселялись выходцы из России. Все это укрепляло ее национальную безопасность[14].

1. *Генерал-губернатор* – высший чиновник местной администрации России в 1703-1917 гг, возглавлявший генерал-губернаторство, в состав которого входили одна или несколько губерний. Обладал гражданской и военной властью, в ряде случаев являлся одновременно командующим войсками военного округа... На такой пост обычно назначались генералы, пользовавшиеся особым доверием царя, они имели право лично докладывать ему, непосредственно обращаться в правительственный сенат, дополнять, изменять или отменять постановления губернаторов...(Советская военная энциклопедия. М., 1976. – Т. 2. – С. 508.

2. *Воевода* 2) Воевода, как административное лицо (правитель) на Руси появился в середине XVI в. в должности городского воеводы, возглавлявшего гражданское и военное управление городом и уездом. В 1719 введены воеводы провинциальные. по реформе местного управления 1775 должность воеводы упразднена. (Русский военно-исторический словарь. М., 2002. – С. 120).

3. *Военный губернатор* назначался для управления губернией, областью, городом или крепостью, а в военное время – для управления областью.

занятой по праву войны. В подведомственной ему местности он осуществлял как гражданское, так и военное управление. При военном губернаторе не полагалось иметь никаких совещательных учреждений. В.Г. большей частью управляет губерниями и областями, входящими в состав генерал-губернаторств... (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. VI. С. 833).

4. Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. – СПб., 1910. С. 106.
5. Куплевский Н.О. Русское государственное право. Лекции. Харьков, 1896. Т. 2. С. 189.
6. Александров М. Указ. сочинение. С. 172.
7. Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. М., 2002. С. 154.
8. *Военно-областное управление* – в обширном смысле слова подчинение некоторых частей империи Военному министерству. К 1916 году в той или иной форме в подчинении Военному министерству находилось 14 областей и остров Сахалин... (Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 6. С. 521.).
9. *Военно-народное управление* – подчинение административного устройства некоторых областей Кавказа и Туркестана, населенных малокультурными народами, военному министерству... (Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 6. С. 510.).
10. Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 6. С. 521.
11. Там же. С. 521.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. VI. С. 851.
13. Более подробно см. Воронцов С.Л. Экономические и правовые аспекты организации генералом М.Д. Скобелевым военно-народного управления в Закаспийском крае во второй половине XIX века// Материалы VII межрегиональной научной конференции “Молодежь и экономика”. Ярославль:, 2003. Ч. 2. С. 36-41.
14. Золотарев В.А. Военная безопасность государства Российского. М., 2001. С. 62.

Формирование культурной среды в России в конце XVIII - первые десятилетия XIX вв.

Реформы XVIII - начала XIX вв. создали принципиально иные социально-культурные условия жизни русского общества[1]. Рост числа образованных людей, расширение их деятельности на поприще просвещения привели к формированию культурной среды – слоя культурных людей, имевших развитые духовные запросы. Важным фактором ее образования была европеизация России. В XVIII столетии, особенно во второй его половине, создавалась новая культура русского дворянства, возникавшая в значительной степени путем заимствования европейских форм культуры. Одним из важнейших результатов европеизации России явилось формирование в конце XVIII первой половине XIX вв. прозападного слоя общества. Он был представлен в основном частью образованного дворянства. Если рассматривать дворянство как открытую социальную систему[2], то необходимо признать, что она имела внутренний потенциал саморазвития. По мысли В.С. Жидкова и К.Б. Соколова, эволюция открытой системы состоит из двух принципиально различных участков – отрезков устойчивого развития, на которых доминируют причинно-следственные связи и точки бифуркации, в которых происходит случайный выбор системой одной из возможных линий дальнейшей эволюции[3]. Эволюция системы происходит в результате взаимодействия со средой путем обмена информацией. Когда система выбирает путь своего дальнейшего развития, господствует случайность, которая в человеческой истории всегда персонифицирована, т.е. связана с импульсом, исходящим от некоторой личности. Направление качественного скачка в состоянии системы – случайный процесс. Случайный выбор происходит из некоторого набора возможных состояний[4].

Культурный мир дворянства XVIII - начала XIX вв. развивался под влиянием меняющихся социокультурных и политических условий. Со времени издания Манифеста 1762 г. о вольности дворянства и Жалованной грамоты дворянству 1785 г. сформировались традиции семейной и общественной жизни представителей этого сословия, сложились устойчивые представления об образе жизни, ее ценностях, нормах поведения. Образ жизни дворянства того времени в силу политических и социальных условий содержал немного

стимулов к развитию самодеятельности общества. Основными факторами расширения культурного мира дворянства были развитие образования, искусства, литературы, восприятие элементов западной культуры. По мнению В.О. Ключевского, образование привело к усложнению общественных типов[5]. Высшее сословие было культурно неоднородным. Его дифференциация на различные социокультурные слои была неизбежна в условиях более динамичного развития российской цивилизации в XVIII в., расширения ее связи с европейскими странами, восприятия отдельных достижений западной цивилизации. А.Дж. Тойнби утверждал, что рост цивилизации дает возможность размежевания внутри социальной системы единого растущего общества[6]. Освобождение дворянства от обязательной государственной службы имело неоднозначные последствия. Одним из них было «оседание» массы дворянства в своих имениях, формирование помещичьего, барского образа жизни. Жизнь помещиков в деревне была заполнена хозяйственными делами, охотой, игрой в карты, визитами к соседям. Деревенская жизнь порождала привычку к праздности. Пушкин отмечал оторванность деревенской жизни от городской, праздный образ жизни дворян в деревне. «В деревне, где Евгений мой, отшельник праздный и унылый...»[7] Масса дворянства мало интересовалась идеями европейского Просвещения.

Другим последствием «раскрепощения» дворянства было формирование тонкого слоя образованного общества, интересовавшегося проблемами литературы, искусства, науки, знакомого с идеями европейского Просвещения, ориентированного на восприятие европейского образа жизни. Он расширил диапазон возможностей и направлений развития русского общества. В России возникла культурная среда, порождавшая интеллигентов. Идеи европейского Просвещения в России воспринимались теоретически. Как справедливо отметил И.В. Кондаков, «идеи западного Просвещения на русской почве не могли обрести реальности и были обречены оставаться «чистой теорией», абстрактными примерами, оторванными от практики и отделенными от практического воплощения непреодолимой бездной политических запретов, религиозных предубеждений и суеверий, бытовых привычек и житейской инерцией...». Реализации просветительской программы в России, по мысли И.В. Кондакова, препятствовали также неправомерное государство, крепостничество, пренебрежение к личности[8]. Идеи Просвещения не вызвали мировоззренческой революции в русском светском обществе, но тем не менее повлекли за собой определенную трансформацию его ценностей и картины мира. Просветители утверждали веру в человеческий разум, развивали идеи всестороннего совер-

шенствования человека, блага общества, равноправия граждан. Особенностью просветительской идеологии, по утверждению Н.М. Мещеряковой, является оценка всех явлений действительности с нравственных позиций[9]. Политические и правовые идеи европейского Просвещения в России не имели большого интереса у большинства русских людей, знакомых с ними. Представляется, что наиболее значимыми идеями просветителей, воспринятыми в России были идеи свободы личности, служения Отечеству, развития образования. Во времена Екатерины II было популярно вольтерянство, которое в России было осмыслено образованными людьми не полно, а расценивалось как вольнодумство. Деятельность русских просветителей, утверждавших идеал свободной человеческой личности и необходимость отмены крепостного права, повлияла преимущественно на мировоззрение молодого поколения, лучшие представители которого впоследствии создали программы преобразований, а затем вышли на Сенатскую площадь. В.И. Моряков подчеркивает, что лишь отдельные личности в то время могли увлечься освободительными идеями русских просветителей, дворянство в основной своей массе поддерживало самодержавие, видя в нем гаранта обеспечения своих прав и привилегий[10]. На формирование личности оказывает влияние эпоха, которая предлагает человеку ряд образов, общие нормы и идеалы. По мнению Л.Я. Гинзбург, в каждую эпоху существуют свои социально-исторические типы личностей, которые воплощают социальные и этические представления людей своего круга[11].

Интересна оценка А.И. Герценом поколения дворянства, сформировавшегося в екатерининскую эпоху, - поколения «вольтерянцев». Он знал многих его представителей. С его точки зрения, дворянство испытало мощное влияние Запада, но это влияние не пробудило его к творческой деятельности. Русские дворяне «представляли какую-то умную ненужность и терялись в искусственной жизни, в чувственных наслаждениях и в нестерпимом эгоизме»[12]. Среди дворян было немало развитых и образованных людей, но помещичья праздность искажила их духовную жизнь. Оставленные без дела, они «бросились на наслаждения...»[13]. Как видно, Герцен выделяет такие наиболее характерные черты екатерининского поколения дворянства, как образованность и праздность. Сходную социокультурную характеристику дворянского общества дал В.О. Ключевский. Он отметил лень дворянства, его стремление к развлечениям, заимствование им плодов чужой культуры: «...дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться наполнить этот досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий,

цветками заимствованной культуры»[14]. В.О. Ключевский отметил влияние образования и французской просветительской литературы на интересы и нравы образованного общества. Влияние французской литературы, с его точки зрения, выразилось в том, что к стремлению украшать жизнь, появившееся в елизаветинское время, в екатерининскую эпоху, «присоединилось стремление украшать ум»[15]. В.О. Ключевский выделил важную особенность восприятия просветительских идей в России – они не имели ничего общего с российской действительностью. «Благодаря этому влиянию просветительской литературы... со времени Екатерины обнаруживаются две особенности: это, во-первых, утрата привычки, утрата охоты к размышлению и, во-вторых, потеря понимания окружающей действительности»[16]. Талантливый историк дал блестящую характеристику западного влияния на интересы дворянства эпохи Екатерины II, считая возможным в данном случае прибегнуть к типизирующему методу: «С книжкой Вольтера... этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, - все было чужое, все было привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела... Таким образом, живые насущные интересы никак не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал... Так он стал в положение... исторической ненужности...»[17].

М.О. Гершензон отмечал, что дворянство заимствовало западную мысль без творческого осмысления, без борьбы[18]. Современные исследователи развивают аналогичные идеи, отмечая, что в конце XVIII в. мысль о пользе наук постепенно привилась в дворянской среде, подражание Западу носило неразборчивый, эклектический характер, образованные люди находили различные способы ухода от русской действительности[19]. Характеристика екатерининского дворянства, данная представителями различных направлений в русской общественной и исторической мысли, безусловно, заслуживает пристального внимания и осмысления. Образованное дворянство конца XVIII в. было оторвано от социальной действительности, слабо повлияло на ее эволюцию. Однако происходили важные изменения в духовном облике образованной личности. Ведущим историческим типом личности той эпохи становится европейски образованный человек. Мода на образование, существовавшая в елизаветинские и екатерининские времена, привела к развитию образовательных запросов общества. Гуманистические идеи Просвещения облагораживали мораль и этику поведения образованных представителей дворянства. Лишенное интереса к деятель-

ности, это поколение образованного дворянства тем не менее повлияло на формирование духовных интересов следующего поколения просвещенных людей, нового культурно-исторического типа личности в начале XIX в.

Несмотря на то, что лишь немногие из екатерининского поколения занялись творчеством культуры, роль образованного дворянства екатерининского времени в трансформировании российской цивилизации из замкнутой в открытую культурным влияниям извне была значительной. Свое влияние на духовное развитие общества оказывала православная культура. Она несла в себе гуманистический потенциал, главными компонентами которого была идея любви и внимание к духовному миру человека. Она была сильным внутренним фактором формирования русской интеллигенции.

Мировоззрение интеллигенции в первые десятилетия XIX в. уже существенно отличалась от официальной картины мира, идей, навязываемых государством обществу. Если в екатерининскую эпоху наблюдалась некоторая схожесть идейный установок власти и большинства образованных людей, то с начала XIX в. формируется независимая от власти культурная среда. Представляет интерес мнение Н.А. Бердяева, считавшего, что ренессанс той эпохи происходил в очень маленьком и тонком слое дворянства[20]. А.И. Уткин, изучавший влияние Запада на Россию, пришел к выводу, что система образования в России «обеспечила самый большой плацдарм для Запада». Она дала прозападный сегмент населения – интеллигенцию[21]. Интеллигенция заявляет о себе формированием новых идей, развиваемых преимущественно в художественных и публицистических произведениях. В начале XIX в. усилилось действие факторов, формировавших культурную среду в России. Значительно расширились каналы трансляции культурных достижений: была создана стройная система образования, увеличивалось число периодических изданий, типографий, количество издаваемых в России и ввозимых в страну научных книг и художественных произведений.

В.А. Бокова дала обобщенную характеристику первых десятилетий XIX в. как одного из наиболее динамичных периодов в истории русского общества. «В это время произошла смена типов культур, идеологии и морали, выявился кризис философии Просвещения. (...) В столкновении идей происходило вызревание русского общества, обретение им самостоятельности и собственного лица. Началось первоначальное общественное размежевание, выработка новых оригинальных доктрин, апробация различных видов общественной деятельности...»[22]. Соглашаясь с данной оценкой развития русского общества, необходимо отметить, что в первой четвер-

ти XIX в. возрос интерес культурных людей к интеллектуальной деятельности, они обратили внимание на российскую действительность, началось осмысление интеллигенцией исторического прошлого и настоящего России. Все более широкое распространение в обществе исторических, политических, философских идей обусловили складывание элитарной культуры, противостоявшей официальной. Умственная деятельность русской интеллигенции первой трети XIX в. стала важнейшим идейным источником развития мысли нового поколения культурных людей, заявивших о себе в 30-е гг. Интеллигенцию первой трети XIX в. отличала европейская образованность, развитое чувство долга перед отечеством. Она поставила проблему путей развития России. Богатство и разнообразие ее идей, безусловно, стало культурным достоянием интеллектуалов 30-х гг. Если идеи интеллигенции первых десятилетий XIX в. были культурной почвой, на которой выросла общественная мысль 30-40-х гг., то ценности и образ жизни массы дворянства диссонировали культуре западной интеллигенции. Разумеется, представление о расколе дворянства того времени на культурное меньшинство и массу малообразованного слоя является упрощенным, поскольку оно выделяет только два его исторических типа. В действительности существовало много переходных слоев, в разной степени усвоивших общечеловеческие ценности.

Прогресс в социокультурном развитии общества в николаевскую эпоху оказался возможным благодаря умственной деятельности его интеллектуальной элиты. Интеллигенция усилила действие личностного фактора в русской истории. Создавая свои учения, интеллигенты содействовали идейному развитию общества. Расширение его духовной свободы, развитие его самостоятельности превращали исторический путь развития России, определявшийся до этого на протяжении длительного времени государством, в альтернативный. В 30-е гг. XIX в. началось идейно-нравственное формирование западной интеллигенции. Многие представители русского классического западничества 40-х гг. в 30-е гг. принадлежали к кругу «идеалистов». В 30-е годы вновь произошла смена типов культур, мировоззрения, исторических типов личности. На смену романтической культуре, господствовавшей, примерно, до середины 30-х гг., пришел реализм. По знаменитой оценке Герцена, «дети» были «начальными ячейками», «зародышами истории, «Россией будущего». Они были не похожи на других детей, но они развивались и начали жить совсем другой жизнью[23]. Как считал Герцен, молодые люди тридцатых годов предложили русскому обществу другой путь развития, нежели тот, который отстаивала официальная Россия.

«Идеалисты» - первое поколение русской интеллигенции, уделавшее исключительное внимание внутреннему миру человека. Их интересы были сосредоточены главным образом на постижении своего назначения в жизни, расширении своих духовных потребностей и формировании своей личности. М.О. Гершензон считал, что поколение декабристов, предшествовавшее «идеалистам», значительно от них отличалось. «Тип декабриста – это, прежде всего, тип человека внутренне совершенно цельного, с ясным, законченным, определенным психическим складом, - человека, которому внутри себя нечего делать и который поэтому весь обращен наружу» [24]. Если для декабристов, по мнению М.О. Гершензона, характерно осознанное, цельное мировоззрение, сферой проявления этих людей была жизнь, то «идеалистов» отличала внутренняя работа духа, поиск ответов на основные вопросы бытия, создание высокого идеала и стремление воплотить его в своей жизни. Эта точка зрения М.О. Гершензона нашла понимание у многих историков. Отличительной чертой «идеалистов» 30-х гг. была сосредоточенность на духовном построении своей личности. Им принадлежит заслуга акцентирования внимания на проблемах развития человека.

В 40-е гг. XIX в. западная интеллигенция создала свой культурный мир, имела свою систему ценностей, идеалы, образ жизни, представления о задачах своей деятельности, сформировала учение о развитии российской цивилизации. Диапазон интеллектуальных задач, решаемых высокообразованными людьми 30 - 40-х гг., был исключительно широким: поиск истины бытия, овладение всем кругом идей, выработанных мыслителями предшествовавших эпох; осмысление целей, факторов, направления и результатов развития человечества и российской цивилизации; самосознание, определение смысла своей жизни, целей деятельности культурных людей; формирование нового мировоззрения. Осмысление исторических, общественных, нравственных проблем культурной элитой того времени было важным фактором развития самосознания общества, повышения его интеллектуальных запросов. Субкультура [25] западной интеллигенции 30-40-х гг. XIX в. отличалась от культуры массы малообразованного дворянства своей системой ценностей и жизненных ориентиров. Она была одним из образований в элитарной культуре, в которой существовали и другие тенденции. Ее складывание шло под влиянием различных историко-культурных факторов: культурной среды, западной и русской мысли, искусства, литературы.

Таким образом, в конце XVIII - первые десятилетия XIX вв. шло формирование и изменение культурной среды в России. Появление образованного общества, а затем выделение из этого слоя

высококультурных людей привели к развитию независимой мысли, элитарной русской культуры. В разные исторические эпохи культурная среда имела свои особенности, свои социально-исторические типы личности. Общим явлением для этих эпох было углубление интереса к человеку. Проблема личности станет центральной в духовных исканиях интеллигенции того времени. Несмотря на то, что культурный слой общества, по определению Н.А. Бердяева, был тонким, он представлял собой достаточную культурную среду, чтобы дать талантливых мыслителей, сумевших в короткие сроки не только усвоить идейное наследие Запада, но и выступить с самостоятельными учениями. Формирование культурного слоя общества почти сразу привело к возникновению конфликта между мыслящей элитой и социальной действительностью. По своим духовным и социальным запросам, нормам своего нравственного существования, уровню гуманистического осмысления исторических и социально-культурных проблем, высокообразованная элита значительно опередила русское общество того времени. Культурные люди отчетливо сознавали пропасть между ними и массой дворянства. Социокультурный раскол общества они сами определяли как конфликт между героем и толпой. Пушкин так сформулировал свою мысль о независимости личности от толпы: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный»[26]. Выраженная в этом стихотворении мысль о духовной свободе личности была свойственна не только поэту, но и многим культурным людям той эпохи. Не менее характерным стало отчуждение мыслящих людей 20-40-х гг. от власти. Причинами этого отчуждения была духовная независимость интеллигенции и непринятие властями этой независимости.

Таким образом, процесс формирования цивилизации России, выразившийся в переходе общества, социально пассивного и малообразованного, на позиции просвещения и восприятия им отдельных гуманистических идей, привел к созданию культурной среды, содействовавшей развитию независимой мысли и формированию различных историко-культурных типов личности.

1. В данном исследовании общество понимается как социальный слой образованных людей, интересующихся общественными проблемами.

2. По определению В.С. Жидкова, система – это некий объект, по соответствующим признакам выделяемый из окружающей среды. См. подробнее: Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности. СПб., 2001. С48.

3. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности. СПб., 2001. С.13.
4. Там же. С.14-15.
5. Ключевский В.О. Сочинения. В девяти томах. Т.5. Курс русской истории. Ч.5. М., 1989. С.155.
6. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С.288.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. М., 1969. Т.4. С.126.
8. Кондаков И.В. Культура России. Часть 1. М., 2000. С.176-178.
9. Мещерякова Н.М. Введение // Общественно-просветительская мысль европейского Просвещения. М., 2002. С.10.
10. Моряков В.И. Общественно-политические взгляды просветителей России второй половины XVIII в. // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002. С.379.
11. См.: Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1999.
12. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954-1966. Т.8. С.87.
13. Там же.
14. Ключевский В.О. Сочинения. В девяти томах. Т.5. Курс русской истории. Ч.5. М., 1989. С.148-149.
15. Там же. С.160.
16. Там же. С.160-161.
17. Там же. С.167.
18. Гершензон М.О. История молодой России. М., 1908. С.5.
19. Оболенский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С.88.
20. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н.А. Сочинения. М., 1994. С.261.
21. Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000. С.129.
22. Бокова В.М. Русские общественные объединения первой трети XIX в. Автореф. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2001. С.3.
23. Герцен А.И. Былое и думы... Т.9. Гл.25. С.35.
24. Гершензон М.О. История молодой России. М., 1908. С.5.
25. В данной работе используется определение субкультуры, данное П.С. Гуревичем: «Субкультура – особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. СПб., 1998. С.236.
26. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. М., 1969. Т. С.327.

Т.И. Волкова
Ярославский государственный
университет

Правительственное регулирование финансовой деятельности земств: порядок составления доходной сме- ты и раскладки земского сбора

Еще со времен Московского государства все денежные сборы с населения, а также натуральные подати и повинности делились в России на два главных вида: общегосударственные сборы и местные. Последние были полностью переданы на усмотрение губернских властей. С течением времени все эти сборы получили общее название «земских» и правительство вынуждено было регулировать и контролировать их поступления и распределение, так в стране появился первый устав о земских повинностях 1805 г., а затем и 1851 г. По этим уставам все сборы с населения были разграничены на государственные, губернские и частные или сословные. Таким образом, впервые в законодательстве вводилось понятие «государственных земских повинностей». Одним из весомых источников доходов казны была подушная подать, взимаемая с крестьянского и мещанского сословий. В 1817 г. для купцов подушная подать была заменена 5 % сбором с объявленного капитала или с торговых свидетельств, которые делились на разряды с учетом объема предпринимательства и оборотов. По указу 14 ноября 1824 г. половина этого сбора шла исключительно на местные, а не общегосударственные потребности. Впоследствии процент с торговых и промысловых свидетельств был повышен до 10 %.

В 1853 г. в России был введен еще и поземельный сбор, в качестве дополнительного к подушному. Он взимался государством со всей земли как частной, так и казенной с учетом исчисления 15 десятин земли на ревизскую душу и колебался от 0,5 копеек до 1 копейки с десятины[1].

В 1863 г. подушная подать была отменена для мещанского сословия, но увеличена для крестьянского с 1 рубля до 1 рубля 50 коп. с ревизской души[2]. Отсюда, как уже было отмечено, подушная подать составляла весомую часть в бюджете государства. Так, в 1862 г. из 290 млн. 590 тыс. рублей доходной росписи – 55 млн. 255 тыс. рублей приходились на сборы от подушной подати, которая входила в число прямых налогов с населения[3] Для сравнения укажем, что сумма поступлений от промысловых и торговых свидетельств исчислялась на этот год в 976 тыс. рублей, а земельный на-

лог составил 1 млн. 878 тыс. рублей[4]. Эти две последние статьи денежных сборов также входили в число прямых налогов.

С организацией в 1864 г. земских учреждений в России как органов местного самоуправления и с изданием «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» система сбора налогов с населения изменилась. В тех губерниях, где создавались земские структуры, последние получили право самообложения, то есть право налагать на все гражданское население края определенные налоги, которые и стали называться земскими сборами и носили исключительно местный характер[5]. При этом законом было предусмотрено, что сбор всех государственных налогов изымался из ведения новых органов управления, он по-прежнему оставался в компетенции местных казначейств и полностью шел в распоряжение центральных органов власти. Таким образом, правительство не финансировало земства, их деятельность строилась исключительно на основе самофинансирования. Поэтому основой их финансовой деятельности были земские сметы и раскладки, составленные с учетом уездных и губернских потребностей и источников их получения.

В закон было внесено лишь одно ограничение с точки зрения определения величины налогов: "общим основанием размера обложения служат ценность и доходность облагаемых имуществ»[6]

Все земские доходы по способу их получения делились на окладные и неокладные.

К первым как раз и относились доходы от прямого налогообложения. Сюда включались следующие отчисления: 1) сборы с недвижимого имущества в городах и уездах – с земель и лесов, жилых домов в городах и уездах, фабричных, заводских и торговых помещений и прочих зданий и сооружений; 2) промысловых и торговых свидетельств и билетов; 3) патентов на заводы для производства различных напитков, обложенных акцизом и на заведения для продажи спиртных напитков; 4) заведений трактирного промысла вне городских поселений.

К неокладным доходам принадлежали: 1) сборы с недвижимого имущества самого земства и проценты с принадлежавших ему капиталов (например, дорожный, пенсионный); 2) судебная пошлина и сбор с бумаг, взимаемых с гражданских дел, производящихся у земских начальников, городских судей, уездных членов окружного суда и в уездных съездах; 3) пошлины за пользование учреждениями и услугами земства: шоссейный и мостовой сборы за проезд по местным дорогам, плата за лечение и обучение в земских заведениях; 4) доходы от земских промышленных предприятий; 5) штрафы и пени за несвоевременную оплату земских сборов[7]. Сю-

да же относились частные пожертвования граждан и пособия из казны, которые впервые начали отчисляться земским учреждениям с 1899 г. для проведения оценочных работ по недвижимой собственности граждан.

В земских бюджетах неокладные сборы занимали второе-третье место, хотя постепенно с общим увеличением доходов, они также возрастали в абсолютных цифрах, что повышало их относительную значимость. Так, в 1902 г. в доходной смете земства Московской губернии неокладные сборы составляли 9,16 %, в Ярославской губернии 8,7 %, Тверской губернии 8,15%, во Владимирской – 9,1 %[8].

Общее количество земских сборов, предназначенных на текущий финансовый год, определялось составлением доходной сметы. В нее, в первую очередь, записывался чистый остаток наличных денег от расходов прошедшего года. К нему суммировались деньги, которые должны были поступить по недоимкам (неуплаченные долги). Затем в смету вписывались денежные средства от процентов с земских капиталов, от доходов с земских имений, шоссейные и мостовые сборы, плата за лечение ведомственных служащих и больных из соседних губерний в земских медицинских учреждениях, плата за обучение в структурах народного образования, а также штрафы и пени за просрочку платежей.

Эти суммы исчислялись приблизительно с учетом аналогичных поступлений за прошедшие три года. Таким же образом просчитывались доходы от ведения судебных дел земских начальников и уездных мировых судов, фиксировались отчисления с торговых и промысловых свидетельств и билетов. Затем в доход будущего года прибавлялось все то, что земства надеялись получить или путем займа, или вернуть из занятых у них самих денег, вносили суммы казенных пособий, если таковые им были обещаны.

Когда все доходы, на которые можно было рассчитывать определялись, становилось ясным, сколько еще потребуется денег для выполнения запланированной расходной сметы. Недостающая сумма пускалась в раскладку или, иными словами, распределялась в форме налогов с земель, лесов, прочего недвижимого имущества граждан: с жилых домов и дач, а также с торговых и промышленных заведений.

Так, в 1902 г. предполагаемая смета расходов Костромского губернского земства исчислялась в 651 тыс. 506 рублей. При этом статьи доходов с фиксированными или заранее просчитанными сборами составили 158 тыс. 504 рубля. Остальные необходимые денежные поступления были отнесены в раскладку для уплаты налогов[9]. По данным В.Ф. Караваева в 1912 г. доходные статьи с

заведомо известными денежными суммами во всех российских землях насчитывали 74 млн. рублей. А всех расходов по сметам было предусмотрено 220 млн. рублей. Недостающие 146 млн. рублей пошли в раскладку между плательщиками земских сборов[10].

Раскладка земского сбора осуществлялась следующим образом: сумма земских сборов, составленная по данной смете, делилась на цифру, выражающую ценность или доходность всех облагаемых имуществ и полученный процент обложения умножался на ценность или доходность имущества каждого отдельного владельца. Так получалась сумма сбора с конкретного налогоплательщика[11].

Проекты земских смет и раскладок составлялись на каждый год губернскими и уездными управами, а затем вносились на рассмотрение земских собраний в первые дни первых заседаний сессий. По Положению 1864 г. годовые сметы в уездах составлялись в августе, а общая губернская сводилась в октябре текущего года. Закон также предусматривал, что управы были обязаны заранее, до начала заседаний земских собраний, ознакомить с предварительными сметами доходов не только гласных (депутатов), но и все население края за счет рассылки этих проектов и публикации их в «Губернских ведомостях»[12].

Начало финансового года для земских расходных смет было определено с 1 января текущего года, а завершение – 31 декабря того же года.

Губернские и уездные земские собрания для контроля финансовой отчетности избирали из своего состава особые ревизионные комиссии, которые предоставляли свои заключения проверок на утверждение земских собраний. Последние рассматривали также и предварительные расчеты управ о размерах сумм, передаваемых губернскому земству для проведения общих мероприятий в крае, скажем для образования дорожного капитала, что было предусмотрено законом. По этим вопросам уездные собрания всегда принимали особые постановления, которые и доводились до сведения губернских собраний. Однако до обсуждения денежных смет на первой сессии гласных земские управы до 15 сентября каждого года давали губернским управам свои расчеты и сведения, необходимые для составления губернского сбора.

Одобренные и утвержденные сметы и раскладки представлялись на рассмотрение губернатору, заблаговременно, до начала работы первой осенней сессии. При рассмотрении земских смет и раскладок губернатор был обязан контролировать следующие позиции: 1) не внесены ли в сметы расходы непредусмотренные правилами; 2) предусмотрены ли денежные средства на все обязатель-

ные для земства мероприятия и функции; 3) не допущены ли к обложению сборами и натуральными повинностями источники, не подпадающие для налогообложения; 4) нет ли неуравнительности в обложении казенных земель по сравнению с прочими; 5) покрываются ли доходами и сборами обязательные для земства расходы[13].

Помимо губернатора, копии земских смет и раскладок представлялись для сведения управляющему губернской казенной палатой, Министерству финансов и Министерству внутренних дел. Утвержденные документы вновь печатались в «Губернских ведомостях», после чего издавались отдельной книгой и рассылались во все земские управы. К земским сметам прилагалась общая объяснительная записка, содержащая структуру и статьи денежных доходов и расходов, а также размеров натуральных повинностей[14].

Земские капиталы хранились по усмотрению земского собрания в местных казначействах или в Государственном банке и его отделениях. Текущие свои средства и вообще поступающие в доход земских учреждений финансы расходовались губернскими и уездными казначействами по распоряжению соответствующих земских управ. Размеры и условия хранения непосредственно земских капиталов согласовывались с министрами финансов и внутренних дел.

В каждой земской управе хранились окладные книги, в которых находились сведения обо всех владельцах уезда. Против фамилии каждого собственника было показано, в чем состоит его имущество, сколько оно стоит и какой приносит доход. Поэтому общий сбор со всей собственности в уезде и предпринимательской деятельности граждан был известен.

Когда определялось сколько расходов (в рублях) надо разложить на все имущество, нетрудно было сосчитать, сколько придется платить каждому владельцу. Расчет этот назывался «раскладочная ведомость» или просто «раскладка». Эта раскладка и утверждалась на уездном собрании гласных. Вычисленный таким образом оклад затем расписывался по окладным листам и рассылался всем налогоплательщикам. Это был тот финансовый документ, по которому они вносили в уездные казначейства фиксированный земский сбор. По закону одна половина этого сбора должна была платиться к 1 июля текущего года, когда присылали окладный лист, другая – к 1 января следующего года. При неуплате этих взносов предусматривались штрафы и пени до 12 % в год[15]. Не поступившая в срок сумма взыскивалась полицией (которая, в первую очередь, требовала закрыть долги по государственным налогам) и передавалась в казначейство. Из финансовых отчетов земских управ хорошо видно, что число недоимок с владельцев собственности по-

стоянно имело место и с этим реальным обстоятельством им приходилось считаться на протяжении всей своей деятельности.

Таким образом, с момента своего образования земские учреждения складывались как структуры обращающие земельные, лесные угодья и прочую недвижимую собственность территорий (волостей, уездов, губерний), а также имеющиеся денежные капиталы на благо и пользу всего гражданского населения края. Их финансовая деятельность в целом строилась по принципу самодостаточности. При этом принципиальным моментом являлся тот факт, что земские доходные бюджеты в подавляющей своей части складывались исключительно из местных сборов, за счет обложения конкретных лиц, владельцев собственности. Поэтому в основе всей финансовой структуры была заложена следующая схема: платил тот, кто имел средства, а полученные деньги шли на нужды всех жителей. Земские доходные бюджеты как таковые не планировались сверху – высшими и центральными государственными учреждениями. Так, величина местных налогов устанавливалась самими органами местного самоуправления, а стало быть – земскими гласными. Последние являлись сами налогоплательщиками, как государственных, так и земских сборов, наравне с теми кто их избирал. Поэтому увеличивая налоги, депутаты знали, что это скажется и на объемах их выплат. Данное обстоятельство влияло на не допущение злоупотреблений в неоправданном росте земского обложения. Отсюда, органы местного самоуправления, повышая свои расходы и увеличивая, при этом налоги, проявляли известную осторожность в обременении платежных сил населения и по возможности искали дополнительные источники доходов.

1. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 14.
2. Министерство финансов: 1802-1902 гг. СПб., 1902. Ч. 1. С. 476.
3. Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 144, 151.
4. Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 15.
5. См.: ПСЗ: Собрание второе (1825-1881). Т. XXXIX. Отд. 1. СПб., 1867.
6. ПСЗ. Собрание второе. Отд. 1. СПб., 1867. С. 15.
7. Свод законов Российской империи (неофициальное издание). В 16-ти томах со всеми относящимися к ним продолжениями и дополнительный том, содержащий позднейшие изменения в своде, опубликованные в собрании Указаний. СПб., 1904. 4-е издание. Т. 4. Книга 2, Устав о земских повинностях. С. 120-123.
8. Краткий отчет губернской и уездных земских управ Московской губернии за 1902 г. Б.м.Б.г. С. 7-9; ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 752. Л. 2.; ГАТО. Ф.

800. Оп. 1. Д. 10089. Л. 7 об., 8 об., 11 об.; ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 901. ЛЛ. 79-81.
9. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 507. Л. 1,3.
10. Каравасв В.Ф. Земские сметы и раскладки//Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 171.
11. См.: Львов Г.Е., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1917. С. 29-30.
12. ПСЗ. Собрание второе. Отд. 1. СПб., 1867. Приложение к ст. 40457: Штаты и табели. С. 10.
13. ПСЗ. Собрание второе. Отд. 1. СПб., 1867. С. 11.
14. Там же. Приложение к ст. 40457: Штаты и табели. С. 10.
15. Свод законов Российской империи... СПб., 1904. 4-е издание. Т. 4. Книга 2. Устав о земских повинностях. С. 127.

В. М. Марасанова
*Ярославский государственный
университет*

**Местное управление в период подготовки
и реализации крестьянской реформы 1861 г.
(на материалах Верхнего Поволжья)**

Шестидесятые годы XIX в. вошли в историю России как время крутого общественно-политического и экономического поворота. Решимость Александра II начать преобразования вызвала отклик во многих слоях населения. Материалы о проведении крестьянской реформы в губерниях Верхнего Поволжья отложились в фондах правительственных учреждений, хранящихся в федеральных и местных государственных архивах. Ценным источником для изучения данной проблемы является губернская периодическая печать, представленная «Губернскими ведомостями», а также воспоминания.

Комитеты по подготовке проектов освобождения крестьян во всех губерниях действовали под наблюдением губернаторов. В марте 1858 г. тверской губернатор П.Т. Баранов получил от царя предписание об открытии в Твери комитета для выработки положения о крестьянах. Этот комитет возглавил губернский предводитель дворянства А.М. Унковский, избранный в 1857 году[1]. Представляясь императору в апреле 1857 г., на вопрос Александра II о возможных изменениях отношений между крепостными и помещиками Унковский ответил, что «большинство дворянства Тверской губернии будет только сочувствовать, ибо хорошо понимает, что нельзя оставаться с крепостным правом»[2]. Тверской комитет был открыт 7 августа 1858 года. В его составе было 27 членов с решающим голосом – председатель, два члена по назначению губернатора и по 2 представителя от 12 уездов губернии.

В Твери был предложен радикальный проект об устройстве быта помещичьих крестьян. Его авторами стали А.М. Унковский и А.А. Головачев. Этот проект был передан Александру II тверским губернатором П.Т. Барановым[3]. Проект предусматривал освобождение крестьян с землей в размере не менее 4 десятин. А.М. Унковский настаивал на том, что одновременно с освобождением крестьян в стране должны быть проведены военная, судебная и финансовая реформы, а также реформирование всей системы управления. 7 февраля 1859 г. «Тверской комитет по крестьянскому делу» закончил свою работу, успев провести 66 заседаний. Вскоре А.М. Унков-

ский был смещен с должности губернского предводителя дворянства и выслан в Вятку. Новым губернским предводителем дворянства стал П.П. Клокачев, уже не вступавший в конфликты с властями.

3 мая 1858 г. Александр II отдал рескрипт на имя ярославского губернатора А.П. Бутурлина о разрешении приступить к составлению проекта положения об устройстве быта помещичьих крестьян. Выборы комитета прошли в августе. В его состав вошло 20 человек: 18 были избраны местным дворянством и 2 назначил губернатор. 1 октября 1858 г. состоялось первое заседание комитета, свою работу комитет продолжал до 1 апреля 1859 года. Во Владимирской губернии либерально настроенному губернатору Е.С. Тиличеву накануне реформы пришлось вступить в конфликт с С.Н. Богдановым, который с 1845 г. являлся губернским предводителем дворянства. Богданов выступал за резкое сокращение крестьянских наделов и против наделения крестьян землей. Е.С. Тиличев был сторонником выкупа земли, однако его точку зрения разделяли немногие владимирские помещики. В 1860 г. владимирским губернским предводителем дворянства стал Д.В. Солеников. К крестьянскому вопросу он относился так же, как его предшественник.

Правительство понимало, что не все крестьянство с энтузиазмом воспримет дарованную «свободу». Как вспоминал Д.А. Милютин, «местным начальствам даны были заблаговременно инструкции на случай нарушения спокойствия и порядка: определен был самый порядок объявления народу великой Царской милости одновременно по всей России. Для этого нужно было предварительно разослать во все концы Империи десятки тысяч экземпляров Манифеста, указов и положений, – на что требовалось известное время после Высочайшего утверждения»[4]. Обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. планировалось на 6 марта, но к этому числу развести необходимые документы по стране не успели. В Петербурге и Москве Манифест был обнародован 5 марта, а в Московской губернии с 6 по 13 марта. Постепенное объявление Манифеста позволяло избегать одновременного подъема крестьянских волнений во многих губерниях.

Министр внутренних дел С.С. Ланской в докладе императору сообщил, что ярославский губернатор обратил внимание на «воздержанность от вина не только во время великого поста, но и во время масленицы, когда ожидали обнародования манифеста»[5]. В Ярославской губернии Манифест был обнародован 8 марта 1861 г. В этот же день по распоряжению губернатора А.В. Оболенского начало свою работу Ярославское губернское по крестьянским делам присутствие[6]. В тот же день Манифест был оглашен в Георгиевской церкви Успенского собора во Владимире, а временный губер-

ский комитет по крестьянскому делу был преобразован в Губернское по крестьянским делам присутствие. В Костромской губернии губернское по крестьянским делам присутствие открылось 10 марта 1861 г. Его возглавил губернатор И.В. Романус. Манифест был опубликован в «Костромских губернских ведомостях» 11 марта. Таким образом, в губерниях Верхнего Поволжья Манифест был объявлен в числе первых, а по стране его обнародование продолжалось до 2 апреля (Кишинев).

В «Костромских губернских ведомостях» 1 апреля 1861 г. появилось обращение «От начальника Костромской губернии» генерал-лейтенанта И.В. Романуса. В нем говорилось: «Считаю необходимым объявить бывшим помещичьим и дворовым людям, что на основании п.18, отдела о приведении в действие Высочайше утвержденного положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Воспрепятствовать подавать жалобы на помещиков по таким делам и распоряжениям, кои свершились до обнародования Высочайшего Манифеста; а за сим с жалобами», касающимися периода после обнародования манифеста обращаться к уездным предводителям дворянства и мировым посредникам[7].

Получив волю без земли, крестьяне в массовом порядке отказывались от выполнения повинностей. Всего в 1861 г. в Ярославской губернии известно 59 случаев крестьянских выступлений, и в 8 случаях для подавления вызывались воинские команды. В Тверской губернии за 1861 г. произошло 80 волнений крестьян. Наиболее крупные выступления имели место в поместьях А.Н. Вульфа, князя Г. Гагарина и графа Мусина-Пушкина[8]. Во Владимирской губернии войска были вызваны в имение Нарышкиной. Пик волнений в регионе пришелся на весну 1861 г., и в дальнейшем движение не прекращалось. Губернские власти постоянно предпринимали усилия для прекращения слухов о крестьянской реформе. Губернатор А.В. Оболенский 5 апреля 1861 г. направил в Ярославскую городскую полицию распоряжение о поимке распространителей слухов «о Высочайше утвержденных 19 минувшего Февраля положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»[9]. Аналогичные распоряжения направлял ярославскому полицмейстеру и другим должностным лицам новый ярославский губернатор И.С. Унковский (представитель калужской ветви рода Унковских, но не близкий родственник А.М. Унковского)[10].

Тверские либералы в это время требовали созыва чрезвычайного съезда дворян губернии. Чрезвычайное дворянское собрание прошло 1 – 3 февраля 1862 г., и было закрыто губернатором. Итогом работы собрания стал адрес со 112 подписями, направленный Александру II. В нем тверские дворяне пришли к выводу «о

несостоятельности Положений 19-го февраля и неумении правительства справиться с делом». 5 марта 1862 г. 9 мировых посредников выступили с заявлением о том, что в своей деятельности они будут руководствоваться не «Положением» 19 февраля, а постановлениями чрезвычайного губернского дворянского собрания. П.А. Валуев опасался, что «мировые посредники могут разом выйти в отставку и т.п., а губернатор доказал, что он не в состоянии справиться с губернией»[11]. В Тверь была направлена комиссия генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова. В результате работы комиссии 13 мировых посредников были арестованы и после пятимесячного заключения преданы суду Правительствующего Сената. Они были уволены от должности мировых посредников и лишены права поступать на государственную службу и заниматься общественной деятельностью.

В ходе проведения крестьянской реформы в Тверской губернии средний размер крестьянского надела сократился с 5,2 до 4,1 десятины[12]. Выкуп в Тверской губернии составлял 252 % стоимости земли, а во Владимирской – 276 %[13]. Выкупные платежи достигали 60 % денежных повинностей крестьян, и по ним постоянно оставалась высокая недоимка[14]. По Ярославской губернии надел бывших помещичьих крестьян сократился с 4,7 до 4,1 десятины. Выполнение выкупных операций началось с февраля 1862 г., а с 1883 г. в России выкуп стал обязательным. Следовательно, осталась почва для крестьянского недовольства и беспокойства правительственных учреждений.

В Тверской губернии крестьяне отказались подписать 1,9 тыс. уставных грамот. Иногда уставные грамоты носили настолько кабальный характер, что даже мировые посредники признавали их недействительными. Мировой посредник 4-го участка Ярославского уезда Калачев 13 мая 1862 г. признал неправильно составленной уставную грамоту по имени помещика А.С. Некрасова – отца великого поэта. Вскоре Алексей Сергеевич умер, и его крестьяне, уже отпущенные, по воспоминаниям А. Пургина, «две недели праздновали его смерть, напиваясь до белой горячки»[15]. На 1 января 1887 г. по Ярославской губернии «поступило в Главное выкупное учреждение всего 6.100 выкупных сделок (390 по соглашению помещика с крестьянами, а 5.618 по обязательному выкупу)»[16].

В некоторых случаях против крестьян применялись репрессивные меры, например, за отказ подписать уставную грамоту палата уголовного суда постановила 15 марта 1862 г. наказать розгами крестьян мологского помещика Чистякова. В статье по случаю проводов губернатора П.Р. Багратиона из Твери газета «Тверские губернские ведомости» отмечала, что на посту губернатора он всегда

был внимателен к крестьянам, «объяснения которых выслушивались князем с неистощимым терпением», и что именно благодаря его вниманию «не одна сотня крестьян спасена от тех вредных последствий, к которым могло привести упорное домогательство, не имеющее законного основания»[17]. Таким образом, губернское начальство использовало самые разные средства для приведения крестьян в повиновение – от уговоров до применения воинской силы.

За первые годы проведения реформы не только в крестьянстве, но и в правительственных кругах росло разочарование реформой. Как писал 26 октября 1863 г. в своем дневнике министр внутренних дел П.А. Валуев: «Я чувствую, что правительственное дело идет ошибочной колеею, идет под знаменем идей, утративших значение и силу, идет не к лучшему, а к кризису, которого исход неизвестен. Но я сам часть этого правительства. На меня ложится доля нравственной ответственности». Его мнение о ситуации в стране не изменилось и через год, когда 13 ноября 1864 г. он отметил: «Утомлен работой и, главное, безнадежем. При несостоятельной системе, которою мы руководствуемся, или которой следовать мы должны, окончательный успех невозможен. Мы только отсрочиваем кризис»[18].

Экономическое положение крестьян при сохранении помещичьего землевладения не могло существенно измениться к лучшему, хотя официальные должностные лица находили разные причины социальных трудностей в сельской местности. Так, Смирнов, чиновник особых поручений при тверском губернаторе А.Н. Сомове, в своем отчете на 1885 г. отмечал, что положение крестьян «не улучшилось и причиной тому служит пьянство и повсеместные кабаки, которые поглощают все крестьянские достатки»[19].

Повсеместно в регионе отмечалась недоимка по выкупным податям и остальным платежам. Недоимка по Кашинскому уезду Тверской губернии «к 1 октября 1873 г. на крестьянах в податях и выкупных платежах» составляла 1.853 руб. 61 коп.[20] В Тверской губернии добровольно на выкуп перешли лишь 8,5 % крестьян, 78 % сделок были совершены по требованиям помещиков, 5,7 % по требованиям кредитных учреждений. За 1860-е гг. тверскими крестьянами было подано 244 жалобы в губернские учреждения.

После реформы для бывших помещичьих крестьян были созданы сословные учреждения: сельские и волостные сходы, волостные правления. Эти органы выполняли некоторые административно-полицейские функции и работали под контролем местных властей. Однако проблемой оставались слишком значительные расходы на сельское и волостное управление[21]. В частности, волост-

ные старшины Ярославской губернии должны были получать до 500 руб. в год.

В 1861 – 1874 гг. крестьянские учреждения каждой губернии контролировали мировые посредники, уездные съезды мировых посредников и губернское по крестьянским делам присутствие. Кандидатуры мировых посредников выдвигались из числа потомственных дворян, владевших не менее чем 500 десятинами земли. Для лиц с высшим образованием было необходимо иметь не менее 150 десятин. Мировые посредники решали дела «по исковым спорам и жалобам между помещиками и крестьянскими обществами, разбирали жалобы на сельские сходы по заявлению о семейном разделе и на действия сельских должностных лиц и наложение взысканий на них; дела по избранию и утверждению должностных лиц волостного и сельского управления»[22]. Они имели право подвергать крестьян аресту до 7 дней и штрафу до 3 руб. Их главной задачей была проверка и введение в действие уставных грамот, а также помощь в заключении выкупных сделок. Каждый уезд делился на несколько участков, в которые назначались мировые посредники и их кандидаты (помощники). Так, в Тверской губернии было 49 участков, в среднем по 4 на уезд.

В 1874 – 1889 гг. действовали уездные по крестьянским делам присутствия. В состав уездных по крестьянским делам присутствий входили представители от земств, администрации, суда и один член, назначенный из двух предложенных кандидатов министром внутренних дел. Этих кандидатов избирали губернские земские собрания из местных дворян. Наиболее серьезные вопросы разбирало губернское по крестьянским делам присутствие под председательством губернатора. В состав этого органа входили губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, управляющий губернской палатой государственных имуществ и четыре представителя от дворян губернии.

В 1889 г. была учреждена должность земских участковых начальников с их уездными съездами. Земских начальников назначали губернатор и уездный предводитель дворянства, а утверждал министр внутренних дел. Это фактически были правительственные чиновники из числа потомственных дворян, получавшие широкие полномочия. Земские начальники подчинили крестьянское самоуправление, контролировали обсуждаемые на сельских и волостных сходах вопросы и их решения. Земский начальник мог приостановить решение схода и передать для рассмотрения уездному съезду земских начальников. Земский начальник утверждал кандидатуры на выборные должности в органах крестьянского самоуправления. Он мог налагать штраф на сумму до 5 руб. и арест до 7 дней. По

мнению С.Ю. Витте, институт земских начальников «вполне не удался и принес много вреда России»[23]. Он писал, что земские начальники были в основном провинциальными чиновниками, назначаемыми административной властью, бывшими военными и т.д., а мечты императора Александра III «о благородном помещике» не оправдались. Как отмечал С.Ю. Витте, действия земских начальников в большей степени основывались не на законе, а на административном усмотрении.

Воспоминания земских начальников свидетельствовали о том, что местные власти уделяли большое внимание их деятельности. Н. Одинцов, который состоял земским начальником в Ярославской губернии в 1891 – 1896 гг., отмечал, что часто встречался по службе с губернатором А.Я. Фриде[24]. Губернатор часто выезжал на ревизии участков земских начальников. Земские начальники проводили большую работу на своих участках. В уездах Тверской губернии был 91 земский начальник. По данным всеподданнейшего отчета тверского губернатора Н.Д. Голицына за 1897 г., за год земские начальники рассмотрели 9.296 дел. Они также провели 429 ревизий волостных правлений и 1.933 личных дознаний на местах[25].

Отмена крепостного права не сняла с повестки дня острые проблемы во взаимоотношениях помещиков и крестьян. Особое беспокойство местных властей вызывали случаи «произнесения дерзких слов против государя императора», чего не отмечалось в дореформенный период. К примеру, в июле 1869 г. в канцелярии владимирского губернатора такое дело было заведено об отставном рядовом Д. Григорьеве, а в марте 1874 г. о крестьянине Владимирской губернии Воронкове[26].

Реализация крестьянской реформы не только дала толчок капиталистическому развитию страны, но и привела к созданию новых местных органов. Буржуазные реформы несколько сузили права дворянства, выведя из-под его власти крепостное крестьянство, а также органы суда и полиции. Однако аграрный вопрос оставался наиболее острым для основной части населения. Все это усложняло функции местного аппарата управления, заставляло его оперативно реагировать на происходящие в обществе перемены.

1. См.: ТГВ. 1855. Н.ч. 16 апр.

2. Александр Второй: Воспоминания, дневники. СПб, 1995. С.131.

3. См.: ТГВ. 1859. Н.ч. 28 марта.

4. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860 – 1862 гг. / Под ред. Захаровой Л.Г. М., 1999. С.63.

5. Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861 – 1862 гг. / Отв. ред. С.Н. Валк. М.–Л., 1950. С.8.
6. См.: ЯГВ. 1861. Оф.ч. 18 марта.
7. КГВ. 1861. Оф.ч. 1 апр.
8. См.: ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.18931; и др.
9. ГАЯО. Ф.288. Оп.1. Д.908. Л.29.
10. См.: ГАЯО. Ф.288. Оп.1. Д.908. Л.65; и др.
11. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1961. Т.1. С.145 – 146.
12. См.: РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д.155; ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.14193; и др.
13. См.: Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С.11.
14. См.: ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.18294. Л.19; КГВ. 1861. Оф.ч. 6 мая; и др.
15. Ярославский край: Сборник документов по истории края (XI в. – 1917 г.). Ярославль, 1974. С.120.
16. ЯГВ. 1887. Н.ч. 10 марта.
17. ТГВ. 1868. Н.ч. 27 марта.
18. Дневник П.А. Валуева. Т.1. С.252, 302.
19. ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.18931. Л.62 об.
20. ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.18294. Л.19.
21. На 1881 г. мирские сборы в 46 губерниях составили 32.185.691 руб. или в среднем 19 коп. с десятины. Из этой суммы административные расходы достигли 22.517.329 руб. или 70 %. Еще около 15 коп. с десятины составляли земские сборы. См.: Евреинов Г.А. Заметки о местной реформе. СПб., 1888. С.8, 42.
22. Сборник сведений о правительственных учреждениях / Сост. В. Кривенко. СПб., 1889. С.215.
23. Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Галлин–М., 1994. Т.1. С.296.
24. См.: ЯГВ. 1896. Н.ч. 2 авг.
25. См.: Всеподданейший отчет тверского губернатора за 1897 г. Машинописный вариант. Страницы не пронумерованы.
26. См.: ГАВО. Ф.14. Оп.5. Д.360. Л.1 – 2; Д.472. Л.1 – 2.

Л. М. Архипова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

О значении ярмарочной торговли в развитии Центрально-нечерноземного района России в конце XIX - начале XX в.

Губернии, расположенные в верхней части Волжского бассейна - Ярославская, Владимирская, Московская, Тверская, Костромская и Нижегородская за исключением ее юго-восточных уездов, отличались общими природно-климатическими характеристиками, которые обусловили их развитие в рамках единого региона. Статистические и исторические источники конца XIX - начала XX в. называли его Центральным нечерноземным или Московской промышленной областью, подчеркивая тем самым особую роль промышленных неземледельческих занятий населения. Хозяйственная специализация здесь складывалась на протяжении веков под влиянием прежде всего недостаточно благоприятных данных для развития традиционной трехпольной зерновой системы производства. Суглинистые, супесчаные, песчаные почвы по сравнению с черноземными требовали больших затрат труда, а короткий сельскохозяйственный цикл при рискованных погодных условиях не только предоставлял крестьянам возможность обратиться к домашней промышленности, но и вынуждал их искать дополнительные, не связанные непосредственно с земледелием источники доходов.

Решение этой задачи облегчалось наличием в области оживленных транспортных магистралей. Крупнейшие волжские пристани - Нижний Новгород и Рыбинск - служили одновременно транзитными пунктами железнодорожного движения, связавшими даже такие глухие и удаленные от губернских центров уезды, как Семеновский, Макарьевский, Муромский, Мологский, Пошехонский др. с Москвой и Петербургом. Большую роль в промышленно-торговом развитии края играли судоходная Ока, соединявшая своим течением шесть уездов разных губерний, судоходные Кострома, Нерль, Москва, Тверца, Клязьма, Теза, Согожа, Шексна, Молога, использовавшиеся местами и как главные наряду с реками Ноли, Виги, Шача, Тьма, Тьмака, Керженец, многие др. Посредством шоссейных, грунтовых дорог большая часть этих водных путей соединялась с железнодорожными линиями, напряженнейшими из которых по праву считались Николаевская, Московско-Архангельская, Московско-Казанская, Московско-Брестская.

Москва как центр общероссийских путей сообщения обладала целым рядом преимуществ для предпринимательской деятельности, достигшей к началу века настолько высокого уровня, что он принципиально влиял на показатели торгово-промышленного развития всей области. В расчете на душу населения сумма промышленного оборота понижалась на 33,64% при исключении из нее капиталов Москвы, а аналогичный показатель активности торговых операций сокращался более чем на две трети. В столице шла оживленная купля-продажа предметов мануфактуры, на долю которых приходилось 87,23% общеобластной суммы капиталов по этой группе товаров, а также торговля свечами, разнообразным кожевенным товаром, маслом, сыром (73,34%), зерновым хлебом, мукой, льном, многие др. продуктами земледелия. Рост жилищного строительства в первопрестольной и за ее пределами сопровождался усиленным спросом на продукцию лесного хозяйства, отраслей добывающей промышленности, и более чем на две трети он удовлетворялся московскими торговыми предприятиями [1]. В целом же торговый оборот столицы достигал огромной суммы - 854,46 млн.р., промышленный - 317,75 млн.р., что в совокупности составляло более одной десятой общероссийского оборота капиталов. "Москва является самым обширным резервуаром внутренних промышленных и торговых капиталов. В нее стекались со всех концов России торговцы за товарами, туда же шло громадное количество сырья для перепродажи и переработки на многочисленных фабриках как в самой Москве, так и в окрестных городах и селах... В Москве издавна накопились в разных слоях ее населения запасы преимущественно практических, торговых, технических знаний и находились наиболее предприимчивые руки, устраивавшие промышленные заведения не только в Москве. но и вне ее" [2]

Внимание предприимчивых людей привлекали также губернские и уездные города промышленного нечерноземья, торговые обороты которых составляли в общей сложности 250,75 млн.р., а промышленные - 166, 73 млн.р. Однако, исключение из общерайонных капиталов и этих сумм приводит к наблюдению о довольно интенсивной предпринимательской деятельности населения в сельской местности, на долю которой приходилось свыше трети объемов торговых (36,41%) и более двух третей (73,44%) промышленных операций. Соответственно производственные обороты капитала преобладали по сумме над торговыми значительно - более чем в три раза, тогда как в целом по региону они заметно уступали им. Хозяйственная специализация края определялась, следовательно, жизнедеятельностью сел, население которых было занято преимущественно в обрабатывающих отраслях, привлекавших основную

часть денежных средств и обслуживавших даже самые отдаленные рынки.

По признанию дореволюционных статистиков, "в экономической деятельности Московской промышленной полосы, если исключить из нее Москву, торговля, несомненно, отстывает на второй план по сравнению с промышленностью. Но в это сравнение необходимо ввести существенную поправку, отметив значение для полосы ярмарочной торговли" [3].

Ярмарки являлись типичной формой сельской торговли - "ходячего", подвижного рынка. Они лучше биржевой и стационарной отражали многие характерные черты внутрироссийского товарообмена: преобладание небольших торговых предприятий вследствие недостатка капиталов и низкой, ограниченной суммой в среднем не более 20 р. в год, покупательной способности крестьянства; участие в купле-продаже множества лиц, не принадлежавших к купеческому сословию, особенно крестьянства; наконец, обилие посредников между производителями и потребителями, то есть мелких и крупных скупщиков товаров [4].

По данным Центрального статистического комитета в 1896 г. в империи насчитывалось 17 тыс. торжков при 68 тыс. ярмарочных пунктах, большинство которых - 87% - служили временными центрами розничной и мелочной торговли, что давало современникам основание считать их сельскохозяйственными, то есть крестьянскими, а не коммерческими [5]. Так, например, во Владимирской губернии, согласно официальному признанию, ярмарки представляли собой большие базары, привлекавшие как "продавцов, так и покупателей из ближайших местностей и не имевшие поэтому какого-либо особого значения в отечественной торговле. Всех ярмарок в губернии бывает 199 в год и общая стоимость проданного на них товара не превышает 895,74 тыс.р., то есть в среднем 4,5 тыс.р. на каждой ярмарке" [6]. Крупнейшими ярмарками, продолжавшимися неделю, имевшими 20-тысячные и более обороты являлись "Преподобинская" в Суздале, "Покровская" в Меленках, "Рождественская" в Коврове и другие в остальных уездных городах [7].

Ярмарки этого масштаба - от 10 до 100 тыс.р. по продаже товаров - признавались средними, и доля их равнялась 12% в общероссийском количестве. Ярмарка в Пошехонье, где за 4 дня продавалось сельскохозяйственной и кустарной продукции на суммы от 10 до 31,4 тыс.р., или трехдневная в Данилове (соответственно на 14 тыс.р.) являлись типичными для этой категории. Всего же в Ярославской губернии в 1904 г. действовало 150 ярмарок, на которых продавалось товаров на сумму более 2,25 млн.р., что в 2,8 раза превосходило объем аналогичных операций в 1894 г. и свидетельство-

вало о безусловной жизнеспособности этой формы торговли. Спустя еще 8 лет, в 1912 г., число ярмарок сократилось вдвое, но общий масштаб товарообмена даже увеличился, составив 3,0 млн.р. [8]. Типичными товарами были лен, скот, бакалея, мануфактурные и домашние ткани, холст, овечья шерсть, деревянные игрушки, новина, полотно, пр.

Прекращали свою деятельность прежде всего средние по оборотам пункты периодической торговли, тогда как крупнейшим удавалось сохранять свои позиции. Например, на Ростовскую ярмарку, продолжавшуюся от нескольких дней до трех недель, в 1912 г. было привезено только деревянных изделий на сумму до 100 тыс.р. (земледельческих орудий, экипажей, дуг, колес), затем мануфактурной и галантерейной продукции - на 75 тыс.р., железа и предметов из него - 65 тыс.р., ваты, пряжи, ниток - 85 тыс.р., кож сырых - 10 тыс. р., кожаной обуви - 80 тыс.р., сельскохозяйственной продукции - около 200 тыс.р. [9].

Ярмарок с коммерческим назначением насчитывалось в Московской промышленной области не менее 31, среди которых в 1913 г. пользовались широкой известностью Макарьевская (Костромской губернии), продолжавшаяся ранней весной, связанная главным образом с лесопромышленными товарами и характеризовавшаяся многомиллионными оборотами; "Девятая" (в Костроме), длившаяся 21 день и собиравшая товаров на 200 тыс.р.; Крестовоздвиженская (в Кинешме), привлекавшая в течение 15 дней продукции на сумму до 140 тыс. р., а также "Ярославских чудотворцев" (21 день, 130 тыс.р.), Петровская (в Рыбинске, 15 дней, 117 тыс.р.). Доля ярмарок, развившихся до временных торговых центров с оборотом по продаже товаров от 100 тыс.р. до 1 млн.р. и более, составляла примерно 1,55% в общем объеме периодического товарообмена в Центрально-промышленном районе [10].

Совершенно особое значение имела Нижегородская ярмарка. Несмотря на постепенное, происходившее с конца XIX в. сокращение торговых оборотов оптовых ярмарок вследствие экономического роста страны, улучшения путей сообщения, усиления денежных ресурсов крестьянских хозяйств и укрепления стационарной торговли, Нижегородская ярмарка проявляла устойчивость, о чем свидетельствовала динамика торговых оборотов на ней [11]. В 1912 г. на ней было продано только кустарных изделий на общую сумму 21 млн.р., в том числе кожевенного товара на 5 млн.р., валяной обуви - 4,5 млн.р., металлических изделий - 1 млн.р., деревянных - на 1 млн.р. (12). Основная часть кустарной продукции, прежде чем попасть на ярмарку проходила через руки многих скупщиков и нередко поступала в продажу и учитывалась вместе с фабричными

изделиями. Привозились же кустарные изделия главным образом из соседних с Нижегородской губерний, а из более отдаленных мест поступало сырье (железо, кожи, пр.).

В целом в Московской промышленной области в начале века насчитывалось свыше 2 тыс. ярмарок, из которых 1,7 тыс. - продолжались один день [13]. Вместе с тем краткосрочность торгова не обязательно служила признаком его незначительности или "некоммерческого" характера. Например, в с.Козлово Вышневолоцкого уезда действовали 4 однодневные ярмарки с оборотом до 45 тыс.р. каждая и с широким участием в них не только окрестных жителей, но и профессиональных торговцев, приезжавших издалека. В д.Слобода того же уезда в течение года собиралось 6 ярмарок до 2-х дней каждая и с оборотами более 40 тыс.р. [14].

Масштаб и назначение каждой ярмарки определялись в конечном итоге двумя факторами - близостью уездных центров и транспортными возможностями. Так, 5 ярмарок в г.Зубцово не отличались оживленностью несмотря на близость Волги и Московско-Рязанской железной дороги, поскольку были "парализованы" близостью Ржева, более развитого и крупного торгово-промышленного города [15]. Распространению стационарной торговли, сокращению ярмарочной даже в уездах с крупной фабрично-заводской промышленностью препятствовало плохое состояние грунтовых дорог. Именно так обстояло дело в Вышневолоцком уезде, особенностью торговой жизни которого было сосредоточение крупного товарооборота в постоянных лавках при железнодорожных станциях, от которых значительная часть населенных пунктов была удалена [16]. Близость железнодорожных станций к селам, напротив, превращала не только ярмарки, но даже базары в пункты периодического местного и даже межгубернского товарообмена.

В отличие от ярмарок, статистика базаров практически отсутствует и сведения о их оборотах редко учитывались при определении масштабов торговой деятельности того или иного района. В тоже время базары, действовавшие, как правило, еженедельно, достигали в своем развитии миллионных годовых оборотов, оставляя позади многие ярмарки даже оптового сбыта. Именно такими были специализированные крупные рынки торгово-промышленных сел, значение которых в скупке кустарных изделий было огромно. Ежегодные обороты их достигали миллионных сумм.

Типичным примером большого специализированного рынка могла служить торговля по субботам в с.Кимры Корчевского уезда Тверской губернии, куда в "бойкое время" - осенью и зимой, стекались от 5 до 8 тыс. крестьян из 14 волостей 3 уездов (Корчевского, Калязинского, Кашинского). Прибыв пешком или на подво-

дах для сбыта изделий, они с 3 до 9 утра ждали от местных "капиталистов", раздатчиков работы и скупщиков обуви, решения своей судьбы на будущую неделю. "...кроме Кимры или ее агентов, этот многотысячный рабочий народ не может сбыть своих изделий, - у него (за исключением, конечно, немногих местных деревенских разбогатевших мастеров и торговцев) доставляет своего для оборота только на одну неделю..." [17].

Полными хозяевами специализированных рынков являлись крупные скупщики. При монополизации ими сбыта кустарной продукции манипулировать ценами было несложно, и произвол "капиталистов", относительная независимость их действий от объективных факторов ценообразования откровенно проявлялись в понижении оплаты труда кустарей особенно накануне престольных праздников. В такое время угроза разорения или кабалы становилась особенно реальной для сельских промышленников, изделия которых преднамеренно не принимались скупщиками. Механизм улавливания в сети зависимости был настолько прост и универсален, что за долгое время своего существования сделался классическим. Мелким производителям, оставшимся с непроданной продукцией на руках и острой потребностью в денежных средствах для покупки сырья и возобновления своего производства, скупщики предлагали кредит под залог непроданных изделий. Это происходило во всех торгово-промышленных селах, где действовали специализированные базары.

Наряду с ними существовали базары со средними ежегодными операциями на 100 тыс.р. и более, а также совсем мелкие - 3-4 тыс.р. Также как и на ярмарках, неодинаково представленным на них оптовой специализированной и оптовой неспециализированной скупке, розничной и мелочной торговле соответствовали разные условия продажи изделий крестьянских промыслов.

Скупка кустарной продукции на местных базарах производилась как местным населением, включая торговцев, так и приезжавшими из уездных городов и ближайших торговых сел. В большинстве своем они не были самостоятельными предпринимателями, а служили посредниками между самостоятельными товаропроизводителями и крупными торговцами ближайших промышленных сел, расширявших таким образом сферу своего влияния на промысел [18].

Вообще же, следует заметить, что в напряженной жизни однодневных ярмарок и многочисленных базаров как в зеркале отражалось значение в экономическом развитии края мелкотоварного производства, который они обслуживали. Даже в Московской губернии, наиболее насыщенной пунктами стационарной торговли, в

1913 г. действовало 120 ярмарок, продолжавшихся от 1 до 3 дней и 112 еженедельных базаров [19]. Преобладание в местности тех или иных по масштабам и значению базаров, равно как и преобладание той или иной формы торговли зависело от уровня промышленного развития. Данные по Тверской губернии свидетельствовали, что в уездах с крупным производством и широкой отхожепромысловой деятельностью населения роль периодической торговли была менее значительной, чем в аграрно - и кустарно-промысловых.

Правительство неоднократно на протяжении последней четверти XIX в. признавало мелкую торговлю предметом своей заботы. По Положению 1865 г. ярмарочная торговля была поистине вольной и беспрепятственной. Однако ввиду успехов этого вида промысла, в обществе и бюрократических кругах возникло предположение, что казна несет существенные потери от принятого на себя покровительства значительному слою оптовых и розничных торговцев, специализировавшихся на ярмарочных операциях. Во внимание при этом не были приняты транспортные и другие материальные издержки, сопровождавшие эту деятельность в условиях российского бездорожья. Раздававшиеся все громче требования преодолеть льготность введением билетного сбора на право ярмарочной торговли для всех лиц кроме непосредственных сельских товаропроизводителей, были удовлетворены принятием в 1883 г. соответствующего закона.

Он освобождал от пошлины в пользу казны всех торговцев, участвовавших в ярмарках V разряда, которые продолжались не более 7 дней, а также деревенских обывателей, торговавших произведениями сельского хозяйства, кустарного производства, домашнего рукоделия и т.п. на ярмарках любой продолжительности. Все остальные лица обязаны были приобретать ярмарочные билеты в соответствии с характером операций: для оптовых вводились документы I гильдии по цене 25-100 р. в зависимости от класса местности, для розничных - 2 гильдии, стоимостью от 6 до 25 р., для мелочной торговли - 1,5 и 6 р. Закон 1883 г., предписывая ограничить срок действия взятого документа временем только той ярмарки, по случаю которой он был выдан, наносил удар не только по широкому слою профессионалов, обслуживавших исключительно ярмарочную торговлю, но также по "вольности" традиционной формы товарообмена. Он подрывал экономическую основу ранее действовавшей статьи №2814 Устава торгового, стимулировавшей передвижение по всей стране с товарами, обязывавшей местную администрацию согласовывать с этой целью сроки ярмарок таким образом, чтобы приезжавшие на них, с окончанием одной ярмарки, успевали на другую.

Негативное воздействие закона 1883 г. на ярмарочную торговлю, еще не изжившую себя, не вытесненную из хозяйственной жизни конкурентной формой, не замедлило отразиться прежде всего на самой податной системе. Фискальный интерес, которым руководствовались законодатели, распространяя пошлину на ярмарочную торговлю, привел к прямо противоположным результатам: если при внесении проекта в Государственный совет предполагалось получить в казну от этой меры 1219 тыс.р., то в 1885 г. поступило только 339 тыс.р., в 1895 - 310 тыс.р. [20]

Новый промысловый налог 1898 г. предусматривал в качестве одной из своих целей упорядочение сборов с промышленности и торговли, обслуживавших крестьянский потребительский рынок. Ставки основного налога на развозной торг повысились более чем на половину, что предпринималось с целью его ослабления. Министерство финансов объясняло свои действия в этом направлении тем, что, во-первых, развозной торг подрывал оседлую торговлю, сам при этом развиваясь очень медленно; во-вторых, необходимость в прежнем покровительстве развозному торгу исчезла с ростом железных дорог, облегчавших передвижение по стране; в-третьих, несовершенством фиска, неспособностью точного учета доходов в этой сфере предпринимательства. В то же время авторы Положения 1898 г. пересмотрели правовые нормы, регулировавшие ярмарочную торговлю, в сторону возвращения некоторых льгот, способных ее поддержать. Согласно статье 49 мелочной торг и приказный промысел признавались беспошлинными для всех предприятий, независимо от общих оборотов той ярмарки, участниками которой они являлись. Сборы в казну были также прекращены со всех торговых действий, осуществлявшихся на ярмарках IV разряда, которые продолжались 7-14 дней. Стремление сохранить ежегодные поступления от ярмарочной торговли хотя бы в прежнем размере (200 тыс.р.) отразилось в неизменности налога на оптовую и розничную торговлю на ярмарках. Правительство пыталось переориентировать интересы купечества с ярмарочной торговли на стационарную [21].

Последствия закона 1898 г. отразились в податной статистике. В 1899 -1908 гг. число лиц, участвовавших в ярмарочной и базарной торговле, сократилось соответственно на 25,6% и 34,3% , поскольку сельские обладатели капиталов большее предпочтение стали отдавать организации стационарных форм торговой деятельности [22].

Подводя итог приведенным фактам и наблюдениям, следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие общей тенденции - вытеснение периодических форм торговли постоянными, - ярмарки и

базары продолжали оставаться заметным явлением в социально-экономической жизни Центрально-промышленного района. Источником их активности служили объективные факторы, среди которых главным оставалось широкое развитие мелкотоварного производства, нуждавшегося в доступных рынках сбыта своей продукции. Налоговая политика правительства в сфере регулирования ярмарочной и базарной торговли мало учитывала эту причину, она мотивировалась больше бюрократическими соображениями, чем социально-экономическими реалиями. В результате сельские базары втягивались в орбиту влияния скупщиков кустарной продукции и ростовщиков, стремившихся монополизировать эту форму торговли и подчинить себе мелких товаропроизводителей. В начале XX в. специализированные рынки уже целиком находились в руках "капиталистов" - крупных торговцев изделиями крестьянских промыслов, обладавших миллионными состояниями.

1. Количественные показатели получены в результате обработки статистических данных источника: Торговля и промышленность Европейской России по районам. Спб., 1900. В.1. С. 48-60; В.2. С. 210-323; В.3. С.1-220. В данные источника включена информация только о стационарной торговле.
2. Бурышкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С.76.
3. Торговля и промышленность... В.3.С.7.
4. См.: Чевакинский А. Коммерческая география России. Сравнительное обозрение с главнейшими государствами мира. Спб., 1909. С.167.
5. См.: Там же. С.169-170.
6. Владимирский календарь и памятная книжка на 1904 г. Владимир, 1904. С. 41.
7. Там же. С.114-115.
8. Рассчитано по: ГАЯО. Ф.642, оп. 1, д. 24322, л. 1-40.
9. Рассчитано по: Там же. Л.38-40.
10. См.: Каделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. Спб., 1914. С. 51, 53, 54, 58.
11. См.: Там же. С. 6, 7, 16.
12. См.: 48 очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию губернской земской управы доклад по Кустарному отделу. 1912. Н.-Новгород, 1912. С.3.
13. См.: Чевакинский А. Коммерческая география... С.169-170.
14. См.: Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии. Тверь, 1910. В. IV. С.33,34.
15. См.: Там же. В.V. С. 8.
16. См.: Там же. В.IV.С.II.
17. Там же. В. VIII. С.13.
18. См: Там же. В. II. С. 10, 12, 19, 20; В. III. С.13.
19. Рассчитано по: Статистический ежегодник Московской губернии за 1913 г. Ч.1-2. М., 1914. С. 172-183.

20. См.: Записка об обложении ярмарочной торговли торговыми и другими сборами. Спб., 1882. С. 14-16, 49; Полное собрание законов Российской империи. III. Т. 3. № 1525. 26.04.1883; Положение о государственном промысловом налоге с изложением рассуждений, на коих оно основано. Спб., 1899. С.155.
21. См.: Положение о государственном ... С.72-73, 76, 99-100; Ст.6, п.31.
22. Рассчитано по: Статистические материалы к проекту об изменении Положения о государственном промысловом налоге. Спб., 1909. С. XV-XXII.

А. М. Новоторцева
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Законодательство об акционерных компаниях в отражении российской периодической печати в конце XIX – начале XX века

1898 год явился важным этапом в сфере реформирования деятельности торгово-промышленных предприятий в России. Проблема пересмотра действующих положений об акционерных компаниях наравне с разработкой нового промыслового налогообложения стала одной из главных тем, обсуждавшихся в российской периодической печати. Коренной вопрос акционерной реформы, вызвавший общественную дискуссию, касался перехода от «разрешительной» системы учредительства предприятий к «явочному» порядку, а также государственного контроля за их деятельностью. Особое значение в этом процессе приобрели печатные органы, отражавшие идеи представителей торгово-промышленного сектора, однако это не помешало публиковать в них материалы, характеризовавшие официальную позицию власти. В *«Вестнике финансов, промышленности и торговли»* был помещен доклад министру финансов председателя комиссии по пересмотру действующих положений о биржах и акционерных компаниях П.П. Цитовича. Данная публикация представляла собой редкий случай, когда мнения двух сторон (официальной и торгово-промышленной) имели соприкосновение в критике современного положения дел в области развития акционерного предпринимательства в России. Чтобы привлечь внимание к данной проблеме, П.П. Цитович по пунктно зачитал отрывки из речи министра финансов, которой тот напутствовал работу комиссии при открытии ее занятий в первом заседании 6 марта 1897 года.

В ней было указано, что акционерного законодательства в России, можно сказать, совсем не существовало, что акционерное дело держалось лишь на сепаратных законах или на тех уставах, которые существовали по предметам деятельности каждого общества в отдельности. В таком положении акционерное дело, в виду его развития в последнее время, оставаться дальше не могло, тем более что сами уставы, по крайней мере, те, которые были утверждены несколько лет назад, перестали иметь свое прежнее значение. Но несмотря на намеченную определенность направления работы комиссии избегать всяких крайностей и излишней строгости,

поставленные цели и задачи не были до конца решены. Причиной этого явилось содержание самого законопроекта. В специальном разделе своего доклада по поводу германского законодательства П.П. Цитович стремился показать или скорее оправдать, почему из 20 иностранных кодексов предложенный проект наиболее следовал указаниям (положительного и отрицательного свойств) германского кодекса. Германский закон 1884 года был в значительной мере проникнут различными предупредительными мерами против акционерных злоупотреблений, имевших место в Германии. Кроме того, в его системе существовал особый (устрашительный) отдел под названием «карательные постановления» (Strafbestimmungen), направленный на борьбу с особыми акционерными преступлениями. В России, по мнению Цитовича, подобных злоупотреблений установлено не было, и потому рациональность следования германскому опыту даже в чисто профилактических целях не могла вызвать одобрения у представителей торгово-промышленных кругов, давно стремившихся к приобретению большей свободы своих действий.

Вопрос о преимуществах явочной системы перед господствовавшей разрешительной был предметом продолжительных прений и всесторонних разъяснений на прошедших трех заседаниях комиссии. В пользу одной и другой системы были исчерпаны все доводы и соображения; общий результат, принятый единогласно, склонился в пользу явочной системы, но с оговоркой. Для определенной группы предприятий, которые находились на пути перехода в государственные (например, железнодорожные и страховые) или по свойству своих операций вызывали необходимость государственного влияния и вмешательства (например, банки), требовалось разрешение правительства[1]. Таким образом, противоречивость и неоднозначность данного проекта заставили правительство и общественность вернуться к обсуждению этого вопроса уже спустя несколько лет. В 1911 году в еженедельном финансово-экономическом и биржевом журнале «*Биржа*» была напечатана заметка анонимного автора. Ее появление было вызвано тем, что в скором времени должна была начаться работа особого совещания по пересмотру действовавшего законодательства об акционерных компаниях и паевых товариществах. Пользуясь случаем, автор заметки решил еще раз напомнить правительству о тех проблемах и задачах, решения которых в действительности ждали от государства представители торговли и промышленности. В резкой эмоциональной форме им было заявлено, что едва ли требовалось доказывать насущную необходимость преобразования российского акционерного законодательства, тормозившего развитие крупного и среднего торгово-промышленного предпринимательства в ущерб всему экономиче-

скому развитию. До сих пор его реформирование ограничивалось лишь частичными поправками, не затрагивавшими сути дела, а сам закон продолжал базироваться на его первоначальном варианте, изданном еще в 30-х гг. XIX века.

При действовавшей законодательной системе утверждение акционерного предприятия связывалось у промышленников и торговцев со значительными затруднениями. Всего печальнее для них было то, что эти затруднения приходилось испытывать без всякой пользы для государственных интересов, обеспечение которых якобы требовало разрешительного метода учредительства. В действительности, в продолжавшей существовать разрешительной системе давно и окончательно выветрилась сама цель ее установления в отношении того, что правительство могло, а следовательно и должно было управлять самым ходом развития торгово-промышленного предпринимательства. Но весьма скоро обнаружилась вся тщетность идеи запрячь капитал в государственные оглобли и управлять им канцелярскими вожжами. Поэтому уже несколько десятилетий так называемая разрешительная система оказывалась по сути лишь допотопным видом «явки», «регистрации» акционерных предприятий, поскольку при выдаче разрешений компаниям никакими другими соображениями кроме проверки правильности составления устава она не руководствовалась. При таких условиях нельзя было говорить о переходе в России от разрешительной системы к явочной. Правительство было озабочено исключительно «законосообразностью» деятельности предпринимателей и акционерных предприятий, а отнюдь не «целесообразностью»[2]. Такая точка зрения была поддержана Советами съездов представителей торговли и промышленности и петербургского общества фабрикантов и заводчиков в 1912 году. Обсудив законопроект Министерства торговли и промышленности о реформе акционерного законодательства, они нашли его не отвечающим своим интересам и, следовательно, не достигшим своей цели. Более того, ряд ограничений, касавшихся прав инородцев-учредителей, а также сложная система регистрации заставляли отдавать предпочтение существующему порядку перед проектируемым. В этой связи, Советы торгово-промышленных организаций постановили обратиться к министру торговли и промышленности с ходатайством о том, чтобы выработанный законопроект не был внесен на обсуждение в IV Государственную Думу[3]. Однако в российской периодической печати было представлено и другое мнение относительно медленных темпов преобразовательной деятельности в области улучшения и развития акционерного дела в стране. В 1914 году в еженедельном торгово-промышленном издании, независимом беспартийный прогрессивном органе «Русская

промышленность» сообщалось, что обращению в законы дважды выработанным проектам об акционерных компаниях (в 1867 и 1872 гг.) неизменно препятствовала какая-то невидимая сила. Под ней подразумевалась выгодность несовершенства закона для акционерных прожектеров: ссылаясь на его несовершенство, акционерные предприятия завоевывали себе право вовсе не считаться с существовавшими законоположениями[4].

Это же периодическое издание использовало и своеобразный способ обсуждения административной практики по акционерным делам. В 1913-1914 гг. в нем публиковались материалы, перепечатанные из «*Journal de renseignements financiers*». В статье «*Les sociétés étrangères en Russie*» была поставлена проблема, напрямую касавшаяся деятельности иностранных предприятий в России. Ее автора интересовал вопрос, необходимо ли было при простом преобразовании из допущенного в России иностранного общества в русское совершение особых передаточных актов для того, чтобы принадлежащее обществу имущество продолжало ему принадлежать и после этого преобразования. Иначе говоря, необходимо ли было заключение каких-либо актов укрепления. Ответ был отрицательным. В подтверждение данной точки зрения автором было представлено подробное юридическое обоснование, в котором содержался скрытый намек на несовершенство российской административной практики в области законодательного регулирования акционерного дела в России. Используя специальную (профессиональную) лексику, в нем отмечалось, что никаких передаточных актов для перехода имущества правопредшественника к его универсальному правопреемнику не требовалось. Кроме того, подобные передаточные акты следовало рассматривать как юридически немислимые, поскольку универсальный правопреемник поглощал в себе всю имущественную личность своего правопредшественника и потому не мог совершать с ним никаких актов, как не мог совершать акта с самим собой. Подобному юридическому опыту вполне конкретно противопоставлялась зарубежная административная практика, в которой считалось возможным рассматривать преобразованное в чисто административном смысле общество как новый субъект прав. Но и такой взгляд на проблему не был, по мнению автора, лишен своего рода абсурда[5].

Другим вопросом, обсуждавшимся российскими печатными органами в канун I Мировой войны, был выпуск безымянных акций. В том же журнале за 1914 год была напечатана рецензия на публикацию в газете «Новое время», посвященную выпуску новых акций «Русского Общества артиллерийских заводов» и новому выпуску «Путиловских заводов». В ней отмечалось, что данные мероприятия

едва ли могли быть желательными для денежного оборота страны, но не для самих акционерных обществ. Их представители были заинтересованы в выпуске именно безымянных акций, потому что они легче переходили из рук в руки, легче поддавались влиянию биржевых спекуляций, поскольку искусственными мерами всегда можно было оказывать влияние на повышение и понижение их курса. Биржевой курс акций придавал им значение денег и давал им возможность конкурировать с бумажными деньгами правительства. Подобное явление, видоизменявшее первоначальный смысл акций, признавалось существовавшими законодательствами вредным и вызывало необходимость проведения различных мероприятий по предотвращению приобретения акциями денежных свойств. Российские законы также рассматривали выпуск безымянных акций нежелательным, но на практике все законы, регулировавшие деятельность акционерных предприятий, признавались необязательными для этих предприятий. В частности, в правилах о компаниях на акциях было трудно найти статью, которая бы не отменялась различными уставами частных компаний. И это рассматривалось главной причиной, вызывавшей необходимость усовершенствовать устаревшее законодательные нормы в России[6].

Существенное влияние на развитие акционерного дела в Империи оказала I Мировая война. Статистические данные, свидетельствовавшие об изменениях в этом процессе в новых политических и экономических условиях, приводились в журнале *«Биржа и русская промышленность»* в рамках последних новостей торговли, финансов и политики за 1915 год. По сведениям министерства торговли и промышленности в течение первого года военных действий в России наблюдалось некоторое ослабление акционерной предпринимательской деятельности в торгово-промышленной области, которое наступило после целого ряда лет поступательного развития акционерного дела. Так, с 1 августа 1914 года по 1 августа 1915 года было учреждено приблизительно 275 новых акционерных обществ с вкладочным капиталом на сумму примерно 350 млн. рублей. Между тем с 1 августа 1913 года по 1 августа 1914 года было разрешено учредить 325 компаний с общим облигационным капиталом в 450 млн. рублей. Относительно иностранных предприятий, которым разрешено было производить свои операции в России, то в течение первого года военных действий их число составляло всего 9 [7]. Причина этого была отражена в публикации бесплатного приложения следующего номера этого журнала, посвященной проблеме ликвидации дел немецких обществ в Империи. Ее появление было вызвано тем, что некоторыми Казенными Палатами, а также торгово-промышленными организациями был поставлен ряд вопросов

перед министерством финансов о порядке применения утвержденного 10 мая 1915 года Положения Совета Министров о ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным. В этой связи, по соглашению с министерствами торговли и промышленности и юстиции для сведения и руководства казенным палатам был предоставлен особый циркуляр министерства финансов, в котором по пунктно излагались их основные права и обязанности. В перечень главных полномочий казенных палат входила тщательная проверка списков предприятий, подлежащих ликвидации, а также ходатайств представителей компаний, попавших в них по ошибке[8]. На этом моменте можно остановиться и подвести следующий итог.

В конце XIX – начале XX вв. актуальность реформирования законодательных норм об акционерных компаниях была увидена всеми, – и правительством, и предпринимателями, но по-разному. Официальная власть исходила, главным образом, из объективных причин преобразовательной деятельности, связанных с положением социально-экономического развития России. Ей необходимо было модернизировать общественный и хозяйственный уклад для того, чтобы повысить внутренний и внешнеполитический престиж государства. Подходящим средством в новых условиях был выбран контроль за деятельностью компаний. Напротив, представители торгово-промышленного сектора стремились к приобретению большей свободы своих действий и в законодательном плане преимущественно ориентировались на своих иностранных коллег. Отсюда возникали противоречия, мешавшие продуктивному сотрудничеству двух сторон в выработке нового законопроекта об акционерных компаниях и паевых товариществах.

Главным камнем преткновения стала замена разрешительной системы учредительства акционерных предприятий явочной. Официально о ней было заявлено во всех периодических изданиях независимо от их общественно-политической направленности. Важно отметить, что в печатных органах, выражавших идеи торгово-промышленных кругов, освещение данного вопроса осуществлялось не только в форме критики почти всех правительственных мер по улучшению и развитию акционерного предпринимательства в России, но и в отражении позиции государственной власти[9]. В целом, можно выделить три мнения на этот счет: 1) существовавшая разрешительная система учредительства акционерных компаний осталась прежней, практически не изменившейся с 1838 года; 2) существовавшая разрешительная система учредительства акционерных компаний заменялась явочной, но с оговоркой. 3) существовавшая разрешительная система учредительства акционерных

компаний трансформировалась в явочно-разрешительную систему.[10] В 1913-1914 гг. тематика публикаций о развитии акционерного дела в России несколько изменилась. Причиной этого явилась I Мировая война. Несмотря на ослабление деятельности акционерных предприятий, на сокращение их числа и капиталов, актуальность данного вопроса не уменьшилась, а лишь видоизменилась. Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. российская периодическая печать играла важную роль в процессе обсуждения и разработки законодательных основ организации и регулирования промышленной деятельности в России.

1. См.: К проекту положения об акционерных предприятиях. Доклад Министру Финансов председателя комиссии по пересмотру действующих положений о биржах и акционерных компаниях П.П. Цитовича// Вестник финансов, промышленности и торговли. 1898. №24. С. 663-668.
2. См.: Реформа акционерного законодательства// Биржа. 1911. №4. С. 3-4.
3. См.: Советы съездов постановили...// Торгово-промышленный юг. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли юга России. Одесса. 1912. №15. 15 июля. С. 63.
4. См.: Акционерное законодательство// Русская промышленность. 1914. №4-5. 13 февраля. С. 12-13.
5. См.: Акционерное дело. Les sociétés étrangères en Russie// Русская промышленность. 1913. №1 (9 ноября). С.11-12; а также. Промысловый налог и акционерное дело. Обложение дополнительным промысловым налогом пивоваренных заводов// Русская промышленность (бесплатное приложение). 1914. №6-7. 15 (28) марта. С. 17-19.
6. См.: Акционерное законодательство// Русская промышленность. 1914. №4-5. 13 (26) февраля. С. 12-13.
7. См.: Ослабление акционерной деятельности// Биржа и русская промышленность. 1915. №33-34 (16 сентября). С.11.
8. См.: Промысловый налог и акционерное дело. Ликвидация немецких обществ// Биржа и русская промышленность (бесплатное приложение). 1915. №35 (1 октября) С. 15-17.
9. Кроме Доклада в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» см.: К изменению законодательства об акционерных компаниях// Биржа. 1911. №15. 11 декабря (воскресение). С. 10-11. Данная публикация носила чисто информативный характер и сообщала об открытии заседания особого совещания при Министерстве торговли и промышленности и о запланированной ею работе.
10. См.: В настоящее время...// Торгово-промышленный юг. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли юга России. Одесса. 1912. №20. (1 октября). С. 58.

Смирнов Р. А.
*Ярославский государственный
педагогический университет*

К вопросу о социальной идентификации в Ярославской губернии: новое дворянство в конце XIX – начале XX в.

Высшее сословие в России подразделялось на две большие категории: древние роды и служилое (новое) дворянство. К первым относились лица, чьи фамилии существовали за сто лет до издания Жалованной Грамоты 1785 г. Служилое дворянство приобреталось на государственной службе путем получения соответствующего чина или ордена[1]. В конце XIX в. количество родов нового дворянства превышало число родов благородного дворянства[2].

В изучаемый период служилое дворянство в значительной степени определяло социальный облик высшего сословия. Однако до сих пор в историографии оно не становилось объектом всестороннего специального исследования, хотя актуальность изучения нового дворянства назрела давно[3]. Слабая изученность темы во многом объяснялась наличием недостаточной источниковой базы.

Сведения для социокультурной характеристики служилого дворянства была извлечены из журналов заседаний дворянского депутатского собрания. Необходимо отметить, что в историографии журналы заседаний депутатского собрания привлекались фрагментарно и не рассматривались как массовый источник. Они содержали копии документов, предоставлявшихся в депутатское собрание при внесении рода в губернскую родословную книгу. Среди этих документов были метрические свидетельства, формулярные списки, купчая крепость на землю, документы о награждении орденом или чином, необходимым для получения потомственного дворянства. Данный источник находится в фонде 213 Государственного архива Ярославской области. Все имеющиеся в наличии журналы за период конца XIX – начала XX в. были введены в научный оборот и подвергнуты сплошной выборке[4].

На первом этапе данного исследования была составлена социокультурная характеристика нового дворянства, пополнявшего ярославское дворянское общество в конце XIX – начале XX в. На втором этапе полученные данные были сопоставлены с представлениями древнего поместного дворянства о высшем сословии. В результате были сделаны наблюдения о процессе преобразования традиционного сословного общества в индустриальное.

Было установлено, что пополнение ярославского дворянского общества служилым дворянством происходило неравномерно: достаточно интенсивно в 90 гг. XIX в. (47 родов) и значительно меньше в последующие годы. Разграничительной линией здесь выступил закон от 28 мая 1900 г., повлиявший на количественный и качественный состав нового дворянства.

До 1900 г. потомственное дворянство получали лица, имевшие чин полковника или действительного статского советника, либо награжденные орденом св. Владимира IV степени. По указу от 28 мая 1900 г. для приобретения потомственного дворянства необходимо было получить чин действительного статского советника или полковника во время службы, а не при выходе в отставку. Присвоение потомственного дворянства по ордену св. Владимира IV степени было отменено. Для получения же ордена св. Владимира III степени, дававшего теперь право на потомственное дворянство, необходимо было находиться в чине полковника или действительного статского советника и занимать должность не ниже 5 класса, которые и так приносили потомственное дворянство[5]. Тем самым, приобретение потомственного дворянства по ордену фактически упразднялось. Согласно этому же указу собрание предводителей и депутатов дворянства получило право отказывать в ходатайствах дворянам, не владевших недвижимой собственностью в губернии, во внесение их родов в родословную книгу.

Законодательные изменения отчетливо проявились на местном уровне. Губернское дворянское общество стали пополнять лица более высоких чинов. До 1900 г. ярославское дворянское общество прибывало прежде всего за счет лиц, получивших орден св. Владимира (89%), а после 1900 г. все новые дворяне приобрели дворянское достоинство по чину.

Упразднение потомственного дворянства по ордену св. Владимира IV степени отразилось и на социальном происхождении нового дворянства. Если в 90 гг. XIX в. половина лиц, получивших дворянство, происходила из духовенства, то после 1900 г. эта тенденция нарушилась.

Соискатели, пополнявшие дворянское общество в 90 гг. XIX в., не обладали земельными владениями. Исключение составил А. П. Крылов, который имел как приобретенные земли, так и родовые имения жены. Несмотря на ужесточение законодательных требований, служилые дворяне, как правило, не становились землевладельцами. Для того чтобы выполнить новую норму закона они покупали либо незначительное количество земли (2 – 4 десятины), фактически оставаясь беспоместными, либо пользовались цензом жены.

Большинство лиц, приобретших дворянство, находилось в возрасте от 50 до 70 лет (77%) и состояло в браке (83%). Все новые дворяне получили высшее или среднее образование. Подавляющая их часть были православного вероисповедания, однако доступ в губернское дворянское общество не был закрыт и для представителей католической и лютеранской конфессий. Вероисповедание и фамилии этих дворян (Виллерт, Линденбаум, Юргенсон, Смоленский) свидетельствовали о их немецком и польском происхождении.

Новое дворянство не играло активной роли в жизни дворянской корпоративной организации. Это происходило по двум причинам. Во-первых, предводители и депутаты дворянства традиционно принадлежали к древнему родовитому дворянству. Изучение ярославской губернской родословной книги показало, что только пятая часть уездных предводителей и треть депутатов дворянства, занимавших эти должности в период с 1890 по 1917 гг., были представителями служилого дворянства. Во-вторых, большинство новых дворян не имело необходимого имущественного ценза для участия в дворянском собрании. Несколько больший интерес служилое дворянство проявляло к земской деятельности. Так, с 1884 по 1899 гг. среди ярославских губернских земских гласных дворянского происхождения 28% принадлежали к новому дворянству[6].

Интересные наблюдения о новом дворянстве были сделаны при анализе браков. По генеалогическим сборникам И. Н. Ельчанинова были выявлены все межсословные браки дворян, заключенные во второй половине XIX - начале XX в.[7] Было установлено, что из 36 дворян, вступивших в 37 подобных браков, 25 (69%) человек относились к новому дворянству, 9 (25%) - к древнему, разрядная принадлежность еще 2 (6%) дворян не была установлена. Это свидетельствовало как о сохранении служилым дворянством связей с прежней стратой, так и о недостаточной его интеграции в среду высшего сословия.

По своим социокультурным характеристикам новое дворянство не соответствовало представлениям древнего поместного дворянства о высшем сословии. Это стало очевидным после изучения записок могогского и пошехонского уездных предводителей дворянства П. М. Азанчеевского-Азанчеева и А. М. Черносивтова, посвященных дворянскому вопросу. Записка Азанчеевского-Азанчеева была составлена в 1898 г., а Черносивтова в 1906 г. По их мнению, в полной мере к высшему сословию принадлежало только поместное великорусское и малорусское древнее дворянство. Оценивая разницу между служилым и древним дворянством П. М. Азанчеевский-Азанчеев отмечал следующее: «сонмы новых дворян,

ежегодно приобретающих это звание благодаря Табели о рангах и ордену св. Владимира IV степени, при всех своих умственных и душевных качествах – в бытовом отношении все-таки не перестают быть особым классом, мало имеющим общего с поместным дворянством»[8].

Таким образом, составляя определенную противоположность древнему поместному дворянству, служилое дворянство само было неоднородным по своему социальному составу. Пополнение губернского общества новым дворянством происходило неравномерно и, во многом, определялось законодательными изменениями. Значительная часть служилого дворянства не соблюдала традиционные патриархальные нормы и традиции высшего сословия. В конечном итоге это отражало процесс трансформации традиционного сословного общества в индустриальное.

1 См.: Свод Законов Российской Империи. СПб., 1899. Т. IX, ст., 20, 35, 969.

2 См.: Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861 – 1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 50.

3 См.: Diestelmeier F. Der russische Adel im 19. Jahrhundert. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1978, Band 26. S. 376 - 400. [Дистельмайер Ф. Русское дворянство в 19 веке.]

4 ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 582, 596, 603, 607, 617, 619, 622, 623, 632, 636, 641, 673, 699, 704, 708, 714, 719.

5 См.: Блосфельдт Г. Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 225 - 226, 381.

6 ГАЯО, ф. 213, оп.1, д. 4209 – 4214; ф. 485, оп. 1, д. 641, л. 106 – 106 (об.).

7 См.: Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1910 – 1916, т. 1 – 9.

8 ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 10 – 21; д. 1003, л. 18 – 30.

Реализация законов о нищенстве в Российской Империи в конце XIX – начале XX века

Бедность огромных слоев населения, соседство роскоши и нищеты являлись характерными чертами русского общества на рубеже XIX – XX веков. Накануне XX века статистика зафиксировала среди низов общества около двух миллионов человек не способных к полноценному труду. Однако нищих среди них было немногим больше 300 тысяч душ [1]. В социологической литературе начала XX века и современности выделяются понятия «нуждающиеся» и «нищие». Так, И.А. Голосенко утверждает, что «...не все подлинно нуждающиеся и беднейшие обязательно становились нищими, и не все нищие были действительно нуждающимися» [2]. Необходимо различать два понятия нищенства - как состояние и как действие. С позиции социологии под нищенством понималось такое положение, когда человек, лишившись возможности собственными силами и средствами содержать себя, впал в крайнюю бедность и вынужден обращаться к общественной благотворительности. Юридическая наука имеет дело с нищенством как действием, при чем промысловое нищенство квалифицировалось как преступление.

В Российском государстве политика в отношении нищенства шла параллельно по двум направлениям: 1) прізрение неимущих; 2) наказание профессиональных нищих. В России существовало законодательство о нищенстве, основные положения которого к XX в. заключались в следующем. Все законы о борьбе с нищенством были сосредоточены в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, согласно которому строго запрещалось нищенствовать в городах, посадах, селениях, больших городах и торговых дорогах (ст. 159) [3]. Законодательством устанавливалось применение разных мер воздействия к лицам, занимавшимся нищенством в зависимости от причин, побудивших их обратиться к прошению подаяния. Престарелые, калеки должны были содержаться родственниками, в случае отсутствия близких людей устраиваться в богоугодные заведения, содержащиеся на средства городских или сельских обществ. Общества обязаны были нищенствующих, способных к труду, определять на разные работы и оказывать помощь впавшим в нищенство в силу несчастных обстоятельств (ст. 162) [4]. Аналогичные меры к нищенствующим в силу крайней бедности, не принадлежавших ни к каким обществам, должна была пред-

принимать полиция, отдавая их на попечение местных органов общественного призрения (ст. 165) [5]. Таким образом, законодательство устанавливало сословное призрение, поэтому уличенные в прошении милостыни забирались полицией и препровождались по месту приписки. Те, кто занимался нищенством вследствие порочных личных качеств, привлекались к ответственности (ст.163) [6].

Законодательство различало простое и квалифицированное нищенство. Дела о простом нищенстве подлежали рассмотрению мировых судей на основе «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», определявшего следующие репрессивные меры за прошение милостыни: 1) по лени и привычке к праздности виновные подвергались тюремному заключению от двух недель до трех месяцев (ст. 49); 2) нищие, уличенные в грубом поведении подвергались заключению от одного до трех месяцев [7]. За допущение к прошению милостыни детей, виновные в этом родители или опекуны подвергались тюремному заключению более 15 дней или денежному взысканию до 50 рублей. При постоянном привлечении детей к тому занятию срок тюремного заключения увеличивался от одного до трех месяцев (ст. 51) [8]. Вызывают критику два существенных недостатка в законодательстве: во-первых, оно не давало четкого определения профессионального нищенства; во-вторых, краткосрочное тюремное заключение не могло устрашать нищих по ремеслу, а по отношению к нищим, просившим милостыню в силу обстоятельств, было несправедливо. Квалифицированное нищенство предусматривало наличие у просящего подаяние оружия или поддельных ключей, отмычек и других подобных орудий. Как более тяжкое преступление оно рассматривалось в окружных судах и каралось значительно суровей, чем простое нищенство. Осужденных лишали личных и имущественных прав. Они отбывали наказание в тюрьмах от 4 до 8 месяцев или отправлялись в ссылку (ст. 984 Уложения о наказаниях) [9].

Проблеме нищенства были посвящены некоторые статьи «Положения о видах на жительство», утвержденного 3 июня 1894 года. Закон ограничивал гражданские права лиц, высланных за нищенство в место приписки. Им запрещалось выдавать виды на жительство в течение двух лет после высылки [10]. Вид на жительство служил удостоверением личности и давал право отлучаться из места постоянного жительства. По Положению паспорта не могли получать калеки, не имеющие средств к жизни и нетрудоспособные лица [11]. Паспортные книжки могли отбираться полицией у мещан, ремесленников, сельских обывателей в случае оставления ими без всякого призрения членов семьи, нуждающихся в средствах к жизни и не могущих зарабатывать их своим трудом. Для этого нужен был приговор обществ, утвержденный местной властью [12]. Власти стремились не допускать

широкого распространения нищенства в Москве и Санкт-Петербурге. Существовали специальные законы, запрещавшие заниматься нищенством в столицах [13].

Обязанность борьбы с нищенством в губерниях была возложена на губернатора и губернское правление. Они требовали от полиции пресекать нищенство, применяя при этом дифференцированный подход к просящим подаяние [14]. Законодательство обязывало все сословия не допускать людей до нищенства и в необходимых случаях оказывать им призрение и общественную помощь. Борьба с нищенством в основном велась репрессивными мерами. В стране действовала система ареста нищих, этапирования их на место жительства согласно приписке и привлечения к ответственности. В провинции лица, забираемые полицией за прошение милостыни, должны были препровождаться в губернские попечительные о тюрьмах комитеты или их уездные отделения. Эти учреждения обязаны были решать, какие меры воздействия следует применить к нищенствовавшим. Комитеты действовали согласно Уставу «Общества попечительного о тюрьмах», определявшего цель общества как «улучшение нравственного и физического состояния арестантов и мест заключения» [16]. Действие общества распространялось на все тюремные, рабочие и смиренные дома, полицейские места заключения, исправительные арестантские роты гражданского ведомства. Но комитетам отпускались гарантированные средства из казны и городских доходов только на содержание тюрем и арестантов, поэтому они не решали задачу воспитания и призрения нищих. Исследователи, занимавшиеся проблемами нищенства на рубеже XIX – XX веков, констатировали бездействие губернских попечительных о тюрьмах комитетов в отношении нищих [17].

В провинциальных губерниях борьбу с нищенством вела полиция. Она сводилась к задержанию и аресту нищих. Лица, уличенные в нищенстве впервые и сумевшие подтвердить свою личность с помощью соответствующих документов отпускались, но с них бралась расписка, содержащая предупреждение об ответственности при повторном задержании за прошение милостыни. Лица, не имевших документов, а также повторно задержанных, отправляли этапным порядком на родину (в место приписки) или привлекали к ответственности. Практика показывала, что низшие полицейские чиновники формально относились к обязанности по пресечению нищенства. Есть основания утверждать, что полиция понимала неэффективность применения только репрессивного законодательства по отношению к нищим. Профессиональные нищие давали взятки урядникам, городовым, маскировали свои действия под официально разрешенные сборы на церковь, «на погорелое», используя подложные документы. Возможно, полицейские не были свободны от влияния общест-

венного мнения о том, что прошение подаяния не является преступлением [18].

Существует неполная полицейская статистика нищенства. Например, имеются сведения о количестве нищих, задержанных в г. Рыбинске Ярославской губернии.

Таблица: Показатели количества лиц, задержанных полицией за нищенство и меры воздействия, примененные к ним в г. Рыбинске в 1894 - 1911 гг. *.

Год	Части города	Задержано за нищенство, чел.	Привлечено к ответственности		Предупреждены об ответственности		Высланы в место приписки, отправлены к родителям или опекунам		Неизвестно	
			абс.	%	Абс.	%	абс.	%	абс.	%
1894	I, II	306	78	25,5	104	34	124	40,5	-	-
1895	I, II	265	38	14,3	147	55,5	80	30,2	-	-
1897	I	36	4	11,1	14	38,9	18	50	-	-
1899	I, II	76	23	30,3	-	-	53	69,7	-	-
1900	I	37	22	59,5	-	-	15	40,5	-	-
1903	I, II	104	5	4,8	-	-	99	95,2	-	-
1904	I, II	150	5	3,3	44	29,3	97	64,6	4	2,8
1905	I	30	10	33,3	-	-	20	66,7	-	-
1907	I	30	12	40	-	-	18	60	-	-
1911	I	320	15	4,7	-	-	305	95,3	-	-

*Таблица составлена и рассчитана по: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6855. Л. 49 об; Д. 6899. Л. 53; Д. 7042. Л. 50; Филиал ГАЯО в г. Рыбинске. Ф. 8 Оп. 1. Д. 793. Л. 183 об; Д. 625. Л. 167 об; Д. 896. Л. 151 об, 207; Д. 943 Л. 41 об; Д. 959. Л. 35; Д. 1046. Л. 50 об.

Статистические сведения таблицы позволяют сделать вывод, что в среднем к ответственности привлекались только 22,7% задержанных нищих, большинство – 61,3% выслались как не приписанные к г. Рыбинску, малолетние отправлялись к родителям или опекунам. Такая мера воздействия как предупреждение об ответственности применялась не часто (15,8% задержанных). Вероятно, это свидетельствовало о том, что в основном задерживались профессиональные нищие, уже известные полиции. В Рыбинск стекалась беднота из своего и соседних уездов, а так же из других губерний в расчете на летний заработок. На зиму оставались те из них, которые отличались склонностью к туеядству. Они существовали исключительно подаянием и, несмотря на неоднократные высылки этапом, снова возвращались и продолжали заниматься нищенством, их не останавливало даже судебное преследование[19]. Аналогичная ситуация с нищенством имела место в г. Ярославле, где с декабря 1907 года по ноябрь 1908 года (за август сведений нет) было задержано за нищенство 1601 человек, из них: отправлено в места приписки 1225 человек (76 %), освобождены от ответственности как местные жители 303 человека (19%) и привлечены к ответственности 73 человека (5%) [20]. По отношению к населению города (109111 человек в 1908 году [21]) нищие составляли 1,6%. Необходимо иметь в виду, что приведенные статистические сведения отражали общее количество задержанных нищих без учета персоналий. Один и тот же нищий мог арестовываться несколько раз в течение года, поэтому определить точное количество лиц, задержанных за нищенство, невозможно. Очевидно, к ответственности привлекали попрошаек, за исключением слепых и калек, которые сделали из нищенства ремесло. Статистические сведения еще раз убеждают насколько г. Ярославль был привлекателен для нищих, как крупный промышленный город. Трудоспособные профессиональные нищие, не страдавшие умственными и физическими недостатками, привлекались к суду, после отбытия наказания лица, не приписанные к г. Ярославлю, выслались этапом на родину и, как свидетельствовал полицмейстер, на другой день возвращались снова и вновь нищенствовали[22]. Такую порочную практику следует объяснять двумя главными причинами: во-первых, сословные общества слабо выполняли обязанности по призрению бедных, дряхлых, увечных, малолетних сирот из-за отсутствия необходимых средств, более того сельские общества старались избавиться не только от престарелых, но и здоровых бедняков; во-вторых, сбор подаяния приносил значительно больший доход нуждавшимся, чем помощь от соответствующих учреждений или трудовой заработок. Таким образом, в результате попустительства

представителей власти нищенству и выгодности промысла, меры, предпринимаемые полицией по пресечению нищенства, оказывались бесполезными. Самой строгой мерой ответственности за нищенство являлось привлечение к уголовной ответственности.

Единственным источником о наказуемом нищенстве в России являлся «Свод статистических сведений по делам уголовным», составившийся в министерстве юстиции, согласно которому в 1897 году в России было осуждено за прошение милостыни 1.132 человека, из них в Ярославской губернии – 61 человек [23]. В этом же году при первой всероссийской переписи населения было выявлено 401.365 нищих в Российской Империи, из них 5.476 – в Ярославской губернии (в этот показатель вошло число лиц, получавших от нищенства средства к существованию как от основного занятия, а также как от побочного промысла) [24]. Как видно, лишь незначительное число нищих привлекались к уголовной ответственности. Краткосрочное тюремное заключение, являвшееся единственной мерой репрессии за прошение милостыни, имело низкую эффективность практического применения, в чем убеждает высокий процент увеличивавшегося с годами рецидива. Так, в 1885 году рецидив составлял 16 %, в 1892 г. – 22,5%, в 1900 г. – 27,7%, в 1911 г. – 33,8%, в 1912 г. – 34,3%, в 1913 г. – 36,8% [25]. Пребывание в тюрьме без привлечения к обязательным работам не представляло для нищего тяжелого наказания. Иногда тюрьма имела для него значение приюта или временного убежища. Отбывшие тюремное заключение вновь возвращались к прежнему способу существования. Сознание бесполезности тюремного заключения как борьбы с нищенством служило одной из главных причин его редкого применения.

Итак, власть оказалась не в состоянии пресечь нищенство в России. Законодательство в отношении нищенства не соответствовало потребностям времени, оно предусматривало преимущественно репрессивные меры борьбы с этим явлением, однако они оказались неэффективными. Важное обстоятельство, препятствовавшее борьбе с профессиональным нищенством, коренилось в мировоззрении русского человека. Он не считал предосудительным попросить помощь. Прошение пособия Христовым именем не считалось позорным. Неразборчивая подача милостыни, традиционно характерная для русского общества, стимулировала нищенство. Главной причиной нищенства являлась бедность значительной части населения страны. Социальные проблемы необходимо было решать не репрессивными мерами, а путем реформ.

1. Голосенко И.А. Нищета и нищенство // Российская провинция. 1995. № 2. С 71.
2. Там же.
3. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод законов Российской Империи. СПб., 1913. Т.14. С.111.
4. Там же.
5. Там же. С.112.
6. Там же.
7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Свод законов Российской Империи. СПб., 1913. Т.15. С. 211.
8. Там же.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Свод законов Российской Империи. СПб., 1913. Т.15. С. 99.
10. См.: ПСЗ – 111. Т. 14. № 10709. Ст. 20.
11. См.: ПСЗ – 111. Т. 14. № 10709. Ст. 42.
12. Там же. Ст. 54.
13. См.: ПСЗ – 1. Т. 14. № 2470. Ст. 42; Т. 5. № 3203. п. 10; Т. 6. № 4097. п. 31; Т. 9. № 6532; Т. 10. № 7621; Т. 11. № 8407; Т. 15. № 10824, 11389; ПСЗ - 11. Т. 10. № 7859; Т. 12. № 10425, 10811; Т. 14. № 12757.
14. См.: ПСЗ - 11. Т. 20. Отд. 1. № 18580. Ст. 3. п.4. Т. 12. № 1303. § 59, 10306 § 15, 138.
15. См.: ПСЗ - 11. Т. 27. Отд. 1. № 26503.
16. Там же. Л. 21.
17. Лихачев А. Наказание и помощь нищим // Трудовая помощь. 1899. № 1. С.10.
- Опыт организации разбора нищих в провинции // Вестник благотворительности. 1899. № 4. С. 54 – 62.
- Максимов Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ними. СПб., 1901. С. 128.
18. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1113. Л. 16 – 29 об.
19. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6855. Л. 49 об. Д. 6899. Л. 53.
20. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7312. Л. 2, 18, 26, 38, 56, 58, 67, 91, 161, 180, 206.
21. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 24208. Л. 57.
22. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. Л. 30 об., 31.
23. Свод статистических сведений по делам уголовным за 1897 год. СПб., тип. Правительствующего Сената. 1901. Ч. III. С. 108.
24. Благотворительность в России. СПб., тип. Н.Л. Ныркина. [1907]. Т. 1. С. LXI; приложение. С. 2.
25. Свод статистических сведений по делам уголовным за 1885 год. СПб., 1889. Ч. III. С. 56; за 1892 год. СПб., 1896. Ч. III. С. 60; за 1900 год. СПб., 1903. Ч. III. С.168; за 1911 год. СПб., 1914. Предисловие. С. 62; за 1912 год. СПб., 1915. Предисловие. С. 102; за 1913 год. СПб., 1916. Предисловие. С. 59.

Н. В. Дутов
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Ярославский краевед П.А. Критский

В настоящее время большое внимание уделяется вопросам преподавания краеведения в средней и высшей школе. В становлении краеведения на Ярославской земле важная роль принадлежала П.А. Критскому.

В 1865 году в г. Юрьевце Костромской губернии в семье офицера Критского родился мальчик, которого назвали Петром. Родился он, когда отец его ещё не достиг чина, дающего права на потомственное дворянство и, поэтому, от рождения принадлежал к сословию обер-офицерских детей.

В г. Юрьевце Пётр Андреевич Критский учился в городском училище, и здесь же впервые проснулось в нём стремление к печатному слову и краеведению. Будучи ещё учеником он посылает из Юрьевца свои корреспонденции, и его сообщения печатают столичные газеты.

После окончания училища Критский поступил в Московский учительский институт, который готовил учителей для училищ повышенного типа (повышенных начальных школ). В Москве он познакомился с работами и идеями Н.А. Добролюбова, который выступал против стремления современной ему педагогике к воспитанию слепого повиновения, подавления воли в человеке и формулировал задачи воспитания людей с ясными, твёрдыми убеждениями, последовательных в словах и поступках, волевых и мужественных.

Окончив курс в институте, со званием учителя городского училища "... молодой, полный кипучей энергии и сил, проникнутый истинной любовью к делу народного образования ..." [1], Пётр Андреевич приезжает в г. Галич Костромской губернии, куда он был назначен учителем истории и географии в уездное училище.

С 1 августа 1885 года Критский вступает в должность учителя и по распоряжению господина попечителя Московского учебного округа выполняет обязанности учителя истории и географии в 3 и 4 классах женской гимназии. В этом же училище ему разрешено было давать уроки игры на фортепиано [2]. "Галич, захолустный городок глухой провинциальной жизни, в котором всё живое скоро засыпает и глохнет, не погубил в Петре Андреевиче стремление внести светильник знаний в тёмную массу мешан..." [3]. Критский

всегда справедливый и отзывчивый, враг всяких репрессий в отношениях с учащимися, никогда к ним не прибегавший и всегда добрым словом улаживающий все недоразумения, снискал любовь своих учеников. Они его боготворили.

Хорошо относилось к Петру Андреевичу и начальство. Безотказность Критского (с 26 октября по 27 ноября 1887 г. он заменяет в буйском городском училище заболевшего учителя Никифорова)[4], его желание работать не могли не найти положительного отклика. В 1889 году из специальных средств галичского уездного училища он получил награду - 60 рублей[5].

В 1890 году Петра Андреевича перевели на работу в Углич[6]. Галичские ученики с грустью провожали своего учителя. Критский был назначен в угличское городское училище с годовым окладом в 615 рублей. Угличские школы произвели на него тягостное впечатление. Здесь он столкнулся с косностью в преподавании, отсутствием чувства нового, нежеланием что-либо изменить. Из года в год не менялся раз установленный порядок. Учили только арифметике, русскому языку, да ещё преподавали закон божий. Пришлось всё начинать сначала. Критский пытается оживить школьную жизнь. 21 сентября 1896 года в его дневнике появляется запись: "Отчего при городском училище не устроить литературные вечера ученические по образцу существовавших в 1887 году в г. Буге?"[7]. Он пытается привлечь к этому делу учителей, но "... по видимому, нежелание взять на себя лишнюю обузу - мешает этому делу"[8]. Пётр Андреевич не сдаётся и поднимает тот же вопрос на педагогическом совете, но и это не приносит результата и 28 октября в дневнике появляется ещё одна запись: "Полное равнодушие, если не сказать больше к этому делу. Учитель-инспектор в конце согласился считать их нелишними - и только. Остальные учителя - ноль внимания"[9].

Стремление Критского изменить школьную жизнь наталкивается на непонимание коллег и всё же, он не опускает руки и начинает эти изменения с себя, со своего предмета.

В училище Пётр Андреевич преподаёт историю государства и исторические памятники Углича становятся наглядной иллюстрацией в преподавании. Как и в Галиче, в Угличе Критский быстро сходится с людьми. Он не ограничивается одной педагогической работой, а старается оживить местную общественную жизнь. В конце 1896 - начале 1897 года он принимает активное участие в организации общества трезвости при Предтеческой церкви города Углича, прилагая для этого немало усилий. Кроме того, Пётр Андреевич участвует в организации угличского музея.

Вместе с А.Ф. Соловьёвым, автором книги об Угличе, куп-

цом Н.Д. Евреиновым и его сыном К.Н. Евреиновым, а так же с М.П. Чеховым, младшим братом Антона Павловича Чехова, Критский взялся за организацию культурно-просветительского кружка, целью которого была народная грамотность, народное просвещение. Кружок поставил первой своей конкретной задачей организовать в Угличе бесплатную народную библиотеку. Для этого стали собирать у горожан книги, принимали пожертвования.

Самое большое пожертвование для народной библиотеки было сделано жившей в Угличе богатой старой помещицей Леонтьевой, у которой была хорошая библиотека. "Она была одинока и всё своё состояние, в том числе и библиотеку, завещала... своей собачке. Узнав об этом, члены культурно-просветительского кружка... явились к ней и сумели убедить её пожертвовать свои книги открываемой народной библиотеке"[10]. Городская библиотека была официально открыта 14 мая 1896 года[11].

После открытия библиотеки Критский становится её заведующим, устраивает народные чтения, ставит спектакли, концерты и т.д. Его отношение к библиотечной работе было очень серьёзным и ответственным. Деятельность библиотеки была направлена главным образом на тщательное ознакомление с запросами и вкусами читателей, а так же на выявление недостатков и пробелов в работе. Каждое неудовлетворённое требование заносилось в особую книгу, которая служила затем руководством при пополнении библиотеки новыми книгами.

Устройством в городе публичной библиотеки Критский оставил о себе добрую память в Угличе. На создание библиотеки он положил немало труда, и именно ему всецело принадлежит заслуга её первоначального благоустройства.

В Угличе Пётр Андреевич занимается и журналистской деятельностью. Болея всей душой за своё дело, он пишет критические статьи по вопросам народного образования. Одна из них – "Народный учитель на всероссийской выставке (письмо из Углича)" - появляется в "Русских ведомостях" за 1896 год.

В Угличе Критского любили. Горожане говорили о нём: "... славный Пётр Андреевич человек, живой, энергичный, и с ним хочется работать..."[12]. Сразу же полюбили его и ученики. "Этому учителю можно было довериться, его советов можно и должно слушаться"[13]. И начальство признавало его заслуги в работе. В 1896 году он был награждён серебряной медалью в память Александра II, а в 1899 году за отлично-усердную службу и особые труды Критский был "всемиловитейше пожалован орденом Святого Станислава III степени"[14]. В Угличе он постепенно поднимается по ступенькам служебной лестницы: коллежский секретарь, титу-

лярный советник, коллежский асессор со старшинством.

Здесь же в Угличе Пётр Андреевич встречает свою судьбу - Анну Николаевну Евреинову - дочь угличского купца второй гильдии Николая Евреинова и становится отцом троих детей. 24 декабря 1893 года появляется на свет дочь Зинаида, 25 января 1895 года - сын Андрей, а 23 апреля 1896 года - сын Николай.

В Угличе деятельность Критского заканчивается в 1899 году. С 1 сентября его переводят на должность учителя в Ярославское городское училище[15]. При отъезде из Углича городская Дума выразила ему благодарность за внешкольную и просветительскую деятельность. В "Северном крае" была напечатана статья о проводах Петра Андреевича в Ярославль. "Вся самолётная пристань была заполнена провожающими, в числе которых находились сослуживцы и товарищи, а также ученики г. К., пришедшие проводить своего учителя, который среди них пользовался большой любовью и симпатией"[16].

Педагогическая и просветительская деятельность Критского в Галиче и Угличе была всеми признана нужной и плодотворной. Его энергия, любовь к ученикам и своему делу вызывали в людях ответную любовь и уважение к молодому учителю.

В противоречивое время конца 19 начала 20 вв., Критский - учитель с передовыми взглядами - приезжает в Ярославль. Работая в единственном тогда городском училище, Пётр Андреевич вступает в разные культурнические учреждения и вносит в них свою сильную работу и знания.

Началом его просветительской деятельности в Ярославле было устройство классных библиотек в городском училище, которые создавались его стараниями, несмотря на всю скудость средств училища, а так же организация ученических экскурсий. Многие его ученики смогли познакомиться с Костромой, Нижним Новгородом, Ростовом Великим и другими городами. Но, видимо, работа в училище не приносит Критскому полного удовлетворения, не позволяет реализовать полностью идеи и замыслы. 28 сентября 1904 года Пётр Андреевич подаёт прошение о разрешении ему открыть училище 2-го разряда для мальчиков. По содержанию плана, который был предоставлен директору народных училищ Ярославской губернии, можно судить о том, как представлял себе Критский работу училища. В училище предполагалось принимать мальчиков с 7 лет, в количестве не более 30 человек в класс. Но Пётр Андреевич был не только одним из создателей библиотеки имени Пушкина, но и Пушкинского бульвара. На его аллеях он сажал первые деревья.

В 1900 году в Ярославле было открыто общество "Парус". Создано оно было для учителей, студентов и служащих в прави-

тельственных и общественных учреждениях. Цель его состояла в поддержке и улучшении качества труда своих членов, а так же в создании условий для их отдыха. Активным членом общества стал Критский. Он неоднократно освещал деятельность общества в печати. Заметки об обществе и его проблемах появляются в "Северном Крае".

В 1902 г. Пётр Андреевич был избран действительным членом Ярославского естественно-исторического общества [17]. Ещё раньше Критский состоял членом Костромской и Ярославской губернской учёной архивной комиссии (1900 г.). Здесь он занимается разработкой вопросов местного краеведения.

Эта работа, а так же работа в газете, учительство и руководство экскурсиями заставляют его ближе заняться природой, историей Ярославского края. Результатом её стала книга "Наш край", получившая на конкурсе, объявленном в 1899 г. школьной комиссией Ярославского государственного земства, первую премию. "В ней он простым и ясным языком, правдиво и занимательно описал природу, экономическую жизнь, историю Ярославского губернского и дал характеристику десяти уездов Ярославской губернии" [18].

Рукопись под №3 "Наш край" была представлена на конкурс П.А. Критским. Её рецензировал председатель школьной комиссии губернского земства - князь Д.И. Шаховской.

Рукопись была обозначена девизом: "Свет во тьме светит" и озаглавлена "Наш край. Опыт родиноведения Ярославской губернии для окончивших народную школу". Объем рукописи равнялся 238 страницам или приблизительно восьми печатным листам (19). Работа Критского была признана лучшей из 4 представленных на конкурс. Школьная комиссия Ярославского губернского земства признала нецелесообразным продолжение конкурса. В то же время, Д.И. Шаховской - человек эрудированный, дал достаточно серьёзную критику сочинению, потребовав его доработки.

За представленную работу Петру Андреевичу было выплачено вознаграждение размером в 300 рублей и заседанием от 9 июня 1902 года было постановлено:

1. просить Критского предоставить подробный план своего сочинения с указанием тех глав, в составлении которых он встречает препятствие.
2. пригласить лиц, занимающихся изучением истории, археологии, природы, статистики и современного положения промышленности и торговли в губернии для обсуждения этого плана и способа выполнения тех частей сочинения, которые требуют доработки специалистов.
3. обратиться к лицам, имеющим коллекции фотографий.

В помощь Критскому были приглашены: Л.И. Трефолев, И.А. Тихомиров, И.А. Яковлев, П.И. Мизунов, А.П. Городовцов, С.Н. Пашенко, Н.Р. Кокуев, В.П. Сабанеев, А.Р. Свирщевский, К.Я. Воробьёв, Н.П. Дружинин, Е.И. Якушкин[20]. На вознаграждение лиц, которые будут принимать участие в работе по проверке и частичного пересоставления некоторых глав труда выделялась сумма в 300 рублей[21] Рукопись, представленная П.А. Критским на конкурс, по содержанию распадалась на три части. Почти половину составляла первая часть, представлявшая собой описание природных условий, промышленности, культуры Ярославской губернии. Вторую часть составляли "Очерки из истории Ярославля", третью - попутный обзор губернии. К сочинению был приложен библиографический указатель, в котором было перечислено 27 книг[22].

Первая часть состояла из 29 глав, в общем довольно полно отражающих разные стороны жизни губернии. Но не все они были одинаковы по внутреннему содержанию, а иногда нарушали общий план первой части.

После дополнительной работы над рукописью в ней было сокращено количество глав до 13, и в их переработке были учтены замечания комиссии. Так, первый очерк "Ярославский край 1500 лет назад", который удачно вводил читателя в прошлое губернии, но являлся как бы оторванным от непосредственно следовавшим за ним очерков, описывающих современное началу века положение губернии, был исключён.

Ярославским губернским собранием было поручено управе издать очерк родооведения в количестве 2400 экземпляров на средства земского книжного склада и ассигновать ещё 400 рублей на снабжение издания иллюстрациями[23].

Книга "Наш край" была издана в 1907 году. В ней более 300 страниц, 65 иллюстраций, приложена карта.

Книга Критского даёт цельную картину естественно-исторического развития Ярославской земли. Она была предназначена для людей, имевших лишь начальное образование. Написана книга лёгким, доступным языком, свободна от идеологических наслоений послереволюционного периода, и в то же время в её основе лежат достижения науки конца XIX - начала XX веков.

1907 год - последний относительно спокойный год в карьере Критского, но грозные тучи постепенно собираются над его головой.

Ещё в начале своего пребывания в Ярославле Пётр Андреевич попал в разряд неблагонадёжных и за каждым его шагом зорко следят. Его деятельность в воскресных школах для рабочих, чтения для арестованных и занятия в ночлежных домах, проводимые им, не

вызывали восторга у начальства и губернатора. Его то и дело вызывают для объяснений, предлагают оставить общественную работу, если он хочет учительствовать. Губернатор Римский-Корсаков угрожает высылкой из Ярославля за то, что Критский является сотрудником "Северного края".

8 января 1908 года директором народных училищ Ярославской губернии на Критского заводится дело по запросу губернатора о возможности поездки учителя Петра Критского, принадлежащего к партии кадетов, на съезд народных университетов в Петербург.

В ноябре 1908 года полковник Артемьев дает разрешение на обыск в квартире Критского. Во время обыска у него было найдено анонимное печатное письмо, присланное ему в январе 1907 года, из содержания которого жандармское управление делает вывод о том, что "Критский, в числе других лиц зарекомендовал себя среди жителей Ярославля крамольником". После обыска жандармским управлением была возбуждена переписка по выявлению политической благонадёжности Критского. Самого Петра Андреевича и его учеников и коллег вызывают на допрос.

До 27 декабря 1908 года продолжалось расследование и велась переписка, после чего её материалы были представлены губернатору с предложением выслать Критского из пределов Ярославской губернии.

В результате расследования было установлено, что Критский принадлежит к организации Всероссийского союза учителей партии социал-революционеров. Так же было выяснено, "что как видно из показаний свидетеля И. Яковлева, Критский занимал место секретаря в редакции "Вестника Губернского земства" в г. Ярославле в 1904-1905 гг. с наступлением революционного положения, когда среди служащих Ярославской губернской земской управы образовался так называемый "Союз земских служащих", имевший очевидной целью захвата в свои руки всего земского управления и преследовавшей противоправительственные цели. Критский, не участвуя официально в том же союзе, тайно помогал осуществлению его целей, пропагандируя его идеи и вербуя как и прочие главные деятели союза сторонников, когда же наступило успокоение и названный союз разрушился - Критский старался скрыть своё сочувствие к нему"[24]

Во время выборов депутатов в Государственную Думу 1-го созыва Петр Андреевич примкнул к партии кадетов, он был выбран в число выборщиков от Ярославля и вращался в круг лиц, состоявших под особым надзором полиции. В это время Критский посещает митинги и сходки, организованные представителями этой партии.

Позднее Критский вышел из состава конституционно-демократической партии, т.к. министром внутренних дел был издан циркуляр, запрещающий чиновникам участвовать в политических партиях, но по сведениям жандармерии убеждений своих не изменил, что подтверждает его близкое знакомство с учителем Прялухиным - убеждённым социал-революционером, высланным в Вологодскую губернию.

В вину Критскому ставилось так же то, что "будучи членом правления Пушкинской библиотеки в г. Ярославле и лицом, исполнявшим должность ответственного заведующего означенной библиотекой, которому было правлением поручено следить за тем, чтобы брошюры запрещённые арестами, утверждённые судебными установлениями были изъяты из обращения, умышленно с целью пропаганды, допустил проникновения преступных брошюр в общественную библиотеку в большом количестве, а затем вышел из состава членов библиотеки - чем избежал законной ответственности по суду"[25].

Серьёзность этих событий, вероятно, была связана скорее с политической обстановкой в стране после первой революции, чем с революционной деятельностью Критского. Сам ротмистр Графтио, писавший постановление по делу Петра Андреевича, был вынужден признать "отсутствие в данное время осязаемых данных, могущих уличить Критского в противоправительственной деятельности"[26]. И всё же, на заключение ротмистра о высылке Критского за пределы Ярославской губернии это не повлияло, как, впрочем, не повлияли на него попытки Критского доказать свою лояльность тем, что в 1900-1901 гг. ему было разрешено Ярославским и Костромским губернаторами сопутствовать в качестве корреспондента газеты "Северный Край" во время проезда по этим губерниям министра внутренних дел. Только решение губернатора позволило Критскому остаться в Ярославле под негласным надзором полиции, но ему запрещают преподавать русский язык, а так же историю, как предмет, посредством которого Критский может привить своим ученикам "извращение понятия в существующим у нас в России общественном и государственном строе"[27]. Вместо этого Петру Андреевичу было предложено заниматься естественной историей и географией - предметами не его специальности.

В сентябре 1910 года исполнилось 25 лет профессиональной деятельности Критского и хотя власти по-прежнему не любят его, они вынуждены признать заслуги Петра Андреевича в педагогической деятельности. В этом году, в ознаменование исполнившегося 25-летия плодотворной деятельности, Ярославская городская Дума учреждает стипендию Критского, для чего в городскую смету

ежедневно вносилось 15 рублей. Критскому пожизненно предоставляется право назначения стипендиатов.

До 1915 года Пётр Андреевич остаётся преподавателем Торговой школы. В 1913 году он получает светло-бронзовую медаль в память 300-летию Дома Романовых[28], но уже в 1915 году увольняется "согласно прошения" по приказу Министерства торговли и промышленности. Сказалась нелюбовь к нему властей и их давление на училищное начальство. Критский оставил службу в чине надворного советника.

Наряду с общественной и журналистской работой, которую П.А. Критский никогда не оставлял, в период с 1912 по 1916 гг. им было издано несколько книг - справочников, а в 1914 г. он принимает активное участие в создании журнала "Русский экскурсант".

В 1912 году вышла в свет его книга - "Прогулка по Ярославлю". Эта книга - краткий путеводитель по городу. Начинается он сжатым изложением истории города до 1796 г., когда Ярославль стал губернским центром. В разделе "Современный Ярославль" даётся краткая характеристика города: главные достопримечательности, маршрут электрического трамвая, учебные заведения, церкви, культурные учреждения, музеи и заводы, доступные для осмотра экскурсантов. В главе "Прогулка по городу" был предложен маршрут прогулки для посещающих Ярославль в первый раз.

Книга имела карманный формат и была очень удобна для экскурсантов. В 1916 году Критский издал "Путеводитель-справочник".

В это время Ярославль был тыловым городком Первой мировой войны. Сюда стекались беженцы, здесь 28 июня 1914 года был создан Губернский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. Всё это наложило отпечаток и на книгу. Здесь наряду с проблемами экскурсионными и вопросами относительно жителей города освещаются и вопросы, касающиеся беженцев и военнослужащих[29].

Критский живо откликался на запросы людей; находясь в гуще текущих событий, удовлетворял их потребность в информации.

В 1914 году в плане земских мероприятий по внешкольному образованию поднимается вопрос о содействии народным домам и даётся примерный устав означенного дома[30]. Пётр Андреевич сразу же откликается на этот вопрос и в 1915 году выпускает книгу "Как устроить и вести народный дом", которая становится общедоступным справочником для желающих открыть библиотеку или вечерние курсы, кинематограф или детский сад. В книге содержатся формы документов, необходимые для открытия учреждений, пра-

вила их подачи, а так же законы, касающиеся открывающихся учреждений и действующие на данный момент.

Среди других работ Петра Андреевича, посвящённых Ярославлю, можно отметить статью "Краткий обзор Ярославской губернии в естественно-историческом отношении"; написанную Критским совместно с И.В. Серебрянниковым статью "Окрестности Ярославля", которые были опубликованы в книге "Ярославль в его прошлом и настоящем", изданной в 1913 году, а так же Ярославские календари 1911 и 1912 годов, статью "Интерес ярославцев к родной старине", напечатанную в 1911 году в 239 номере газеты "Голос".

В 1914 году в Ярославле начинает выходить журнал "Русский экскурсант". Одним из его основателей был Критский.

Целью журнала признавалось "быть ... чутким проводником по живому музею русского искусства... будить в молодых сердцах лучшие чувства, которые может дать человеку созерцание прекрасного... облегчить деятельность организаций, занимающихся экскурсионным делом"[31].

Журнал сразу же стал популярным не только в Ярославле. На выход первого номера "Русского экскурсанта" напечатали свои отзывы "Поволжский вестник"[32], "Верхнеднепровский земский листок"[33] и др.

В последние годы жизни Критский не оставляет общественную и преподавательскую деятельность, а так же краеведческую работу.

Умер П.А. Критский 10 декабря 1920 года в Ярославле. О кончине его писали: московский журнал "Краеведение", журналы "Север", "Наш труд" и другие.

Похоронен Критский был в ограде Николо-Надеинской церкви. На его могиле стоял большой дикий камень.

После смерти Критского по постановлению городского совета в его память переименован переулок, находящийся близ Николо-Надеинской церкви и называвшийся ранее Потерянным. Теперь этот переулок носит имя П.А. Критского.

Критский всю жизнь служил делу народного образования и просвещения. Даже в самые тяжёлые годы он не изменял своим принципам и идеалам юности.

1. ЯГИАМЗ. - НВФ. 3991/11. - Л.л. 1-5

2. ГАЯО. - ф.563. - Оп.1. - д.32. - Л.л.181-187

3. ЯГИАМЗ. - НВФ. 3991/11. - Л.л. 1-5

4. ГАЯО. - ф.563. - Оп.1. - д.32. - Л.л.181-187

5. ГАЯО. - ф.563. - Оп.1. - д.32. - Л.л.181-187

6. ГАЯО. - ф.563. - Оп.1. - д.32. - Л.л.181-187
7. ЯГИАМЗ. - НВФ. 3991/11. - Л.л. 1-5
8. Там же.
9. Там же.
10. Чехов С.М. О семье Чеховых. М.П. Чехов в Ярославле. Ярославль, 1970. с.44
11. там же.
12. ЯГИАМЗ. - НВФ. 3991/11. - Л.л. 1-5
13. Там же.
14. ГАЯО. - ф.563. - Оп.1. - д.32. - Л.л.181-187
15. Там же.
16. ЯГИАМЗ. - НВФ. 3991/11. - Л.л. 10
17. ГАЯО. - ф.564. - Оп.1. - д.46. - Л.л.14
18. Иванова А.Н. Пётр Андреевич Критский (к 100 летию со дня рождения ярославского краседа). Библиография // Ярославский календарь. 1965. с.51-52
19. Протоколы заседания школьной комиссии Ярославского губернского земства за 1902 год. Ярославль, 1902. с.13
20. Там же.
21. Там же. с.8
22. ЯГИАМЗ. - НВФ. 175. - Л.л. 1-238
23. Протоколы заседания школьной комиссии Ярославского губернского земства за 1902 год. Ярославль, 1902. с.8
24. ГАЯО. - ф.906. - Оп.4. - д.784(1) - Л.л.17
25. Там же
26. Там же. - л.19
27. Там же.
28. Там же
29. Деятельность губернского и уездного комитетов Ярославской губернии по оказанию помощи больным и раненым воинам в 1914г. Ярославль, 1915. с.3
30. План земских мероприятий по внешкольному образованию, составленный Ярославской губернской земской управой по поручению Ярославского губернского земского собрания 50-й очередной сессии 1914 г. Ярославль, 1915. с.4
31. Цели и задачи "Русского экскурсанта". // Русский экскурсант. 1914. №1
32. Поволжский Вестник. 1914. №2306
33. Верхнеднепровский земский листок. 1914. №16.

Кочешков Г.Н.
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Частные земельные собственники в борьбе против захватных действий крестьян (лето – осень 1917 г.)

В середине лета Министерство земледелия подготовило и распространило опросные листы об аграрном движении на местах после Февральской революции. Предлагалось заполнить и прислать анкеты в центр до 15 июля 1917 года. К данному сроку заполненных анкет поступило крайне мало. В фонде Главного земельного комитета удалось обнаружить несколько десятков листов, поступивших с мест. Некоторые губернские земельные комитеты ответили отказом на просьбу Министерства земледелия заполнить анкету, заявив, что в их губерниях никаких аграрных волнений нет и не было [1].

Анкета включала в себя 49 вопросов, охватывающих различные стороны аграрного движения в 1917 году, в том числе: отношение крестьян к землевладельцам после Февральской революции; формы аграрных правонарушений; взаимоотношения крестьян и хуторян; объединения и союзы земледельческого населения России и др. Характерно, что на первый вопрос (как отразился произошедший государственный переворот на отношениях крестьян и землевладельцев) большинство опрошенных отвечало так: «отношение враждебное». К сожалению, мы не можем сказать, чьи это были ответы: крестьян или частных земельных собственников, т.к. анкеты носили в основном анонимный характер, однако можно сделать предположение, исходя из грамотности сельского населения России, что заполнялись анкеты в основном людьми в имущественном отношении достаточно состоятельными. В делах фонда имеется анкета, заполненная активным деятелем Всероссийского союза земельных собственников, помещиком Р.Д. Семеновым Тянь-Шанским. Судя по всему анкета была прислана им буквально накануне октябрьских событий. На первый вопрос землевладелец, имевший поместья в Рязанской губернии, ответил так: «Самый переворот не имел влияния на изменение отношений. Но развившаяся безответственная пропаганда и воздействие администрации, в лице волостного комитета, уничтожили первоначально патриархальное отношение и внедрили ненависть к помещикам и вообще «буржуйам».

На вопрос: «В какие организации, партии или союзы входит крестьянское население Вашей местности?», Семенов Тянь-Шанский отвечает: «Власть захвачена крайними элементами (большевики, имеющие связь с Петроградом) под давлением и по инициативе этих деятелей – все крестьянство - объединено в крестьянский союз, Советы состоят из большевиков, которые и ведут за собой все крестьянство, объявляя всех несогласных «врагами народа». Как «враждебное и озлобленное» охарактеризовал автор анкеты отношение крестьян к хуторянам и отрубникам [2]. Ответы типичные для частных землевладельцев, которые на собственном опыте познали разрушительные действия крестьянских выступлений.

Усиление натиска крестьян на права частных земельных собственников побудило последних изменить тактику поведения. С конца июня отношение земельных собственников к Временному правительству и его земельной политике подверглось значительной эволюции. Они уже ставят вопрос о недостаточной решительности и твердости государственных органов. Так, в телеграмме от 21 июня на имя министра внутренних дел союзом сельских хозяев Казанской губернии дается характеристика положения дел в стране: «Население изнемогает от безвластия. Если власть быстро, твердо и согласованно не проявит себя, грозное развитие эксцессов неизбежно, и тогда уже самые решительные меры не смогут предотвратить роковых последствий» [3]. Союз земельных собственников Полтавского уезда в заседании от 18 июня, в связи с газетными сообщениями о проекте передачи всех земель в ведение земельных комитетов, постановил: «... выразить Временному правительству свое крайнее недоразумение по поводу такого проекта, посягающего на хозяйственную самостоятельность хлеборобов» [4].

Союз симбирских сельских хозяев в письме министру-председателю князю Львову отмечал, что, не желая увеличивать смуту, «раздирающую нашу несчастную родину, и вызывать вредные для дела свободы эксцессы», землевладельцы терпеливо сносили обиды и несли убытки, чинимые им крестьянами-общинниками, рассчитывая, что, когда власть окрепнет, и в народе пройдет первый угар свободы, Временное правительство встанет на защиту «попранных прав» землевладельцев. Действительность, однако, не оправдала их надежд. Удары посыпались на землевладельцев, отмечалось в письме, «не только со стороны темной массы крестьянства, но и со стороны отдельных членов кабинета, не желающих считаться с нашим и без того тяжелым положением». Союз симбирских сельских хозяев потребовал от Временного правительства, чтобы оно либо сняло с землевладельцев тяготы всякого рода налогов и сборов, связанных с земельной собственностью, либо приняло ре-

альные меры для защиты прав частной собственности на землю и на имущество [5].

Многие действия Временного правительства частные земельные собственники воспринимали как стремление государственных органов власти пойти на примирение с крестьянством в ущерб интересам землевладельцев. Союзы земельных собственников в своих протестах против незаконных действий крестьян, которым потворствовали как центральная, так и местная администрации, неоднократно обращали внимание Временного правительства на то, что во всех своих декларациях оно заявляло о твердой решимости защищать интересы «не одного, а всех классов населения, составляющих наше государство». На практике же, по мнению землевладельцев, больше всех страдают именно люди состоятельные и происходило это, главным образом, из-за того, что Временное правительство издавало законы и постановления, ограничивавшие права собственников. Резкий протест землевладельцев вызвал закон 12 июля о запрещении земельных сделок. Подготовка этого указа заняла более двух месяцев. В конце апреля Всероссийский совет крестьянских депутатов обратился к правительству с жалобой на частных землевладельцев, которые стали дробить свои имения по фиктивным сделкам, спекулировать лесными угодьями, распродавать землю как российским, так и иностранным предпринимателям. Временное правительство обещало издать в скором времени закон о запрещении земельных сделок. 17 мая министр юстиции Переверзев предписал старшим нотариусам приостановить совершение крепостных актов по купле-продаже и залогу земель. Такое распоряжение внесло растерянность и тревогу в души земельных собственников. Они потребовали отмены этого решения, считая, что правительство покушается на святая святых – право распоряжения частной собственностью. Владельцы угрожали прекратить внесение платежей в банки по закладным, уплату налогов и сборов с земли. Давление владельцев земли было столь сильным, что правительство решило несколько смягчить действие данного указа. 7 июня министерство юстиции по телеграфу разъяснило, что распоряжение о сделках не распространяется на установление и переход залоговых прав. Кроме того, были разрешены сделки в отношении земель, приобретенных горнозаводскими предприятиями. 23 июня товарищ министра юстиции Демьянов телеграфно отменил майский указ.

В начале июля II сессия Главного земельного комитета подвергла резкой критике аграрную политику Временного правительства. Сессия констатировала, что происходящая на местах ломка земельного уклада выявляет стремление крестьян к новым земельным отношениям. Наблюдаемые при этом осложнения являют-

ся следствием отсутствия соответствующих норм и указаний со стороны государственных органов. Власть «совершенно отстала от жизни, не снабдив до настоящего времени комитеты ни одной общей мерой, не издав ни одного общего закона». Занятое более важными делами, Временное правительство до сих пор не утвердило закон о запрещении сделок на землю, отмечалось на сессии [6].

Критика со стороны Главного земельного комитета и требования крестьянских организаций возымели действие. Правительство вновь вернулось к рассмотрению вопроса о земельных сделках. Подписанный 12 июля закон об ограничении сделок, был построен на компромиссе – он был направлен не к полной отмене сделок, а лишь к их ограничению. Тем не менее, закон вызвал бурные возражения со стороны землевладельцев. Главный Совет Всероссийского союза земельных собственников направил письмо министру-председателю, в котором указывал, что «постановление о воспрещении земельных сделок, опубликованное 12 июля 1917 года ... представляет собой законодательный акт такого рода, все содержание и форма коего противоречит действующим основным законам...» и единственным неизбежным последствием коего может быть только полное и окончательное расстройство хозяйства, а с ним и всего продовольственного и лесного дела в большей части губерний» [7]. Поддержали Главный совет местные отделы союза земельных собственников. Так, симбирский союз сельских хозяев призывал обратиться к примеру Великой Французской революции и взять за основу политической деятельности выдвинутые ею принципы, признававшие, что «цель всякого политического общества – сохранение естественных и неотложных прав человека». Эти права – «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению... Запрещение земельных сделок..., нарушая эти неотъемлемые права, будут иметь самые ужасные и экономические и политические последствия» [8]. Такого же рода предупреждения были высказаны Киевским, Нежинским, Самарским и др. союзами земельных собственников.

Опубликование закона о запрещении земельных сделок привело к отставке князя Г.Е. Львова. При обсуждении готовящегося проекта он высказал ряд замечаний, которые переслал министру земледелия В.М. Чернову. В частности, Львов высказал свое несогласие в связи с решением опубликовать декрет о воспрещении земельных сделок до разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием. С юридической точки зрения осуществление закона равносильно поражению прав тех земельных собственников, которых эта мера коснется. Воспрещение владельцам недвижимостей продавать, закладывать и сдавать в аренду свои имущества, указы-

вал Львов, есть не что иное, как лишение их одного из существенных элементов права собственности – права распоряжения. Другой элемент права собственности – право пользования – также подвергается значительному ограничению, так как «сдача земли в аренду есть весьма распространенный способ извлечения дохода от владения земельным имуществом». К тому же, по мнению министра-председателя, упразднение права собственности на одну лишь землю противоречило бы провозглашенному новым строем принципу всеобщего равенства, так как рассматриваемое мероприятие по самому своему свойству поражает материальное благосостояние лишь владельцев некоторых видов собственности, оставляя неприкосновенным современное состояние владельцев домов, капиталов, торговых и промышленных предприятий и т.п., а может быть, и некоторых видов той же земельной собственности. Но не только имущественные права владельцев недвижимости затрагиваются проектом, отмечал Львов. Он угрожает ограничением их личных прав и посягательством на их гражданскую свободу. В результате принятия данного закона землевладелец не сможет ликвидировать свое имущество и продать землю, он как бы прикрепляется к земле. Причем не только землевладелец, но и крестьянин не сможет сменить род занятий. Князь Львов называет это крепостным правом. Воспрещение продавать и сдавать в аренду землю станет препятствием в естественном и неизбежном процессе расслоения земледельческого класса[9].

Протестуя против принятия закона, Львов подал прошение об отставке с поста министра-председателя: «Будучи сторонником перехода земли в руки трудового крестьянства, я тем не менее нахожу, что земельные задачи, внесенные министром земледелия на утверждение Временного правительства, неприемлемы для меня не только по их содержанию, но и по существу всей заключающейся в них политики. Министерство земледелия, в сущности, стремится поставить Учредительное собрание перед фактом уже разрешенного вопроса» [10].

Отставка Г.Е. Львова вынудила Чернова выступить в печати с объяснением поступка бывшего премьер-министра. В.М. Чернов разъяснял, что ни один закон, предложенный министерством земледелия, не был утвержден без согласия и предварительного рассмотрения законопроекта Главным земельным комитетом. Объяснения Чернова вызвали протест со стороны Министерства внутренних дел, которое посчитало заявление министра земледелия не соответствующим действительности. Товарищ министра внутренних дел Авинов выступил с опровержением. Особое возмущение Авинова вызвало утверждение Чернова о том, что все законопроект-

ты, внесенные Министерством земледелия на рассмотрение Временным правительством, были результатом работы Главного земельного комитета, проведены через него, возникали по инициативе названного комитета и не отражали чьей-либо партийной политики. Авинов напомнил, что сессий Главного земельного комитета за это время (к середине июля) было всего две (19-21 мая и 1-6 июля), причем главная часть законопроектов во Временное правительство была внесена во второй половине июня. Более того, внесение законопроектов проходило не через Главный земельный комитет, а через Совет комитета, который состоял всего из 12 человек и не был предусмотрен положением о Главном земельном комитете. В жестких выражениях была охарактеризована деятельность местных земельных комитетов, которые присвоили себе функции законодательных органов. По мнению Авинова, только Временное правительство должно было иметь право издавать законы [11].

Тем не менее, закон был опубликован и начал действовать, но уже без Г.Е. Львова.

Временное правительство лавировало, пытаясь соблюсти статус-кво в отношениях и с крестьянством, и с землевладельцами. Стремясь не допустить развития противоправных действий, правительство принимало решительные меры против нарушителей законов — начиная от правительственных циркуляров, требовавших преданию суду виновников смуты, кончая карательными отрядами. 13 июля министр земледелия послал распоряжение губернским, уездным и волостным комитетам: «1) принять все меры к охране в полной неприкосновенности земельных участков и имущественной собственности сельскохозяйственных опытных станций и полей, учебных заведений, показательных участков, казенных и общественных семенных хозяйств и племенных рассадников, научно-показательных хозяйств и т.п. культурных начинаний; 2) предупреждать всякого рода самовольные вмешательства в их жизнь, нарушающие нормальный ход их работ; 3) принять меры к охране всех высококультурных хозяйств (садов, виноградников, огородов, племенных рассадников, свеклосахарных и семенных хозяйств)...» [12].

Если Министерство земледелия делало ставку на авторитет общественных организаций в деревне, что вполне естественно, то Министерство внутренних дел, не доверяя крестьянским комитетам, возлагало задачу восстановления порядка в уездах и волостях на плечи губернских комиссаров. 14 июля им была направлена телеграмма следующего содержания: «Предательский удар анархии вызвал смуту в стране, в надежде вырвать у революции ее завоевания подняла голову контрреволюция. Распад и анархия в тылу переки-

нулись на фронт. Во имя спасения страны Временное правительство облечено всей полнотой власти и не остановится ни перед никакими мерами для того, чтобы отвести нависшую над страной опасность. Вы на местах призваны представлять революционную власть Временного правительства, ответственность перед революцией повелевает вам в настоящий грозный момент неукоснительно и решительно проводить в жизнь все распоряжения правительства, содействовать всеми силами укреплению авторитета революционной власти... Стоя на страже интересов революционной России, вы обязаны со всей решительностью подавлять всякие попытки вызвать анархическую смуту, никакие самочинные захваты имущества и земель, никакие насилия, никакие призывы к гражданской войне и нарушению воинского долга недопустимы... Будучи представителями власти, поставившей себе задачей оборону страны и спасение революции, вы должны вменить себе в обязанность наряду с решительной борьбой с анархией, столь же решительно пресекать всякие контрреволюционные происки...» [13]. Губернские комиссары быстро среагировали на данный циркуляр и стали принимать действенные меры по борьбе с анархией. Так, Новгородский губернский комиссар и председатель Новгородской губернской управы 20 июля опубликовали распоряжение, в котором объявили все самовольные действия населения против частных землевладельцев преступлением, за совершение которого угрожали по ст. 269 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» заключением в тюрьму на срок до 4-х месяцев и выше, или отдачей в исправительные арестантские отделения на срок до 1 года и выше с лишением всех прав и преимуществ, или ссылкой на каторжные работы на срок от 4 до 15 лет с лишением всех прав состояния. Земельным комитетам было предложено «все уже совершенные захваты частновладельческих земель... немедленно ликвидировать, захваченное возвратить владельцам и принять меры к тому, чтобы понесенные владельцами благодаря захвату убытки были бы захватчиками возмещены» [14].

В ряд уездов Псковской губернии для борьбы с погромами были направлены отряды казаков и кавалерии. 19 июля начались аресты. В Порховском уезде арестовали членов Ликинского волостного земельного комитета И. Николаева и Н. Семенова. Через неделю были расформированы Вышегородецкий волостной продовольственный и земельный комитеты, их члены отданы под суд [15].

Во второй половине июля и особенно в августе несколько сократилось количество земельных правонарушений. Так, по данным Главного управления милиции за 2 недели июля (с 16 по 31 июля) произошло 538 правонарушений, а за весь август – 691 [16].

Снижение активности наиболее радикальной части крестьянства было связано и с посылкой солдат для усмирения бунтарей, и с поражением большевиков в июльские дни, и со стремлением Временного правительства и партии эсеров придать действиям крестьян организованный характер. Однако именно в августе, несмотря на «заклинания» эсеров, призывавших крестьян не допускать противоправных действий и предоставление крестьянским земельным организациям неслыханной воли и свободы в своих поступках, падает уровень организованности крестьянских выступлений. Если в июле на 100 случаев неорганизованного движения приходилось 120 случаев организованного, то в августе на 100 случаев неорганизованных действий крестьян приходилось лишь 67 организованных выступлений [17]. Эсеры, имевшие в деревне широкую социальную базу – крестьянина-общинника, как ни одна другая партия учитывали уровень экономического развития деревни, традиции, настроения и психологию крестьянских масс. Крестьянскую тягу к земле социалисты приняли за социализм. Это была их величайшая ошибка, разочарование пришло быстро и неотвратимо. Накануне драматических событий бывший министр земледелия первого состава Временного правительства А.И. Шингарев записал в своем дневнике: «Они (социалисты – Г.К.) приняли первобытный коммунизм примитивных форм народной жизни за социалистические идеалы народа. В бездорожной, безграмотной стране с полунатуральным хозяйством и зависимостью от иностранной промышленности и иностранного капитала они надеются создать царство социализма... Они не только не поняли глубины научного эволюционизма Маркса и его экономического материализма... Они похожи на персонаж из новелл Боккаччо, который хочет «загнать ослов дубиной в рай»[18].

Легко поддавшись радикализму, когда речь шла о понятных для них материальных интересах, крестьяне-радикалы перешагнули «порог дозволенности» в земельных правоотношениях, потребовав от своих мнимых вождей скорого и простого решения аграрного вопроса. Не получив землю от властей, крестьянин-общинник приступил к захватам имений, разгромам и поджогам экономий частных владельцев. Не надо искать в этих противоправных действиях крестьян проявление «народной воли» и «народной мысли», требовавших коренной реформы существовавших земельных отношений. Такой способ изъяснения народной воли – это, несомненно, наиболее худший способ защиты своих прав и отстаивания собственных интересов. Русский мужик, поразительно прекрасный в своей кротости и покорности, вдруг переходит к протесту и бунту, и тогда его неистовство «доводит его до ужасных преступле-

ний и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости» [19], – писал М. Палеолог.

Главной отличительной чертой осеннего периода крестьянских волнений было изменение характера борьбы, преобладающими формами которой стали вооруженные выступления, разгромы имений владельцев, захваты помещичьих земель и сельскохозяйственного инвентаря. Факт увеличения разгромов зафиксировало Главное управление милиции: если в мае крестьянами было захвачено 152 имения, в августе – 440, то в сентябре – 958 [20]. По подсчетам И.В. Игрицкого, удельный вес разгромной формы движения в общем количестве крестьянских выступлений составлял по месяцам (в %): июнь – 5,0; июль – 7,5; август – 9,0; сентябрь – 20,7; октябрь – 42,1 [21]. Увеличение доли захватно-разгромных форм крестьянских выступлений, по мнению П.Н. Першина, свидетельствовало о начале крестьянской войны против помещиков. Это было «не бунтарское выступление отдельных групп бедноты» и не «грабительский набег» разбойничьих банд, а «восстание угнетенных масс деревни против помещиков» [22], свидетельствует исследователь.

Трудно согласиться с данным утверждением. Возможно ли было называть «восстанием крестьян» против помещиков сам факт уничтожения имений, усадеб, хуторов, насилие над личностью? Разгромам подвергались в первую очередь хозяйства культурно-капиталистического типа. И это понятно: «у помещика-крепостника можно было найти дом-дворец, картины, мебель, но лошадей, коров, машин, хлеба там вы мало найдете. А крестьянина прежде всего интересовал живой и мертвый инвентарь» [23]. Таким образом, уничтожению подвергались, прежде всего, крепкие, сильные хозяйства, дававшие государству большую часть товарного хлеба.

Осенний период характеризовался также и увеличением доли стихийности в крестьянских выступлениях, что толкало страну на путь гражданской войны. К сожалению, в течение многих лет советские историки послушно шли в фарватере ленинского положения о том, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости...» [24] По мнению вождя большевиков стихийность выступлений – это зачаточная форма сознательности, создающая благоприятную среду для привнесения в массы революционных идей и лозунгов. Исследователь А. Шестаков в монографии «Крестьянство в Октябрьской революции» сделал следующий вывод: «Осенью крестьянству уже не приходилось прикрываться «земельными комитетами», законностью и т.п. Надо было действовать во многих случаях путем революционного насилия» [25].

Разгромное движение, определяющее природу всех крестьянских волнений сентября, и, в особенности, октября, выступает целиком как движение стихийное. На 279 случаев зарегистрированных милицией крестьянских мятежей в октябре приходится только 4 случая организованных выступлений [26].

В первой половине сентября растут разгромы имений. 11 сентября Саратовский губернский отдел земельных собственников посылает Временному правительству телеграмму о том, что «в Балашовском уезде крестьяне громят имения, выгоняют и бьют владельцев и служащих и жгут гумна» [27].

В октябре накатилась новая волна погромов. Наибольшие волнения наблюдались в Раненбургском уезде, Рязанской губернии, где было уничтожено до 40 имений. Вот как описывает эти события «Русское слово»: «Большая часть усадеб Раненбургского уезда уничтожена. Одни усадьбы совершенно стерты с лица земли, разобран даже фундамент усадебных построек; в других дома стоят без окон и дверей, с разрушенными печами. Характер погромов теперь несколько иной, чем в 1905 – 1906 гг. Тогда крестьяне в общем не препятствовали помещикам увозить свое добро: мебель, посуду, серебро, инвентарь и т.п. имущество. Теперь картина иная. Помещичье имущество отбирается до последней вещицы и делится «по душам». Нельзя сказать, что уничтожением усадеб занималось крестьянство в целом. Часто большинство схода, обыкновенно предшествующего разгрому, решало усадьбу сохранить для крестьянских нужд, например, для школы, но слово – одно, а дело – другое, и обычно нашествие крестьян на имение заканчивается разгромом и поджогами. Насильственных действий в отношении усадебного населения почти нет. Зарегистрировано лишь несколько случаев нанесения побоев» [28].

Временное правительство оказалось перед дилеммой: либо пойти на разрыв с крестьянством ради сохранения базовых принципов правового государства, либо продолжить оказывать поддержку крестьянству и его общественным организациям в их явно незаконном «правотворчестве», что грозило существованию социального мира в деревне. Требования, несущиеся и со стороны крестьянства и со стороны земельных собственников, поставили правительство в безвыходное положение. В условиях мощного давления и справа и слева, сверху и снизу правительство, пытавшееся выполнить сложную миссию умиротворения всех социальных групп, потерпело поражение. Крестьянство, поощряемое агитацией и пропагандой левых экстремистских лидеров, сначала осторожно, а затем все более уверенно, побуждало власти к более радикальному решению аграрного вопроса. По мнению крестьянских масс, земельная реформа - не

более как опубликование законодательного акта, который должен передать им все земли помещиков. Для них все было ясно и понятно. Но так как Временное правительство медлило с изданием закона, крестьянство, устав ждать, более активно приступило к захвату частновладельческих земель.

-
1. Государственный архив РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-3; Д. 72. Л. 1,2,15,20-22 и др.
 2. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 72. Л. 9-10
 3. См.: Чаадаева О. Помещики и их организации в 1917 году. М.-Л., 1935. С. 114
 4. ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 314. Л. 260.
 5. Там же. Л. 261.
 6. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
 7. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 114. К. 2. Ед. 21. Л. 1.
 8. См.: Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. С. 156.
 9. ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 314. Л. 241-243.
 10. См.: Иллерицкая Е.В. Указ. соч. С. 157.
 11. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-3.
 12. Вестник Временного правительства. 1917. 26 июля.
 13. Московские губернские ведомости. 1917. 22 июля.
 14. См.: Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966. С. 384.
 15. Дело народа. 1917. 27 сентября.
 16. ГА РФ. Ф. 1971. Оп. 6. Д. 489. Л. 8.
 17. См.: Крестьянское движение в 1917 году / Подгот. к печати: К.Г. Котельников и В.П. Меллер. М., 1927. С. VII.
 18. Как это было. Дневник А.И. Шингарева // ОР РГБ. Ф. 135. К. 44. Ед. 4. С. 35-36.
 19. См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С. 370.
 20. См.: История гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1937. С. 241.
 21. См.: Игрицкий И.В. 1917 год в деревне. М.-Л., 1929. С. 12.
 22. См.: Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. С. 418.
 23. См.: Рубач М.А. Заключительное слово на сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 332.
 24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.
 25. См.: Шестаков А. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков, 1925. С. 21.
 26. См.: Крестьянское движение в 1917 году, с. IX.
 27. См.: Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 году. М.-Л., 1927. С. 28.
 28. Русское слово. 1917. 18 октября.

Н. А. Колгушова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Социальный облик нэпманов по архивным материалам Ярославской области (1920-е годы)

В последнее время феномен “лишенчества” начинает привлекать внимание специалистов[1], однако оно сосредоточено пока главным образом на изучении столичной жизни. Между тем некоторые очевидцы событий отмечали особый характер социальных отношений на периферии. Так, члены Американской ассоциации помощи голодающим (АРА), работавшие в разных регионах России, оставили весьма интересные мемуары. В одном из таких изданий подчеркивается мысль о том, что взаимоотношения, сложившиеся между нэпманами и властями ярославского Поволжья, значительно отличались по сравнению со столицей и другими губерниями[2]. “Лишенцы” - люди, лишённые гражданских прав в соответствии с 23-й и 65-й статьями Конституции 1918 года. Списки лишённых прав вывешивались для обозрения на специальных досках, называвшихся в народе “чёрными досками”. Поскольку к числу “лишенцев” принадлежали и нэпманы, важным источником изучения нэпманской буржуазии и в целом результатов социального эксперимента большевиков являются дела по ходатайствам о восстановлении в правах. Материалы о лишенцах собраны в фонде Городского совета (Р-2423) Государственного архива Ярославской области; они содержатся в 2-х описях и включают заявления, автобиографии и анкеты лиц, лишённых избирательных прав. Первая опись структурирована по регионально-хронологическому принципу и содержит дела по заявлениям граждан о восстановлении в избирательных правах[3], вторая (двухтомная) – по фамилиям в алфавитном порядке, где речь идёт в основном о сельском населении[4]. Наше внимание привлекла первая опись.

Дела лишенцев как исторический источник интересны и даже исключительны по ряду причин. Во-первых, это массовый источник, который позволяет осуществить количественный анализ (комплекс подсчетов) и сделать достаточно обоснованные выводы о состоянии буржуазной прослойки. На основе дел лишенцев, благодаря их массовости, можно составить представление о количественном составе различных социальных слоев среди лишенцев, о социальном происхождении нэпманов, об их возрастной, половой, семейной, образовательной, национальной и других социальных

характеристиках, об основных направлениях и особенностях социальной мобильности в среде лишенцев. Во-вторых, анкеты и автобиографии помогают раскрыть оценочный аспект. Они позволяют выявить характеристику предпринимательской деятельности с точки зрения самих нэпманов, причины их обращения к этой деятельности и отказа от нее. На основе дел лишенцев можно определить отношение “бывших”, т. е. людей, имевших дореволюционный стаж предпринимательской деятельности, к своему прежнему занятию и особенности адаптации этого социального слоя в новых условиях. Автобиографии дают представление об уровне самоидентификации, самооценке исследуемой общественной группы с одной стороны, и с другой – о её отношении к власти. Вместе с тем нельзя не отметить и отрицательные моменты в использовании автобиографий как исторического источника. Анкетам, как известно, присущи характерные особенности источников личного происхождения. Это, в первую очередь, значительная доля субъективности, сокрытие или искажение фактов и оценок, чему способствовала сама ситуация, в которой пребывали в тот момент ходатайствующие лица. С другой стороны, можно предположить, что столь серьезное дело требовало от заявителей максимального приближения к правде, тем более что милиция скрупулезно проверяла истинность написанного путем запросов в различные организации и опроса свидетелей. Это подтверждает содержание дел, включавших порой обширную переписку и документацию в случае обнаружения каких-либо несоответствий или сомнений. Внимательное изучение каждого дела дает возможность довольно близко представить ситуацию, мотивы заявителей и, вместе с тем, оценить степень достоверности источника. Надо отметить, что, обращаясь к заявлениям лишенцев, мы получаем информацию лишь о части нэпманской буржуазии, поскольку трудно предполагать, что все представители этого социального слоя делали попытки восстановить свои гражданские права и к тому же не все были их лишены. Учитывая это обстоятельство, мы видим две стороны анализа анкет. Во-первых, этот источник содержит социальную характеристику представителей мелкобуржуазных слоев общества, т. е. тех, кто составлял основную группу так называемых лишенцев. Во-вторых, данный источник содержит достаточно большое количество документов, что позволяет нам с определённой долей объективности сделать обобщающие выводы по всей анализируемой группе. Наконец, мы можем пользоваться коллекцией этих дел как достаточно обширной выборкой. Следует оговориться, что объектом нашего исследования являются нэпманы – горожане. Сельская прослойка этой категории практически не затронута нами. Диапазон проанализированных архивных материалов ограничива-

ется городами Ярославской губернии: Ростов, Углич, Данилов, Тутаев, Рыбинск. Нами изучено 13 дел, содержащих документы нескольких сотен разбирательств по вопросу восстановления в правах за период с 1921 по 1930 годы. Внутри городских списков нас интересовали главным образом дела лишенных прав по пунктам “А”, “Б” и “В”, а именно: владельцы предприятий с наемным трудом, представители частной промышленности и торговли – мелкой городской буржуазии[5]. Включены в выборку также дела членов семей нэпманов: в их заявлениях указаны интересующие нас характеристики глав семейств, использовать которые в качестве единиц анализа мы сочли возможным.

Лишение гражданских прав само по себе не было столь трагично, как вытекавшие из него последствия: лишение хлебного пайка, выселение из квартиры, изгнание детей из учебных заведений, увольнение и невозможность найти работу, исключение из профсоюза. “Черная доска” означала фактически положение изгоя для попавших в список, лишение не только политических прав, но и самой возможности реализации основных социальных прав, а нередко и средств существования. Нельзя не учитывать и моральную сторону этого действия: общество презирало “лишенцев”, относясь к ним как к людям “второго” сорта. Поэтому вполне понятно стремление этой группы вернуть себе разряд “порядочных” людей, “заслужить” доверие общества. Среди ходатайствовавших встречаются совершенно разные категории. Буржуазия – старая и новая, духовенство, всевозможные “бывшие”, уголовники, душевнобольные, спекулянты, зажиточные (и не очень) крестьяне, мужчины и женщины, великороссы и евреи, атеисты и верующие, грамотные и совсем темные – все граждане, “забракованные” Советской республикой, изливали в своих заявлениях, то негодующих, то униженно-заискивающих – целый спектр информации, изучение которой требует очень внимательного подхода. Эти заявления – трудоёмкий в смысле изучения, но яркий источник, способный немало дать для понимания процессов, происходивших в то время. В соотношении с материалами статистики он способен дать достаточно близкий к реальности социальный срез нэповской эпохи.

Что мы узнаём в результате работы с делами лишенцев? Во-первых, удельный вес мелких нэпманов среди лишенцев отличался, падал или увеличивался в зависимости от территориально-административного статуса населённого пункта по отношению к губернскому центру: он был велик в губернском городе, где практически все лишенцы являлись нэпманами, уменьшаясь в уездных городах. Кроме того, заметна разница в половом составе предпринимателей – количество женщин[6] сокращается соответственно от

губернского уровня к уездному и волостному. Возрастной состав практически не зависел от данного фактора: на стезю частной трудовой деятельности отваживались ступить зрелые, но нестарые люди в основном от 30 до 60 лет[7]. Податели заявлений были главным образом великорусской национальности, незначительна была доля нерусских – евреев и татар – они, как правило, не занимались сельским хозяйством, будучи потомственными городскими ремесленниками. По делам лишенцев улавливается также динамика подачи заявлений – поток нэпманских заявлений возрастал с 1925 года, с того периода, когда над головой частника начали сгущаться тучи, и значительное число нэпманов стало стремиться к возвращению утраченного статуса “трудящегося” человека. К концу 20-х годов количество заявлений частников падает и постепенно заменяется делами зажиточных крестьян и раскулаченных. На основе изучения дел лишенцев провинциальный нэпман был крестьянского происхождения, обремененный большой семьей. Заявлений от “бывших”, т. е. профессиональных, с дореволюционным стажем, предпринимателей – купцов и заводчиков было немного, предприятия их имели более солидные масштабы, к тому же “бывшие” предпочитали по возможности использовать свой профессиональный опыт, состоя на государственной и кооперативной службе – так было безопаснее. Чаще всего свое дело пытались организовать те из крестьян, чей отхожий промысел в прошлом был как-то связан с этой сферой. Например, служба в качестве “мальчика” или полового в трактирах и гостиницах (Ярославская губерния издавна слыла поставщиком половых в столичные трактиры). Но обращение к индивидуальным занятиям зачастую было неудачным решением, вызванным безработицей и крайней нуждой, за которое им приходилось очень дорого расплачиваться впоследствии. Практически все ходатайствующие стояли на бирже труда, попав под сокращение, и занимались предпринимательством, ожидая работы. Тянулись в город бедняки, погорельцы, те, кого постигла неудача в сельском хозяйстве – большая их часть, надо полагать, прошла через индивидуальный труд. Кустари и ремесленники, которые были в основном также крестьянского происхождения, записавшиеся до революции в мешане, нередко попадали в ранг эксплуататора, лишь только пробовали расширить дело и нанять хотя бы одного помощника, иногда не наживы ради, а по необходимости – за отсутствием помогающих членов семьи и по другим причинам[7]. Патенты разных категорий на частное занятие брали и женщины, как правило, бывшие ранее домохозяйками, необразованные крестьянки, прислуга, прачки, полойки, портнихи, а то и ломовые извозчики, вынужденные зарабатывать себе на жизнь, оставшись без кормильца – вдовы или бро-

шенные жёны; последние чаще всего фигурируют в женских заявлениях, обычно с малыми детьми[8]. Без образования, без родственников, которые чаще всего проживали в деревне, зачастую и без жилья[9], в условиях безработицы у них не было иного выбора, кроме проституции или возвращения в деревню.

Случаи занятия частным предпринимательством людьми других сословий, более образованных, были также нами зарегистрированы, но это единичные случаи – бывшие дворяне, например[10]. Кроме крайней нужды – безработица, инвалидность, невозможность заниматься физическим трудом – в качестве причин обращения к частному предпринимательству был назван соблазн обогащения – в этом каялись некоторые ходатайствующие (разумеется, не все могли сознаться в этом) – оказавшийся для многих весьма призрачным; глупость и неопытность – выправляли патент “на всякий случай” или по другим, не объяснимым с рациональной точки зрения, причинам; и даже стремление к общественному благу и прогрессу, например, устройство нового для Ярославля производства искусственных вод[11]. Как уже было сказано, доля профессиональных предпринимателей с дореволюционным стажем среди нэпманов, подавших заявления на восстановление в правах была невелика и уменьшалась от губернского к уездному уровню. Подавляющее большинство просителей занимались индивидуальной деятельностью от нескольких месяцев до нескольких лет (или сезонов) – в среднем 3-4 года. Это говорит о значительной текучести нэпманского состава, который постоянно менялся. Уходили из частного предпринимательства при неудачном исходе дела в сельское хозяйство, на биржу труда, перебиваясь чем придётся: домашним изготовлением пуговиц, всевозможной утвари и т. д. При столкновении с законом люди теряли не только имущество, но и свободу, будучи отправляемы на исправительные работы, что являлось непоправимым ущербом для социального статуса осуждённого и без того пониженного частной деятельностью. В лучшем случае преобразовывали свое предприятие в кооперативное или находили другую работу через биржу труда. Податели заявлений были в большинстве представителями мелкого предпринимательства – мелочной торговли 1-го и 2-го разрядов из пяти возможных на разнос, с рук, из ларьков и со столов съестными припасами, валенками и др.; мелкого полукустарного производства: сапожного, кузнечного, колбасного и др., по личному патенту; частного извоза; владения мелкими заведениями типа чайных, столовых, парикмахерских и т. д. Образование обычно ограничивалось в лучшем случае курсом городского училища или церковно-приходской школой, чаще это было практическое обучение ремеслу, при этом грамоте учились само-

стоятельно или у соседей. Было немало и неграмотных. Средства на развитие обычно занимали или брали товары в кредит, использовали сбережения, распродала крестьянское хозяйство или вещи – на незаконные пути в этом виде источника указаний нет. Заявления на восстановление в гражданских правах подавались, как правило, после завершения предпринимательской деятельности, причинами чему был в большинстве случаев её крах; затем следует получение долгожданной работы, пусть даже временной, а с ней и продуктового пайка; изредка указывались моральные соображения; со стороны женщин – новое замужество. Причинами неудачи предприятия чаще всего были названы: отсутствие опыта, налоговый пресс – виновные в неуплате налогов отправлялись на исправительные работы, если сумма от проданного на торгах имущества не покрывала долг, а также попытки сокрытия доходов от обложения, что заканчивалось заключением, но такие случаи единичны[12].

Заявления нэпманов дают богатый материал для изучения их оценочных суждений. Можно выделить несколько основных направлений и типов суждений и оценок, направленных на достижение главной цели – удовлетворения ходатайства. Достичь этого возможно было в том случае, если всеми средствами отделить себя от буржуазии. Её обычно именовали “имущий класс”, “настоящие торговцы” – более лояльно, или с усиленным отрицательным значением: “эксплуататоры”, “нетрудовой/вражеский/чуждый элемент”, “буржуй”[13]. Слово “вынужден [заниматься предпринимательством – Н. К.]” содержится почти в каждом заявлении. Методом отделения себя от “чуждого элемента” чаще всего являлась апелляция к своему происхождению: крестьянскому, рабочему, или же просто “из трудящихся”, причём практически всегда подчёркивалось отсутствие собственности у указанного слоя: если кустарь – то непременно “бедный”. В случае с наличием дворянского происхождения прибегали также к имущественному фактору и описанию причины получения предками, или самим заявителем, дворянства – заслуги перед обществом, например[14]. Фактор продолжительности занятия частным предпринимательством также занимал одно из важных мест в обосновании прошений, поскольку, как было уже сказано, срок патентов у большинства подателей заявлений был невелик. В преобладающем количестве ходатайств утверждается “непродолжительное” время, с усилением значения написанного словами “только лишь...” и “всего-то...” – далее идёт указание срока занятия. В низких оценках своего предприятия – “жалкое”, “мелочное” – отражалась реальность, а вместе с этим подчёркивалось отрицательное отношение к частной деятельности. Менее значимый метод “самоотстранения” от “чуждого” заключался в очернении “настоящих”

нэпманов, которые представлены совсем “другими” – стремящимися к собственности хищническими способами: “...набивая свои до пят карманы барышами от продажи по баснословным ценам...”[15]. То, что подобные высказывания зарегистрированы в небольшом числе заявлений, может косвенно указывать на вполне умеренную степень враждебности мелкой буржуазии и просто широких слоёв горожан по отношению к имущим слоям нэпманов. Такой вывод может быть правомерным, учитывая влияние официальной пропаганды, в результате которого следовало бы ожидать более масштабных нападков. Были и такие, кто не сомневался в том, что их заявление будет удовлетворено - это наиболее неимущие или попавшие в лишенцы по ошибке. Они не всегда прибегали к методам “самоотстранения”, действуя прямо противоположно: они не просили, а требовали справедливости: не лишать их работы и хлеба: “...не нужны мне избирательные права, я и раньше ими не пользовалась... верните мне паёк...”[16], “...почему меня лишают работы за какие-то 2 года торговли...”[17]. Наблюдается и другая крайность - униженные просьбы о снисхождении, которые мотивировались обычно голодом[18]. Взаимосвязи их авторства с определённым социальным положением на момент подачи заявления обнаружить не удалось. Многие не находили ничего предосудительного в индивидуальном занятии, по крайней мере в момент перехода к нему, заверяя в заявлении в том, что вполне осознают теперь свою прежнюю безграмотность, темноту и некультурность, а также неопытность, заразительность чужого примера или просто незнание[19]. Характерно признание: “...не знала, что люди, имевшие патент ничто, а как узнала так и сдала – я чуждым элементом не хочу быть...”[19]. Поняли, что плохо, хотя причины этого не уяснены в данном случае.

Многие заявители не имели возможности отделить себя от “чуждого элемента”, но их автобиографии содержат не менее широкий спектр суждений. Это те, кто имел частные предприятия до революции, или более масштабное дело в годы нэпа. Не видя смысла отрицать свою причастность к нэпманам, они вынуждены были действовать иными средствами. Они признавали правильность принятых к ним мер, характеризуя свою деятельность как “ошибку” и не отрицая свою “вину”. Но ряд подателей заявлений расценивали эти меры как “слишком суровые”, иногда призывая разобраться в причинах обращения к частной деятельности[20]. В таких заявлениях содержатся различные оправдания и выражается лояльность к советской власти также в различных формах. В первую очередь, это отречение от прежней деятельности, представленное как результат осознания её отрицательной сущности. Во-вторых, отстранение от неё, мотивированное “чуждостью капиталистическо-фабричной

деятельности”: “...в душе мы не торговцы, всем существом за Советскую власть...”, “...торговое дело меня морально тяготило...”[21]. Выражалась неприязнь к родственникам-нэпманам[22]. Заявления содержат и несколько иные оценки. В них также выражалась лояльность к власти, но менее сдержанно. Например, посредством того факта, что, будучи нэпманом, ходатайствующий исправно работал, платил налоги – иными словами, напоминая о своей легитимности[23]. Одно из заявлений содержит такую смелую фразу: “...предполагаю, что советская власть пойдёт мне навстречу в виду того, что и сама власть в это время на ошибках учится...”[24]. “Бывшие”, не занимавшиеся предпринимательством после революции, взывали к здравому смыслу: “...при капитализме это не было плохо...делал это без всякого умысла...то, что я занимался торговлей до 1917 г. не может лишить меня прав...”[25]. В целом частное предпринимательство в заявлениях не оценивало свою деятельность положительно, что вполне понятно, учитывая цели написания прошений. Некоторые вообще воздерживались от суждений. Но все же заявления лишенцев отражают определённый спектр мнений и настроений среди части нэпманов – от сдержанных высказываний до резкого осуждения и стремления снять с себя “пятно”, “грязное и позорное ярмо”, вернуть “честное имя” и приступить к “честному труду”[26]. Такие характеристики индивидуального образа жизни и труда как “бесчестного” прочно входили в сознание обычных горожан. Это представляется одним из результатов воспитательной практики лишения.

Вызывают интерес также результаты ходатайств – они содержатся в выписках из протоколов заседаний избирательной комиссии, приложенных к каждому делу и являются косвенным показателем отношения местной власти к мелким нэпманам. Для восстановления в правах был необходим стаж “общественно-полезного труда” в течение 5-ти лет после завершения частной деятельности, поэтому причина большинства отказов мотивировалась тем, что указанный срок не истек. Отказывалось в восстановлении прав также членам семей нэпманов в тех случаях, если комиссия убеждалась в фиктивности разводов – недавний срок регистрации, продолжение совместного проживания, или в материальной зависимости ходатайствующего от своего супруга-индивидуалиста, или же в нелояльном отношении к советской власти (в этом случае было достаточно доноса). Соотношение между решениями в пользу нэпманов-просителей и отказами было примерно равное, что может свидетельствовать о преобладании здравого смысла над бесчеловечным законодательством в принятии решений, если учесть, что лишение прав по ошибке происходило в единичных случаях, а в остальном

вполне соответствовало требованиям. Из этого можно заключить, что отношение к мелкому городскому предпринимательству властей Ярославля и уездных городов в годы нэпа было более или менее толерантно.

В заключении следует отметить, что заявления лишенцев освещают наименее имущий, и в то же время наиболее многочисленный слой мелких городских нэпманов, внося в сложившиеся представления об этой группе значительные коррективы. Частное предпринимательство предстает перед нами не столько сферой обогащения, сколько зыбким, но спасительным островком, помогавшим людям в сложных условиях обрести средства к существованию. Более того, можно считать эту сферу своего рода “перевалочным пунктом” для миграционных потоков из деревни в город и из одного социального слоя в другой. В целом этот вид источника дополняет, вернее, наполняет статистические данные более “живым”, реальным содержанием.

1. Например: Лишение избирательных прав в Москве в 1920-30-е гг. М., 1998.
2. Golder F. A., Hutchinson L. On the Trail of the Russian Famine. Stanford, 1927. PP. 227-228.
3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд городского Совета Р-2423. Опись 1 “Инструкции о проведении выборов в Совет, протоколы и выписки из заседаний ВЦИК, Ярославского горисполкома, райисполкомов и волисполкомов, районной избирательной комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев и раскулаченных за 1917 - 20, 1922-37, 1942 гг.”.
4. ГАЯО. Ф. Р-2423. Опись 2 “Коллекция дел о лицах, лишенных избирательных прав и раскулаченных 1917-1937 гг.”.
5. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 40. Л. 47.
6. Женщин среди частников вообще было меньше, чем мужчин. Вероятно, оказывало влияние то, что даже в городах в то время преобладали большие семьи с большим количеством детей, в которых женщины традиционно не работали, а занимались домашним хозяйством.
7. См. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1., Д. 9, 6, 15, 16, 30, 40, 57, 77, 96, 97, 119, 182, 215.
8. Там же.
9. Там же.
10. Надо указать на дефицит жилья в Ярославле — после мятежа 1918 года люди ютились где придется, съём угла был типичной практикой.
11. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 30. Л. 145.
12. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 119. Л. 327.
13. Например: ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 215. Л. 49.
14. Например: ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 289, 152, Д. 40. Л. 7 и др.

15. ГАЯО. Ф. Р. 2423. Оп. 1. Д. 40. Л. 145.
16. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л.289, 231.
17. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 55.
18. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1Д. 77..Л.151.
19. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 165, 24.
20. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 192, 165, 31.
21. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 152.
22. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 40. Л. 48.
23. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. 231, 49, 340.
24. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 90.
25. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 77. Л. 56.
26. ГАЯО. Ф. Р-2423. Оп. 1. Д. 30. Л. 108.

С. А. Гвоздев
*Ярославский государственный
педагогический университет*

“Дело Берия”: официальная версия и общественные настроения (1953 г.)

Низвержение Лаврентия Берия летом 1953 г. стало первым крупным политическим кризисом после смерти Сталина. По сей день остаётся малоизученным общественный резонанс, вызванный событиями на кремлёвском Олимпе. К этому сюжету на достоверном архивном материале обращался Р. Г. Пихоя, ограничившись, впрочем, сведениями из Архива Президента Российской Федерации [1]. Материалы Российского Государственного архива новейшей истории и бывших региональных архивов КПСС позволяют существенно расширить и уточнить общую картину, оценить вызванную этими событиями общественную реакцию.

Берия был арестован 26 июня 1953 г. Ни одна газета страны на следующий день имя министра внутренних дел не упоминала, его не было в перечне руководителей партии и правительства, присутствовавших в Большом театре на премьере оперы Ю. А. Шапорина “Декабристы”. 2-7 июля состоялся пленум ЦК КПСС с одним вопросом: “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия”. То, что вчерашний верный соратник Сталина оказался “врагом Коммунистической партии и советского народа”, да ещё действовавшим “в интересах иностранного капитала”, изумлённые обыватели узнали из информационного сообщения, опубликованного в “Правде” 10 июля 1953 г. Партноменклатуру информировали шире: 8 июля постановление пленума ЦК КПСС было разослано в региональные партийные комитеты, а через них и в местные партийные органы (горкомы и райкомы) для обсуждения на пленумах и так называемых собраниях актива. 15 декабря ЦК КПСС разослал по регионам текст обвинительного заключения Прокуратуры СССР по делу Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского “для ознакомления с ним партийного и советского актива”. Содержавший шокирующие подробности документ рассылался в ограниченном количестве экземпляров: в ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов непосредственного подчинения - по 15 экземпляров, в обкомы, подчинённые ЦК компартий союзных республик - по 10 экземпляров, в горкомы областных, краевых и республиканских центров - по 3 экземпляра, в другие горкомы по 2 экземпляра, и в горрайкомы (районные пар-

тийные комитеты областных городов) - по одному экземпляру. В сельские райкомы текст обвинительного заключения не высылался: партийный и советский актив сельских районов “знакомили” с текстом непосредственно в обкомах, не пересылая материалы в районы, командный и политический состав армии и флота - в соответствующих политических органах[2]. Для всеобщего сведения 18 декабря в газетах появилось сообщение Прокуратуры СССР об окончании следствия, а спустя несколько дней, 24 декабря 1953 г. был опубликован приговор так называемого Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Строчкой ниже сообщалось о приведении его в исполнение.

Опубликованную к настоящему времени стенограмму июльского пленума ЦК КПСС можно рассматривать как своеобразный срез мнений и настроений партийно-государственной верхушки летом 1953 г. Обращает внимание прежде всего настойчивое стремление членов Президиума ЦК КПСС убедить собравшихся в монолитности, единстве, сплочённости “коллективного руководства”, отсутствии у его членов сколь-нибудь серьёзных разногласий. Об этом говорили все: Маленков, Хрущев, Молотов, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов. Помимо обычных заклинаний о коллективности и сплочённости как высшем принципе руководства, члены Президиума приводили примеры тёплых товарищеских отношений друг к другу. Особенно впечатляющие картины взаимной любви и доверия рисовал Н. А. Булганин, обращаясь к коллегам на “ты”, именуя их попросту - “Георгий”, “Никита”, вспоминая эпизоды интимных встреч и откровенных разговоров. Паршивой овцой в этом тесном круге друзей-товарищей выглядел один Берия. Список прегрешений арестованного злодея был чудовищен, а характер оценок не оставлял сомнений - не наш человек. “Он не был коммунистом” (Хрущев); “большой матёрый международный авантюрист, международный агент и шпион” (Булганин); “человек из антисоветского лагеря”, “агент империалистов”, “забрался в наш боевой штаб и долго сидел там притаившись” (Молотов); “контрреволюционный фашистский заговорщик”, “шпион международного масштаба” (Каганович); “тип коварного, хитрого врага, тип законченного авантюриста, интригана, умевшего ловко войти в доверие вождя” (Ворошилов), и т. д.[3] Новые краски к портрету “законченного мерзавца” добавило выступление секретаря ЦК Н. Н. Шаталина, содержавшее подробные свидетельства морального разложения Берия, вплоть до перечня обнаруженного в его кабинете женского белья, писем интимного содержания и списка любовниц.[4] Таким способом Берия выводился за рамки системы, а это давало возможность все грехи и преступления последних лет Сталина, как и некоторые непопуляр-

ные деяния первых послесталинских месяцев, свалить на происки окопавшегося в руководстве негодяя.

Вторая, постоянно звучавшая в выступлениях тема - особая роль партийных органов в советской политической системе. В исторической литературе последних лет появилось мнение, что принцип партийного руководства всем и вся отстаивал на пленуме Хрущев, а в выступлениях Маленкова - сторонника разграничения партийной и государственной власти - тема партийного руководства вообще отсутствовала[5]. Стенограмма пленума свидетельствует, напротив, о трогательном единстве членов Президиума ЦК в понимании руководящей роли партии и её аппарата: им никак не хотелось демонстрировать функционерам хотя бы малейшие признаки разногласий по поводу структуры послесталинской власти. В открывшем пленум докладе Маленков заявлял: "Первый вывод и урок [из "дела Берия" - авт.] касается задачи укрепления руководящей роли нашей партии, повышения партийного руководства во всех звеньях нашей государственной работы". И в заключительном слове он ещё раз повторял, что необходимо "укреплять партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата".[6] Хрущев особо остановился на попытках Берия ограничить роль партии работой с кадрами и пропагандой, предположив, что он думал "совсем партию уничтожить". Ту же мысль развивал Каганович: "Подлец Берия не раз говорил: ЦК должен заниматься только пропагандой и частично кадрами - к этому он сводил роль ЦК. А для нас, старых большевиков, ЦК - это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью партии, страны и государства". Идея расширения функций партийных комитетов была подхвачена республиканскими и региональными партийными секретарями, которым она явно импонировала. "Наша Коммунистическая партия, как известно, является направляющей и руководящей силой советского государства, - заявлял первый секретарь ЦК компартии Украины А. И. Кириченко. - В поле её зрения находятся важнейшие участки коммунистического строительства, под её повседневным контролем работают все государственные, хозяйственные и другие органы". "Партия для нас - всё", - восклицал столичный партийный секретарь Н. А. Михайлов.[7]

Ещё одна, непосредственно связанная с предыдущей и поднимавшаяся почти в каждом выступлении тема - непомерно возросшая роль министерства внутренних дел в структуре власти, его фактическая неподконтрольность партийным инстанциям. Начало было положено докладом Маленкова. Отметив, что "фактически на протяжении уже ряда лет был утрачен действенный контроль партии над органами министерства внутренних дел", докладчик не

только призвал “поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, её руководящих органов, партийных организаций”, но и объявил “строжайший контроль” важнейшей обязанностью партийных комитетов[8]. Эту тему не обошёл ни один из выступивших членов Президиума ЦК; душевраздирающие картины наглого игнорирования управления МВД партийных органов изображали секретари ЦК союзных республик и обкомов. Приводили факты слежки, запугивания, необоснованных арестов, были искренни и единомышленны. Впервые так явно проявился долго скрываемый страх высших партфункционеров перед безжалостной и бесконтрольной карательной машиной, неприкрытая ненависть к разнуждавшимся “чекистам”, которые, по выражению секретаря Ленинградского обкома В. М. Андрианова, “держали больше в страхе не врагов, а честных людей и даже руководящие органы”[9].

Стенограмма пленума отражает и возникшие в партийной среде сомнения в целесообразности некоторых акций послесталинского руководства. Упрёки носили завуалированный характер, обязательно сопровождалась комплиментами в адрес ЦК и его Президиума; виновником содеянного назывался Берия - тем не менее недовольство было очевидным. Несколько раз в выступлениях всплывало “дело врачей” и последовавшее затем их публичное оправдание. После заявления Хрущева: “Возьмите дело “врачей-вредителей”. Это позорное дело для нас”, - ни у кого из присутствовавших не нашлось бы смелости сказать, что не надо было их освобождать. Несогласны были с их громогласной реабилитацией. “В самом деле, взять всем известный вопрос о врачах, - говорил на пленуме секретарь ЦК Н. Н. Шаталин, - Как выяснилось, их арестовали неправильно. Совершенно ясно, что их надо освободить, реабилитировать и пусть себе работают. Нет, этот вероломный авантюрист добился опубликования специального коммюнике министерства внутренних дел, этот вопрос не все лады склонялся в нашей печати и т. д. Надо сказать, что всё это на нашу общественность произвело тягостное впечатление. Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу”[10]. Такое же недовольство звучало и по поводу проведённой по инициативе Берия амнистии. Начал сам Маленков: “Мы считали и считаем, что эта мера по амнистии является совершенно правильной. Но раскрыв теперь подлинное лицо Берия, мы приходим к заключению, что он подходил к этому мероприятию со своих позиций, он имел свои планы на этот счет. Факты показывают, что он проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил контингенты, которых не надо

было освобождать, например, вовсе не надо было освобождать воров-рецидивистов". "Возьмите вопрос об амнистии: освобождение воров и рецидивистов - это удар по общественному порядку в стране", - продолжал эту тему Булганин. Каганович добавлял новые детали: "Мы все стояли за то, чтобы выпустить мелких воришек, и тем более сидевших за прогулы и другие мелкие преступления, но он, Берия, несмотря на то, что в первом проекте не было воров-рецидивистов, бандитов, он настаивал и добился включения всех - и воров-рецидивистов и других злостных преступников. Теперь ясно, что он это делал для того, чтобы, выпустив их, получить с них расписку в верности и использовать их потом для своих подлых дел". Заметно стремление политической верхушки откреститься от непопулярной акции, приписать ее целиком поверженному злодею - чтобы повысить собственный авторитет в глазах партийных секретарей, отвечавших за правопорядок в своих регионах и недовольных амнистией. Об этом, кстати, они говорили и на пленуме. "Были выпущены отъявленные головорезы, даже без всякой элементарной подготовки со стороны органов милиции, - сообщал секретарь Ленинградского обкома КПСС Андрианов. - Как только появились в городе эти лица - заработали кинжалы. Создалось тревожное положение среди населения. И безусловно справедливые пошли жалобы и в местные органы, и в Правительство, и в Центральный Комитет". И только в выступлении Ворошилова указ об амнистии назывался "до известной степени актом полезным". Ворошилов напомнил, что суды выносят не в меру жестокие приговоры за пустяковые преступления и даже простые проступки большому количеству людей. "Амнистия в основном и относится к этой категории правонарушителей, - заявлял он. - О жуликах и уголовниках рецидивистах за последнее время излишне много говорят. Много говорят и особенно пишут в анонимных и подписанных письмах об убийствах, насилиях и пр. в связи якобы с амнистией. Однако, когда наводишь справки у ответственных работников тех мест, откуда поступают тревожные сообщения, оказывается, что ничего подобного...на деле нет"[11]. Ворошилов в данном случае более всего заботился о собственной репутации - его подпись стояла под Указом Президиума Верховного Совета.

Разоблачения Берия - ближайшего "соратника" покойного вождя - неизбежно затрагивали и самого Сталина. Оценки роли Сталина, отношение к его наследию стали предметом самых острых разногласий, причём среди самих членов "коллективного руководства". Поначалу явно ощущалось стремление отложить разговор о Сталине до лучших времён или ограничиться указанием на его ошибки последних лет, вызванные слабым здоровьем и дурным

влиянием Берия. В докладе Маленкова Сталин именовался “великим вождём и учителем”, “великим продолжателем дела Ленина”, говорилось о “ленинско-сталинском пути”, по которому идёт страна - словом, сохранялась привычная для партийных ушей риторика. О “культе личности” в докладе ничего не говорилось. Однако Маленков напомнил собравшимся выступление Сталина на пленуме ЦК 16 октября 1952 г., сразу после XIX партийного съезда: “под влиянием клеветнических наветов со стороны вражеских элементов из министерства внутренних дел” Сталин дал тогда “неправильную, ошибочную характеристику” Молотову и сделал “неправильные замечания” в адрес Микояна. Влиянием Берия, который “очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина”, а также физическим состоянием вождя (“В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое”) объяснял ошибки последних лет Хрущёв. Полностью обошли эту тему Молотов и Булганин. Зато в выступлении Кагановича она получила новый и неожиданный оборот. “Старого большевика” возмущало забвение дорогого имени (“Сталин постепенно стал сходить со страниц печати”), разговоры о “культе личности”. “Верно, что был перегиб в смысле культа личности, и товарищ Сталин сам нас упрекал, - вешал Каганович, - но это не значит, что мы должны сделать крутой перегиб в другую сторону, в сторону замалчивания таких вождей как Сталин”. Объявляя виновником всех этих извращений Берия, Каганович заключал: “Сегодня, ликвидировав этого предателя Берия, мы должны полностью восстановить законные права Сталина и именовать Великое коммунистическое учение - учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина”. Последнее предложение вызвало аплодисменты зала. Оригинальную версию происхождения “культа” придумал А. И. Микоян - его создавали соратники, а Сталин был категорически против. “Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так и шло, - невразумительно толковал Микоян. - Нужно подойти к роли личности по-марксистски. Но, как оказалось, Берия хотел подорвать культ личности товарища Сталина и создать культ собственной личности”. Последнее высказывание вызвало смех в зале. Но, безусловно, самой очевидной апологетикой Сталина отличалось выступление А.А. Андреева, к тому времени занимавшего должность члена Президиума Верховного Совета СССР, однако имевшего богатый послужной список в качестве бывшего председателя Комитета партийного контроля и активного участника сталинского террора. Под

предлогом критики Берия "старый цекист" выражал негодование по поводу действий послесталинского руководства. "Я не сомневаюсь, - заявлял Андреев, - что под его [Берия - авт.] давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине". Стенограмма фиксирует голоса из зала: "Правильно". "Появился откуда-то вопрос о культе личности, - продолжал Андреев. - Почему стал этот вопрос? Ведь он решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, знают, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия". Ворошилов "откликнулся" на это заявление из президиума пленума: "Правильно". Осечка вышла в одном: когда Андреев заявил, что происки Берия направлены "и против преемника товарища Сталина товарища Маленкова", сам Маленков отказался от почетного звания: "Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет". Сильные слова в защиту "священного для нас, коммунистов, для всего нашего народа" имени произнес министр металлургической промышленности И.Ф. Тевосян. "Я хотел бы обратить внимание... что после смерти товарища Сталина стало постепенно исчезать имя товарища Сталина из печати... Вчера, из выступления товарища Кагановича мы узнали, что этот мерзавец Берия возражал против того, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина, называть имя товарища Сталина. Вот до чего дошёл этот мерзавец. Имя нашего учителя, товарища Сталина, - восклицал темпераментный министр - навсегда останется в сердцах членов нашей партии и всего народа, и никаким берия не удастся вырвать его из нашего сердца". Призывы Тевосяна также сопровождались аплодисментами и выкриками: "Правильно"[12]. Дифирамбы Сталину, а главное, несомненная положительная реакция на них участников пленума, побудили Маленкова выступить с неожиданным заключительным словом. "Здесь на пленуме ЦК говорили о культе личности и, надо сказать, говорили неправильно, - заявил он. - Я имею в виду выступление т. Андреева. Подобные же настроения на этот счёт можно было уловить и в выступлении т. Тевосяна". Маленков предпочёл не заметить подобные настроения у Кагановича и других членов Президиума ЦК, очевидно, не желая разрушать образ коллектива единомышленников. Однако о покойном высказался вполне определённо: "Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в высшем звене руководства вовсе от-

существовала”. Приводя конкретные примеры “уродливых проявлений культа личности” (необоснованная политическая дискредитация Молотова и Микояна, повышение налогообложения и без того нищей деревни, решение о строительстве Туркменского канала, теоретические ошибки предсмертного труда Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”), Маленков полностью обошёл тему репрессий. В качестве гарантии против произвола очередного “вождя” он ещё раз выдвинул принцип коллективности, заявив: “Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника”[13]. Примечательно, что и заключительное слово Маленкова постоянно прерывалось бурными аплодисментами и голосами “Правильно” - высший номенклатурный эшелон понял, что от него требуется и спешил подтвердить свою лояльность. Принятое пленумом постановление было составлено в обтекаемых формулировках партийного “новояза” и свидетельствовало о нежелании партийного ареопага привлекать внимание к сталинской теме. Говорилось о “значительных ненормальностях” в деле соблюдения ленинских партийных норм, о том, что не была обеспечена коллективность в работе, что “партийная пропаганда сбивалась нередко на культ личности”, и т.п. Показательно, что имя Сталина в этом контексте вообще не упоминалось. Специально записали, что коммунистической партии “безраздельно принадлежит руководящая роль в социалистическом государстве”. Подробно перечислили “преступные действия и вероломные замыслы” Берия как агента международного империализма, в числе которых на первом месте оказалось стремление поставить МВД над партией и правительством, использовать органы внутренних дел против партии и ее руководства, против правительства СССР. В числе главных уроков, которые следовало извлечь из “дела Берия”, называлась необходимость укрепления партийного руководства во всех звеньях партии и государственного аппарата и строгого соблюдения принципа коллективности. Партийным инстанциям всех уровней вменялось в обязанность “взять под систематический и неослабный контроль всю деятельность органов Министерства внутренних дел в центре и на местах”[14].

Решение июльского пленума ЦК усиливало роль партийных комитетов в системе власти, гарантировало партноменклатуре безопасность, позволяло поставить на место карательные органы. Центральное место на пленумах региональных и местных партийных комитетов заняла критика органов внутренних дел, о чем свидетельствуют стенограммы, соответствующие справки и информации. На состоявшемся 11 июля 1953 г. пленуме Ярославского обкома КПСС первый секретарь обкома В. В. Лукьянов отмечал: “Пар-

тийные работники обкома, горкомов и райкомов партии знают, что наши работники МВД, МГБ всегда загружены, что они делают какие-то свои весьма секретные дела, о которых очень редко докладывают. Мы не знаем, сколько они вскрыли действительных врагов социалистического государства, об этом они редко докладывали, а если и докладывали, то только первым секретарям. Это, они считали, не дело партийных органов". Особо возмущало докладчика стремление Берия давать задания местным органам МВД контролировать партийные органы, фабриковать лживые материалы на партийных работников. В заключение секретарь обкома заявлял, что партийные органы "должны знать всю деятельность МВД": кого арестовывали, правильно ли вели следствие, и т. п. В последовавших затем выступлениях критика органов внутренних дел, а попутно прокуратуры и судов приобрела крайне ожесточённый характер: бездельники, пьяницы, преступники, насильники[15].

Заданные на пленумах горкомов и райкомов КПСС вопросы затрагивали две основные темы. Первая была вызвана туманными намёками на безымянный "культ личности" и странным исчезновением упоминаний о покойном вожде со страниц печати. Так, участники пленума Калининградского райкома партии (Московская область) спрашивали:

- В чём ошибка в пропаганде культа личности, о каких личностях идёт речь, и в чём конкретно проявлялась пропаганда культа личности?

- Почему в последнее время в передовых "Правды" не приводят цитат и выдержек из выступлений и трудов И. В. Сталина? В передовой газеты "Правда" об итогах партийного просвещения не упоминается даже о труде И. В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР"?

Другую часть волновали прегрешения самого злодея. В Ярославской области на пленумах горкомов и райкомов КПСС возникали такие вопросы:

- Будут ли материалы следствия по делу Берия опубликованы в печати?

- Какими путями Берия намеревался осуществить захват власти?

- Стремился ли Берия отделить Закавказье от СССР?

- Не является ли Берия вдохновителем провокационных действий по избению кадров в 1936-1937 годах? [16]

Последняя формула особенно показательна - ничего не забыли, и повторения боялись. Партноменклатура регионального и местного уровня стремилась уяснить суть происходившего в Москве, правильно отреагировать на требования нового начальства. Ко-

нечно, эти люди были осторожны и связаны рамками карьерных соображений. Гораздо более активно откликнулись на погром Берия рядовые граждане, дополнявшие недостаток официальной информации собственными домыслами. Уже первая реакция на информационное сообщение об июльском пленуме ЦК КПСС показала, что у большинства населения “лубянский маршал” не вызывает никакого сочувствия; наоборот, его крушение было воспринято как признак освобождения от государственного насилия. По сведениям партийных комитетов о митингах, собраниях и беседах, на предприятиях Ярославля рабочие “клеямили позором подлого выродка”, на шинном заводе вытащили из шкафа портрет Берия, “рвали, топтали, плевали не него”; на предприятиях столицы требовали “повесить его публично”, и т. п.[17] С 10 июля по 20 августа в редакцию “Правды” поступило более 300 писем, авторы которых предлагали для поверженного злодея самые суровые кары: “расстрел”, “повесить как собаку”, “смерть паразиту”, “смерть провокатору”, “казнить через повешенье и публично”. Поступило и такое оригинальное предложение: “Его следует посадить в клетку, подобно шакалу, и возить по городам, великим стройкам коммунизма, по заводам, шахтам и колхозам, показывая труженикам его озверелую физиономию”. Чувства авторов посланий отливались и в стихотворную форму. Ветеран войны из Киева сочинил такие гневные строки:

- Позор изменнику!
 Попался б он мне в руки,
 Я не желал бы больше ничего,
 Я уничтожил бы как гадину его,
 Ведь он стране моей готовил горе, муки.
 Проклятый!
 Да свершится приговор!
 Казнить иуду!
 Смерть врагу народа!
 Клейми разгневанная ода -
 На веки-вечные изменнику позор.

Те же настроения - в письме из Днепродзержинска:

- Я не прошу, я требую по праву,
 Стереть с лица земли тебя змею.
 Ты меч поднял на честь мою и славу -
 Пусть он обрушится на голову твою[18].

Писали не только в “Правду”. Группа репрессированных чеченцев и ингушей направила письмо лично Хрущеву. Благодарни-

ли партийное начальство за разоблачение "бессердечного варваралюдоеда" и заявляли: "Мы день раскрытия враждебной деятельности этого страшного зверя считаем днём возрождения чечено-ингушского народа"[19].

Общественная реакция на устранение Берия внешне очень напоминала психопатические настроения по поводу "убийц в белых халатах": тот же легко воспринятый новый "образ врага", те же требования жестокой кары еще до следствия и суда. Выявились и существенные различия. Люди не столько проклинали Берия, сколько стремились выразить свое отношение к наступившим после смерти Сталина переменам, понять происходившее, оценить недавнее прошлое. Заданные на митингах, во время чток и бесед, в письмах во власть вопросы касались нескольких тем. Повсеместно спрашивали, присутствовал ли сам Берия на пленуме ЦК, будут ли его судить открытым судом ? - другими словами, насколько демократичной была процедура его отстранения, в какой степени проинформируют население о конкретных доказательствах его преступлений. Другой вопрос, в разных вариантах также возникавший постоянно и повсеместно, был адресован новому "коллективному руководству", состоявшему из бывших сталинских сподвижников. Почему не разоблачили Берия раньше? Как могло случиться, что столь длительное время его не разоблачили как врага народа? Чем объяснить, что враг народа мог так долго маскироваться? Как могло случиться, что на протяжении длительного времени он занимал такой высокий государственный и партийный пост? В этих сомнениях явно ощущался подтекст: где же были вы, сегодняшние разоблачители, когда Берия совершал свои подвиги? Вопрос о личной ответственности новых лидеров возник в массовом сознании уже летом 1953 г.

Третья группа вопросов была вызвана наступившими после смерти Сталина переменами. Не вызвана ли внезапная смерть товарища Сталина вредительством Берия? Не связан ли Указ об амнистии с вредительской деятельностью Берия - по нему выпустили слишком много головорезов? Какую роль играл Берия в деле с "врачами-вредителями"? Не он ли организовал это дело? Автор письма в "Правду" спрашивал: "Как расценивать сообщение о раскрытии органами бывшего МГБ группы врачей-вредителей, иностранных наймитов и сионистских агентов, и последовавшее затем, после назначения Берия Л.П. на пост министра внутренних дел опровержение и реабилитирование врачей и бывшего народного артиста Михозяса?" Другого волновала судьба "патриотки" Тимашук: "Является ли Лидия Тимашук действительной патриоткой советской родины, оклеветанной подручными врага народа Берия?"[20].

Две последние формулировки обличали явное несогласие их авторов с реабилитацией кремлевских медиков.

Недостаток официальной информации компенсировался всякого рода слухами, в изобретении которых особенно отличались жители столицы. Размышляли о причинах случившегося. "В органах НКВД и МВД кроме Дзержинского все руководители были вредителями", - просвещал своих коллег слесарь Первой образцовой типографии в Москве. Электромеханик из обслуживающего персонала Президиума Академии наук СССР делился интригующими подробностями бериевского заговора: "Когда шла в Большом театре новая опера "Декабристы", там присутствовали все руководители партии и правительства, за исключением Берия. В этот момент он как раз замышлял арест всех членов правительства и готовил взрыв театра. Но все планы Берия были своевременно вскрыты товарищем Игнатьевым (в 1951-1953 гг. министр госбезопасности - авт.)" В данном случае любопытна интерпретация официальных сообщений: Берия действительно не присутствовал на премьере, поскольку уже был арестован; что касается Игнатьева, то он был восстановлен в составе ЦК КПСС и об этом сообщено было публично. Работник управления Метростроя, недовольный освобождением врачей-вредителей, рассказывал: "Врачей, которых раньше освободили, снова посадили, а врача Тимашук убили, чтобы убрать ее с дороги как честного человека. Берия является главным виновником освобождения врачей". Развивая мысли о зловредной деятельности бывшего министра внутренних дел, тот же рассказчик добавлял: "Во время болезни И.В. Сталина в комнате, где он лежал, все время находилась охрана МВД. После смерти И.В. Сталина весь состав его охраны отправили на самолете отдыхать на курорт. При перелете самолет взорвался и весь состав охраны погиб. Все это было сделано по указанию Берия, чтобы замести следы. Берия имел связь с Тито, и хотел завести те же порядки, что и у Тито, опираясь на крестьянство. Проведенная недавно амнистия была в основном для власовцев и уголовников, из которых Берия хотел создать армию и произвести переворот"[21]. Неприятные для кремлевского начальства вопросы, разговоры, слухи и сплетни стали признаком наступивших после смерти Сталина перемен, свидетельствовали о начале избавления от страха, желании по крайней мере порассуждать на запретные ранее политические темы.

Опубликованное в печати 18 декабря 1953 г. сообщение Прокуратуры СССР об окончании следствия сопровождалось иницированными партийными инстанциями митингами и собраниями трудящихся, на которых раздавались громогласные проклятия "изменнической группе заговорщиков" и требования ужасной казни

для них - по январскому сценарию того же года, когда предавали анафеме "врачей-убийц". Согласно информации Ярославского обкома в ЦК КПСС, повсеместно граждане осуждали деятельность Берия "и его банды" в выражениях, заимствованных из официальной пропаганды. Требовали всех повесить или по крайней мере расстрелять[22]. Сведения Главного политического управления Советской Армии и ВМФ об "откликах" личного состава на сообщение Прокуратуры СССР отражают ту же реакцию: "не расстрелять, а повесить"; "собакам - собачья смерть"; "заслуживают самого жестокого наказания - через повешенье" и. т. п.[23] Однако, как и летом, возник целый комплекс вопросов, в очередной раз свидетельствующих о желании людей знать всю правду: будет ли судебный процесс по делу Берия открытым? Почему обвинительное заключение не доводится до сведения всех коммунистов? Будет ли опубликовано обвинительное заключение? Кто вел следствие? В какой связи с преступной деятельностью Берия находится "дело врачей"? Чем объяснить, что большинство разоблаченных врагов народа - грузины? Как могло получиться, что значительная часть преступников являлась работниками МВД?[24]

Представление об общественной реакции на устранение Берия было бы неполным, если ограничиться только справками и информацией, поступившими в ЦК КПСС от партийных комитетов и государственных инстанций. "Антисоветские проявления", вызванные перетряской в кремлевской верхушке, нашли отражение в надзорных производствах Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Большой частью это выкрики в нетрезвом состоянии и в соответствующих местах: буфете, чайной, пивной, у винного киоска или в отделении милиции, куда оратор как правило попадал. Логика высказываний, как следует из материалов уголовных дел, почти одна и та же: ругал правительство - восхвалял Берия. Свидетельствовало ли это о сочувствии поверженному полицейскому шефу? Скорее всего, нет - имя Берия упоминалось, чтобы досадить нелюбимой власти, оскорбить ее побольнее. Типичный пример такого поведения демонстрировал задержанный за хулиганство в станционном буфете школьный счетовод из Ульяновской области - ветеран войны, награжденный орденами и медалями. Согласно сведениям прокурорского надзора он "ругался матом, а потом стал восхвалять врага народа Берия и изливать матерщину по адресу руководителей партии и Советского правительства, заявляя: "Вы съели Берия, а меня (нецензурное слово) съедите. Я (нецензурное слово) вас, вашу партию и правительство вместе с (при этом стал перечислять по фамилиям руководителей партии и Советского правительства)". После этого вскочил со стула, схватил

со стола бьют В. И. Ленина и размахнувшись, с силой ударил его о стол, разбив его на две части. Перед тем, как разбить бьют В. И. Ленина, ... выругался нецензурными словами и заявил: “Вот вам!”[25]. Встречались и более внятные интерпретации случившегося. Поэт М. М. Вершинин, автор слов известной тогда песни “Москва-Пекин” и сценария фильма “Битва за Кавказ”, прославлявшего Берия, говорил, что это дворцовый переворот, называл поверженного министра “железным канцлером”, который держал в руках правительство и пал жертвой завистников[26]. В основе другой версии лежали национальные мотивы: в Москве все руководители русские, Берия один был грузин, и как умер вождь, так его и посадили. Заведующий одной из столичных стоматологических клиник, грузин по национальности, заявлял, что народы Закавказья, особенно грузины, не верят в то, что Берия был врагом народа и справляют по нём траур. Если бы он захотел, то мог бы, будучи министром внутренних дел, быстро, без шума убрать членов правительства, но он этого не сделал, а арестован он потому, что члены правительства боялись его популярности[27]. Впрочем, такого рода рассуждения носили единственный характер. “Железный Лаврентий” не мог рассчитывать на сочувствие обиженных властью. В последующие годы его имя если и поминалось в крамольных разговорах, то исключительно в отрицательном контексте, особенно когда ругали Хрущева и хотели подчеркнуть, что он и его окружение такие же злодеи: “Вы не верьте Хрущеву, это осколок Берии, они живут как капиталисты”; “Вы есть те же кровопийцы, что был и Джуга [Сталин - авт.] и Берия”; “Раньше при Сталине и Берии не разрешали народу говорить правду, а сейчас при Хрущеве стало ещё хуже”[28].

В исторической ретроспективе погром Берия воспринимается как генеральная репетиция последовавших на XX съезде КПСС разоблачений Сталина. Уже тогда, летом-осенью 1953 г. выяснилось, что расчистка авгиевых конюшен сталинского режима может больно ударить по её организаторам. Если Берия можно было вывести за рамки системы - демонизировав его образ и объявив проходимцем и преступником чуть не с самого рождения, то в отношении Сталина проделать такую процедуру было куда сложнее. В любом случае следовало ожидать бурной и противоречивой общественной реакции. Необходимость преодоления одиозного сталинского наследия и боязнь возможных последствий определили, вместе с личным соперничеством и столкновением интересов различных групп внутри правящей элиты, своеобразную политику “коллективного руководства” в недолгие годы его существования.

1. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1941-1991. Изд. второе, испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 110-113.
- 2 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 149-150.
- 3 Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигагачев. М., 1999. С. 232, 257, 245, 254, 246, 272, 276, 334.
- 4 Там же. С. 317-318.
- 5 Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 101-102.
- 6 Лаврентий Берия. 1953. С. 226, 354.
- 7 Там же. С. 233, 285, 164, 180.
- 8 Там же. С. 227.
- 9 Там же. С. 332.
- 10 Там же. С. 316.
- 11 Там же. С. 224, 257, 278, 331, 336.
- 12 Там же. С. 219-220, 224, 229, 236, 283, 284, 309, 334, 335, 344-345, 209.
- 13 Там же. С. 350, 353.
- 14 Там же. С. 367, 368-370, 371.
- 15 Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 272. Оп. 226. Д. 645. Л. 8-9, 10, 16, 47-49, 67-68, 74, 86.
- 16 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 20; ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 727. Л. 162-163.
- 17 ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 766. Л. 26, 28; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 4.
- 18 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 140-141, 142.
- 19 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 117, 119.
- 20 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 12, 13, 138, 139; ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 766. Л. 26, 30, 31.
- 21 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4. Л. 21.
- 22 ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 727. Л. 217-228.
- 23 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 146.
- 24 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 146-147, 161.
- 25 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953-1991. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 206.
- 26 Там же. С. 228.
- 27 Там же. С. 218, 213.
- 28 Там же. С. 325, 329, 331, 357.

А. В. Еремин
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Государственно-церковные отношения в современной России (проблемы и перспективы)

С изменением подходов к вопросам религии в конце 80-х годов изменилось и положение РПЦ. Её влияние на общество возросло, священнослужители получили право вести активную социальную деятельность. Российское законодательство в религиозной сфере обеспечило свободу существования РПЦ как влиятельного социального института. Вместо законодательства о религиозных культах (1929 г.) [1] был принят Закон СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях», а затем Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий». Изменения в религиозной сфере были закреплены в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. В статье 14 Конституции РФ подчёркивается, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а все «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [2]. В государственно-церковных взаимоотношениях произошли безусловно положительные изменения. Однако законодательная база всё же не была чёткой. Окончанием её формирования явился Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый Государственной Думой РФ 19 сентября 1997 г. Несмотря на недостатки некоторых статей Закона, размытость формулировок и возможность их различного толкования, принятый документ в целом детально определял многие аспекты различных вопросов государственно-церковных взаимоотношений, характеризовал как права граждан РФ, так и многие сферы общественной, государственной жизни в контексте отношений с религиозными объединениями. В результате сформированной законодательной базы Церковь стала самостоятельным социальным институтом, который взаимодействует с другими общественными институтами с помощью законодательства на принципах гражданского общества. Юридически РПЦ встала в один ряд с другими конфессиями. Однако в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» отмечалось наибольшее значение православия в истории и культуре России [3]. Российское государство признавалось светским. Однако, светское не означает безрелигиозное, а Церковь отделилась от государства, а не от общества. Фактически РПЦ остаётся ведущей конфессией. Она влияет и во многом

определяет общественную стабильность в России. Церковь выступает в качестве духовно-нравственной силы в обществе. Согласно своей социальной миссии, Церковь является умиротворяющим началом во всех взаимоотношениях современного мира – межлических, социальных, политических, межгосударственных, межэтнических и т. д. Церковь ищет пути к диалогу, к миру и гуманности. Так, например, она выполняла посредническую миссию во время политического кризиса в сентябре – октябре 1993 г. и искала выход из него мирным путём [4]. Осуждала «братоубийственную брань» во время чеченской кампании [5]. Церковь выступала за урегулирование конфликтов в Приднестровье, Нагорном Карабахе, бывшей Югославии и других горячих точках ближнего и дальнего Зарубежья. Руководствуясь библейскими заповедями, Церковь отстаивает право каждого человека и каждой нации на самоопределение, на достойную жизнь и процветание. Она выступает против насилия и беззакония. Церковь вправе осудить любое государство, в том числе и российскую власть за действия, которые противоречат принципу мира и гуманности. Православная Церковь ищет пути к сотрудничеству с другими, в первую очередь традиционными, конфессиями РФ, несмотря на ряд вопросов, которые их разъединяют. По инициативе Московского Патриархата устраиваются конференции, где представители разных вероучений пытаются придти к взаимопониманию. Так, в Москве в марте 1993 г. в Российской Академии Государственной Службы состоялась конференция «Религия, национальное согласие и возрождение России». В ней приняли участие представители Русской Православной Церкви, мусульман, католиков, протестантов, иудеев, буддистов, кришнаитов. Присутствовали представители СМИ и учёные. В ноябре 1994 г. в Москве, в Свято-Даниловском монастыре, прошла международная богословская конференция «Единство Церкви». Участвовали теологи из России, Франции, Польши, Румынии.

В истории России не было места национальным конфликтам на почве конфессиональной принадлежности. Богатый опыт сотрудничества с другими конфессиями, и прежде всего со второй по величине в России – мусульманской, позволяет обеспечивать стабильность в современном российском обществе. В этом плане показательны заявления Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и лидера мусульман Чечни муфтия А. Мухаммад – Хусейна 15 декабря 1994 г. в Свято-Даниловском монастыре. Представители двух ведущих конфессий отвергли возможность перерастания чеченского конфликта в христианско-мусульманское противостояние [6]. РПЦ пытается выступать в роли «миротворца» и в политической сфере. Церковь не только призывает политиков к благоразу-

мию и осуждает действия, противоречащие миру и нравственности, но и сама активно пытается искать пути к взаимному сотрудничеству всех политических сил страны, сглаживая социальные противоречия. В этом плане весьма показательны встречи с ведущими политическими деятелями. РПЦ патронирует такие политические движения, как Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС), Российское Земское Движение (РЗД), на съездах которых присутствуют представители разных политических сил. По инициативе Московского Патриархата был создан Союз Православных Граждан (СПГ), куда так же вошли различные политические деятели.

Русская Православная Церковь в 90-е годы активно сотрудничала с властью во многих сферах: в образовании, в области национальной безопасности, в армии и др. Активная социальная деятельность Церкви соответствует её социальной миссии и предназначению, сформулированному православными богословами. РПЦ - ведущая конфессия, и к её мнению прислушивается большинство граждан России. Поэтому многие политические силы хотели видеть Церковь в качестве союзника, однако РПЦ аполитична. Поддерживая власть, так как «нет власти не от Бога», она контактирует со всеми политическими силами, в том числе и радикальными, тем самым пытаясь выступать в роли арбитра. Часто за это Церковь необоснованно обвиняют в сотрудничестве с национал-патриотами, коммунистами. Однако Церковь верна себе. Она соответствует главному принципу своей социальной миссии в обществе – единение народа на принципах любви и мира, утверждение в обществе православных ценностей, которые сами по себе нравственны и гуманны. Часто РПЦ критикуют за нарушение существующего законодательства. Утверждается, что фактически Церковь остаётся религией № 1. Во всех сферах общественной и государственной жизни её социальная деятельность является ведущей. Делается даже вывод о том, что это способствует нарастанию конфликтов на национальной и этнической почве [7]. Однако, следует отметить, что православие наднационально. Об этом высказывался ещё в 1991 г. Алексей II: «Православие никогда не носило шовинистический характер, не выступало с позиций антисемитизма, потому что мы всегда руководствовались словами апостола Павла, который говорил, что во Христе нет ни эллина, ни иудея. Сегодня мы продолжаем ту же линию» [8]. Этническая рознь для православия немыслима, так как огромный опыт сотрудничества с другими конфессиями и миротворческий характер социальной деятельности РПЦ просто отвергает саму мысль о возможности этнического разобщения.

В конце 90-х годов назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений.

Становится очевидным то, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та конфессия, члены которой составляют наибольшее количество прихожан, по праву может претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством. Опыт западных стран показывает, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и вносит существенный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий юридически закреплены. В России в конце 90-х годов стали появляться новые концепции государственно-церковных взаимоотношений: например, проект разработанный кафедрой религиоведения Российской Академии Государственной Службы, в котором детально определяются права традиционных религий в сфере отношений с государством, дается аргументированное определение понятия “ традиционная конфессия”; концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленная Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве и др. Появляются и проекты Закона о традиционных религиях. Но эти предложения лишь активно обсуждаются . Тем не менее, на наш взгляд, реализация этих предложений могла бы помочь разрешить многие трудности, связанные с вопросами взаимоотношений органов государственной власти с ведущими конфессиями. Становится очевидным, что существующее российское законодательство в религиозной сфере не отражает современные реалии.

Отсутствие соответствующего законодательства создает определенные трудности и на местах. Примером может служить религиозная ситуация в Ярославской области. Как и во многих других регионах, здесь существует ряд проблем: передача культовых зданий и их территорий религиозным объединениям (сейчас в Совете Федерации обсуждается вопрос о передаче земли в собственность традиционным религиозным объединениям), трудности с их налогообложением, а так же проблема связанная с деятельностью новых религиозных организаций, которые большинство специалистов и религиозных деятелей называют тоталитарными сектами. Однако, Ярославская область может поделиться опытом решения вопросов религиозной сферы как с другими регионами, так и с центром. Особенно это касается взаимоотношения с традиционными религиозными организациями. На сегодняшний день существует целая система действующих договоров и соглашений с ведущей конфессией области – Русской Православной Церковью. В современной России

не создана четкая структура государственных органов, занимающихся вопросами религиозной сферы (необходимость ее формирования сейчас активно обсуждается), поэтому соглашения о сотрудничестве РПЦ и власти в различных сферах жизни подписываются напрямую с Администрацией и руководством департаментов области, при посредничестве советника губернатора по религиозным вопросам. За последние 10 лет проведены большие работы по восстановлению православных святынь, которые все без исключения находились в полуразрушенном состоянии и требовали больших затрат на восстановление. Администрацией области и мэрией города Ярославля оказывалась организационная и финансовая поддержка в восстановлении мусульманской мечети, иудаистской синагоги (передана в собственность) и лютеранской кирхи.

В прошедшее десятилетие проводилась целенаправленная работа по взаимодействию областной Администрации и Ярославской Епархии по широкому кругу вопросов, связанных с православным образованием и просвещением. Например, в соответствии с соглашением от 22 мая 1995 г. выросло количество воскресных школ (до 45), увеличилось число православных гимназий, организована работа детских летних православных лагерей, созданы отделы православной литературы в ряде городских библиотек области; администрация оказывает финансовую поддержку в выпуске газеты "Ярославские епархиальные ведомости"; на базе института повышения квалификации работников просвещения проведена учеба учителей области по программе, разработанной Епархией и согласованной с департаментом образования; подписано Соглашение о сотрудничестве между Ярославской Епархией и управлением внутренних дел Ярославской области; организована духовно просветительская деятельность священнослужителей Ярославской Епархии в учреждениях, исполняющих наказание. В области регулярно устраиваются научно-практические конференции, круглые столы и семинары. Так, 14-16 мая 1996 г. состоялась всероссийская конференция "Культура. Православие. Образование." С 1998 г. при содействии администрации устраиваются всероссийские "Иеринарховские Чтения", традиционными стали "Игнатъевские Чтения". На них разбираются как богословские, так и насущные проблемы российского общества. Событием всероссийского масштаба стала научно-практическая конференция "Церковь и общество: пути взаимодействия в сфере образования, науки и культуры", состоявшаяся с 18 по 20 февраля 2003 г. в Ярославле. Конференция проходила уже во второй раз и была организована Администрацией Ярославской области, Ярославским Епархиальным Управлением и Российской Академией Образования. В центре внимания участников конферен-

ции находился вопрос о введении преподавания основ православной культуры в образовательных учреждениях Ярославской области. Конференция проходила под патронажем Управления Администрации Президента РФ, полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко. На пленарном заседании выступил и заместитель министра образования РФ Л.С.Гребнев. Подобная конференция, как и все перечисленные мероприятия - свидетельство конструктивного подхода к решению актуальных вопросов взаимоотношения местных органов государственной власти и Русской Православной Церкви.

Произошедшие перемены в конце 80-х годов требовали не только переоценки подходов власти к религиозной сфере, но и формирования новой социальной концепции РПЦ. Церковь оказалась перед фактом необходимости нового осмысления своей миссии в современном обществе. В этой связи всё более актуальной становится проблема "обновления" РПЦ. В Церкви появились священнослужители, которые заявляют о необходимости реформ, главной целью которых является сближение РПЦ с современным секулярным обществом. Странников изменений условно называют "обновленцами", подчёркивая преемственность с аналогичным процессом начала XX века. Среди них выделяют: А. Меня, Г. Кочеткова, А. Борисова, Г. Чистякова и др. В разное время, на современном этапе истории России, они выступали за процесс экуменизма, изменение литургического языка на современный, обновление устава Церкви и др. Однако, в 90-х годах движение "за обновление" получило сильное сопротивление в лице радикально-настроенных священнослужителей. Многие исследователи называют их фундаменталистами [9]. Влияние фундаменталистов [10], отстаивающих традиции и противостоящих модерну как в светской, так и в церковной зоне, симптоматично. Они апеллируют к традиционалистичности Церкви, подчас увлекая за собой многих священнослужителей и оказывая давление на Патриархию. В этом плане показательны процессы против Г. Кочеткова, А. Борисова, Г. Чистякова, обличение экуменистических иерархов, выступления митрополита Кирилла (председателя внешних церковных сношений Московского Патриархата), посвящённые критике либерализма [11].

Проблема «обновленчества» – очень сложный комплекс вопросов, который связан с основами социального учения РПЦ. В истории Церкви борьба с "обновленчеством" велась несколько столетий, так как сохранение незыблемости предания и традиции – главный принцип православия. РПЦ не приемлет секуляризм, последний для неё – главная опасность. Однако, существование РПЦ в современном мире, требует активного участия Церкви в жизни со-

циума. Для этого ей необходимо строить социальную концепцию по канонам гражданского общества.

Проблема соответствия социальной концепции РПЦ современному секулярному обществу, то есть нахождение компромисса с модерном в светской зоне – задача, перед которой сейчас стоит Церковь. Движение за "обновленчество" на протяжении 90-х гг. XX века было очень малочисленным. Однако проблему изменения социальной концепции РПЦ уже ставит историческая необходимость. Принятые Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г. "Основы социальной концепции РПЦ" предполагают усиление влияния Церкви на общество [12]. В "основах" нет противоречий с православной традицией, подтверждается важнейший постулат – отделение Церкви от государства, при сохранении их сотрудничества на принципах «симфонии». "Основы" – первый шаг РПЦ на встречу обществу.

1. См.: О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями и дополнениями, внесёнными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1975. № 27. С. 572.
2. Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 8.
3. См.: Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. М., 2001. С. 47.
4. См.: Участие Русской Православной Церкви в посреднической миссии по преодолению политического кризиса в России: Сборник. Изд. ОВЦС. Московского Патриархата. М., 1993. Сентябрь – октябрь.
5. См.: Заявление в связи с обострением трагических событий в Чечне // Информационный бюллетень ОВЦС. Московского Патриархата. 1995. 13 января.
6. См.: О встрече святейшего Патриарха с лидером мусульман Чечни // Информационный бюллетень ОВЦС. Московского Патриархата. 1995. 13 января. С. 3.
7. См.: напр.: Материалы о нарушениях свободы совести в России (1994 – 01. 1996.) М., 1996.
8. См.: Интервью Би-Би-Си, опубликованное в «Панораме». № 14, декабрь 1991 // Пригорин А. Патриарх и политики. // Вестник Русского христианского движения. 162 / 163. II, III. 1991. С. 327.
9. В настоящее время систематическое внимание проблеме уделяют К. Костюк, С. Филатов, иг. Вениамин, М. Ситников, А. Кырлежев, Г. Касьянова, Н. Николаев, Б. Фаликов, А. Верховский и др.
10. К их числу в настоящее время причисляют еп. Серафима (Соболева), митр. Иоанна Санкт-Петербургского и Ладужского (Снычёва), иг. Тихона (Шевкунова) и др.

11. См.: Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Обстоятельства нового времени: либерализм, традиционализм и моральные ценности объединяющейся Европы. Независимая газета, ИГ – религии, 1999. 26. V. и др.

12. См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Изд-во Московской патриархии, 2000 // www.russian-orthodox-curch.org.ru

СОДЕРЖАНИЕ

П. Г. Аграфонов. К вопросу об особенностях практики культы героев в античном мире.....	3
М. В. Талашов Двоевластие в Хазарии: эволюция государственной традиции у кочевников Восточной Европы.....	13
А. В. Бородин. Самозванцы в русском расколе XVII века.....	25
Ю. С. Крюкова. Жизнь масонской ложи (к истории российского вольного каменщичества XVIII века).....	32
С. Л. Воронцов. Военное управление на территории Российской империи в XVIII – начале XX веков.....	43
Е. Л. Сараева. Формирование культурной среды в России в конце XVIII - первые десятилетия XIX вв.....	50
Т. И. Волкова. Правительственное регулирование финансовой деятельности земств: порядок составления доходной сметы и раскладки земского сбора.....	59
В. М. Марасанова. Местное управление в период подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. (на материалах Верхнего Поволжья).....	66
Л. М. Архипова О значении ярмарочной торговли в развитии Центрально-нечерноземного района России * в конце XIX - начале XX в.....	74
А. М. Новоторцева. Законодательство об акционерных компаниях в отражении российской периодической печати в конце XIX – нача- ле XX века.....	84
Р. А. Смирнов. К вопросу о социальной идентификации в Ярослав- ской губернии: новое дворянство в конце XIX – начале XX в.....	91

Н. Ю. Рождественская. Реализация законов о нищенстве в Российской империи в конце XIX – начале XX века.....	95
Н. В. Дутов. Ярославский краевед П.А. Критский.....	102
Г. Н. Кочешков. Частные земельные собственники в борьбе против захватных действий крестьян (лето – осень 1917 г.).....	113
Н. А. Колгушова. Социальный облик нэпманов по архивным материалам Ярославской области (1920-е годы).....	124
С. А. Гвоздев. “Дело Берия”: официальная версия и общественные настроения (1953 г.).....	134
А. В. Еремин. Государственно-церковные отношения в современной России (проблемы и перспективы).....	149

Научное издание
Народ, политика, власть в истории России
Под редакцией доктора исторических наук,
профессора Г. Н. Кочешкова

Редактор Л. И. Догадина
Макетирование Н. А. Колгушова.

Фото на обложке – «Ярославль. Парад войск на плацу». –
Ярославль в старых открытках и фотографиях.
М.: Искусство, 1998.

Подписано в печать 18.10.2004. Формат 60×84 1/16
Бумага белая. Гарнитура Таймс. Печать ризограф.
Усл. печ. л. 10.
Тираж 150 экз. Заказ 527.

Издательство Ярославского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Отпечатано в типографии
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001
г. Ярославль, пр-т Октября, 94, оф. 37
тел. (0852) 73-35-03, 58-03-48, 58-03-49